

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

АПРѢЛЬ.

1878.

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СХСѪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерин. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1878.

СОДЕРЖАНИЕ.

Правительственные распоряжения.

Сказанія о красавицѣ въ теремѣ и русская
былина о подсолнечномъ царствѣ. . . А. Н. Веселовскаго.

Исторія Волгарь въ трудѣ К. О. Иречка . В. Макушева.

Критическія и библиографическія замѣтки.

Geschichte der Serben von ältesten Zeiten bis 1815.
von Benjamin von Kallay, General-Consul in
Belgrad. (Исторія Сербовъ съ древнѣйшихъ
временъ до 1815 г. Вениамина фонъ-Калая,
генеральнаго консула въ Вѣнградѣ. . . . . В. Кочановскаго.

Теорія словесности, какъ научный и учеб-
ный предметъ. . . . . И. Вѣлоруссова.

Къ вопросу о преподаваніи математики. . К. Мазинга.

Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по
физико-математическому и историко-
филологическому отдѣленіямъ за 1876
и 1877 годы.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: а) универ-
ситеты.

Письмо изъ Парижа . . . . . Л. Л.—ра.

Начальная дѣятельность Общества любите-
лей древней письменности. . . . .

Объ участіи городскихъ обществъ въ по-
жертвованіяхъ на дѣло образованія.

Отдѣлъ классической филологии и Приложение.

(См. на 3-й стр. обертки.)

ИСТОРИЯ БОЛГАРЪ ВЪ ТРУДЪ К. О. ИРЕЧКА.

Иречка, К. История Вулгарь. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. А. Яковлева. Два выпуска. Варшава. 1877.

Появленіе русскаго перевода труда К. О. Иречка въ настоящее время какъ нельзя болѣе кстати: наше общество едва ли когда столько интересовалось Болгаріей, какъ нынѣ. Имѣя въ виду, что по нынѣшнимъ обстоятельствамъ этимъ переводомъ будутъ пользоваться между прочимъ и такіе читатели, которые не занимались спеціально болгарскою исторіей и притомъ не имѣютъ въ рукахъ подлинника, считаемъ полезнымъ рассмотреть слѣдующіе два вопроса: во-первыхъ, на сколько вѣренъ съ подлинникомъ переводъ, изданный подъ редакціей г. Яковлева, и во-вторыхъ, на сколько удовлетворителенъ въ научномъ отношеніи самый трудъ К. О. Иречка.

Надъ первымъ вопросомъ мы не будемъ долго останавливаться. Переводъ вообще удовлетворителенъ, хотя далеко не безупреченъ. Главный его недостатокъ заключается въ неправильномъ склоненіи и чтеніи славянскихъ названій; такъ читаемъ: къ Призрѣ (стр. 24) вмѣсто къ Призрену, отъ города Прилѣпъ (стр. 26) вмѣсто Прилѣпа, между Ловечемъ и Плевно (стр. 52) вм. Ловчею и Плевною и т. п.; имя хорватскаго ученаго Рачкаго почему-то не склоняется: „на основаніи труда Рачки (стр. 165 и др.)“ чешскій ученый Гинцель называется Гинзелемъ (стр. 143), вмѣсто Дубровчане читаемъ Рагузане (стр. 436 и др.) и т. п. Встрѣчается и невѣрный переводъ, особенно въ концѣ 2-го выпуска; такъ напримѣръ, на стр. 485 читаемъ слѣдующую бессмыслицу: „Григоровичъ въ 1845 году нашелъ въ монастырѣ св. Паума одного только игумена безъ монаховъ; Грежъ (то-есть, игумень) свободно распоряжался съ 30 монахами въ обширномъ монастырѣ“, что

по нѣмецки читается такъ: „Grigorović traf 1845 in Kloster St. Naum am Ochrida-See den Igumen allein ohne Mönche; der Grieche schaltete mit 30 Knechten frei in dem geräumigen Kloster (s. 513)“: изъ knecht'o въ (парики по болгарски, крѣпостные) переводчикъ сочинилъ монаховъ; на той же страницѣ, нѣсколько выше, читаемъ: „Опъ... палъ въ Добруджѣ въ борьбѣ съ Москвитянами“, чему соотвѣтствуетъ въ нѣмецкомъ подлинникѣ: „Er... fiel in der Dobrudza in Kampfe gegen die „Moskov“: переводчикъ не обратилъ вниманія на то, что слово не нѣмецкое „Moskov“ поставлено въ кавычкахъ, чѣмъ уже указывалось на то, что этому слову придается особое значеніе, и ему легко было бы справиться, что это слово у Турокъ, Болгаръ и Сербовъ обозначаетъ вообще Русскаго, и у Турокъ Москвъ-гауръ бранное слово, а у южныхъ Славянъ (у Сербовъ) Москвъ одъ Москва—выспая похвала (наилучшій изъ Русскихъ); на стр. 488 читаемъ: „самые греческіе свертки теперь уже давно растасканы. (= jene griechischen Pergamente sind jetzt schon längst verschleppt“, стр. 516)“ Встрѣчаются также германизмы; напримѣръ: „гдѣ онъ самъ исполнялъ должность проигумена (стр. 490=wo er selbst das Amt eines Proigumen verwaltete)“. Есть и пропуски, измѣняющіе смыслъ, такъ напримѣръ, на стр. 93 — 94 читаемъ: „они (южные Славяне) сражались большею частію пѣшие, часто совершенно нагіе“, что по нѣмецки читается такъ: „Sie kämpften zumeist zufuss, oft bis auf's Beinkleid unbekleidet“ (стр. 100). Но что всего удивительнѣе, редакторъ перевода позволялъ себѣ, нисколько не стѣсняясь, дѣлать прибавленія въ примѣчаніяхъ и даже въ текстѣ, вовсе этого не отбѣвая. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ примѣчаніи на стр. 90, г. Яковлевъ приводитъ сочиненія трехъ русскихъ ученыхъ, о которыхъ не упоминаетъ г. Иречекъ ни въ чешскомъ, ни въ нѣмецкомъ изданіи своей „Исторіи Болгаръ“. Въ примѣчаніи 3-мъ на стр. 121, онъ ссылается на Д. И. Иловайскаго, „Разысканія о началѣ Руси“, между тѣмъ какъ г. Иречекъ въ примѣчаніи на стр. 137 ясно говоритъ, что трудъ г. Иловайскаго былъ ему неизвѣстенъ: „Die Abhandlung des russischen Historikers Nowajski über den Slavismus der alten Bulgaren ist uns bis zur Stunde nicht zu Gesicht gekommen“. Въ примѣчаніяхъ на стр. 156—161 упоминается изслѣдованіе М. С. Дринова, „Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ“, которымъ также не могъ воспользоваться г. Иречекъ, какъ видно изъ слѣдующихъ его словъ въ „Nachträge und Berichtigungen“: „Die soeben im Druck befindliche Abhandlung des Herrn Drinov „Die Slaven und die Byzan-

tiner im XI Jahrhundert“ stellt die Geschichte Symeon's in ein ganz neues Licht, vorzüglich durch Aufdeckung neuen Quellenmaterials“. На стр. 163, какъ въ текстѣ такъ и въ примѣчаніи, упоминается изслѣдованіе г. Веселовскаго: „Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ“, о существованіи котораго г. Иречекъ вовсе не зналъ. На стр. 174 въ примѣч. 1 находимъ ссылку на „новое изслѣдованіе профессора С.-Петербургскаго университета Васильевскаго“ (подразумѣвается „Византия и Печенѣги“ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 года), которое также было неизвѣстно г. Иречку, и т. д.

Приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдиться, что на переводъ г. Яковлева не всегда можно полагаться, и что необходимо иногда проверять его съ подлинникомъ.

Замѣтимъ наконецъ, что въ самомъ заглавіи перевода: „Исторія Булгаръ“ находится ошибка противъ русскаго языка: г. Яковлеву должно бы быть извѣстно, что старо-славянское сочетаніе лъ переходитъ у насъ въ ѡл, а не въ ул, а слѣдовательно старо-славянскому Влѣгаре будетъ соответствовать въ русскомъ языкѣ форма Волгаре, а не Булгаре.

Русскій переводъ сдѣланъ по изданію на нѣмецкомъ языкѣ (*Geschichte der Bulgaren*, Prag. 1876, стр. XI, 587). Одновременно съ нимъ вышло чешское изданіе (*Dějiny národa Bulharského, v Praze 1876, стр. VIII, 536*). Въ обоихъ изданіяхъ находятся предисловіе, не переведенное г. Яковлевымъ, и алфавитный указатель, облегчающій справки и опущенный, въ сожалѣнію, переводчикомъ.

Тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ „Исторіи Булгаръ“ М. С. Дриновъ написалъ въ Болгарское ученое общество въ Браилѣ письмо (Прага, февраль 1876 года), въ которомъ изложилъ свое мнѣніе о трудѣ г. Иречка. Это письмо было напечатано въ изданіи Браилловскаго общества: Периодическо списание на Влѣгарското Книжовно Дружество (1876 г., кн. XI—XII), и вслѣдъ затѣмъ, появилось въ переводахъ—чешскомъ (*Časopis Českého Musea 1876*) и нѣмецкомъ (*Archiv für Slavische Philologie, II Bd., 1 Heft*). Помѣщая въ своемъ журналѣ рецензію г. Дринова, профессоръ Ягичъ сдѣлалъ отъ себя слѣдующее замѣчаніе: „Es wird wohl keiner Rechtfertigung bedürfen, dass ich diese Anzeige eines in erster Linie allerdings geschichtlichen, aber auch für die Literaturgeschichte und Alterthumskunde des betreffenden Volkes viel wichtiges enthaltenden Werkes in unsere der slav. Philologie gewidmeten Zeitschrift aufgenommen habe. Die Anzeige rührt von einem Manne her, der wohl heute als der competenteste Beurtheiler

dieses Werkes angesehen werden darf, nicht blos darum, weil ihm als geborenen Bulgaren die heutigen Verhältnisse am nächsten liegen, sondern auch weil er selbst durch eine Reihe von Beiträgen gerade für die Erforschung der bulg. Geschichte bahnbrechendes geleistet hat". Изъ этихъ словъ видно, какъ высоко цѣнить г. Ягичъ трудъ г. Иречка и рецензію г. Дринова. Въ двухъ другихъ примѣчаніяхъ почтенный редакторъ Архива Славянской Филологіи упоминаетъ объ изслѣдованіяхъ гг. Иловайскаго (О началѣ Руси) и Дринова (Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ). Кромѣ того, въ примѣчаніи на стр. 171 онъ обращаетъ вниманіе на болгарскія собственныя имена въ рукописномъ Евангеліи въ Cividale. Такъ какъ г. Ягичъ придаетъ большое значеніе для болгарской исторіи одной записи въ этой рукописи, то мы позволимъ себѣ немного остановиться на ней.

По мнѣнію Бетмана и Ваттенбаха, чивидальская рукопись относится къ V—VI столѣтію, а записи, состоящія изъ именъ поклонниковъ, „qui venerunt in isto monasterio“ (вѣроятно, въ Аквилѣ), не старше конца VIII и не моложе конца X вѣка. Въ числѣ этихъ именъ встрѣчаемъ имена болгарскія, хорватскія, паннонскія и моравскія: по мнѣнію К. О. Иречка, эти имена были внесены въ чивидальскую рукопись въ концѣ IX вѣка (Časop. Česk. Mus. 1876, str. 776). Между болгарскими именами находятся имена Болгарскаго царя Георгія Михаила (Hic sunt nomina de Bulgaria, imprimis rex illogum Georg Michael), двухъ его братьевъ (Dox et Gabriel), жены Маріи, четырехъ сыновей (Rasate, Gabriel, Simeon et Jacob) и двухъ дочерей (Praxi et Anna). Г. Ягичъ, подобно г. Иречку (стр. 775), подъ Георгіемъ Михаиломъ разумѣетъ Бориса-Михаила, перваго христіанскаго государя Болгаръ. Имена болгарскаго княжескаго семейства внесены въ чивидальскую рукопись, какъ полагаетъ г. Ягичъ, по просьбѣ перваго болгарскаго поклонника, о коемъ упоминается въ записи, писанной тою же рукою, которая вписала имена членовъ этого семейства: De Bulgaria qui primus venit in isto monasterio nomen ejus Sondoke (далѣе слѣдуютъ имена двухъ его жёнъ, отца, матери, двухъ сыновей и пятерыхъ дочерей, а потомъ читаемъ):... et alius homo bonus Petrus... et Georgius. Г. Иречекъ утверждаетъ, что подъ именами Petrus и Sondoke въ этой запискѣ разумѣются Петръ, родственникъ Бориса и посолъ его къ папѣ въ 869 году, и Sundicus, болгарскій бояринъ, присутствовавшій на Константинопольскомъ соборѣ 870 года; но такому объясненію противорѣчатъ слова: „et alius homo bonus (Petrus)“: извѣстно, что въ западной

Европѣ богомилы назывались *boni homines*; слѣдовательно, Petrus былъ богомилъ, но по записи второй (*alius*) изъ посѣтившихъ монастырь, первымъ же, конечно, былъ выше его записанный Sondoke (Съдъкъ). Наша догадка оправдывается еще тѣмъ, что одна изъ дочерей Съдъка называлась, по записи, *Vogomilla*,— имя, указывающее на принадлежность къ богомилской ереси (Богомилъ = Теофилъ, ученикъ апостола Павла, былъ въ особомъ почитаніи у богомиловъ и павликианъ). Если же Съдъкъ и Петръ были богомилы, то запись не можетъ относиться къ IX вѣку, и упоминаемый въ ней *gex Vulgagogus* не можетъ быть Борисъ Михайлъ. По нашему мнѣнію, вышеупомянутыя записи относятся къ началу XI вѣка, когда стало распространяться богомилское ученіе въ Италиіи вообще и въ сѣверной ея части въ особенности (въ Веронѣ, Тревизѣ, Бергамо, Мантуѣ, Миланѣ) и когда впервые появились въ ней миссіонеры болгарскихъ богомиловъ. Къ болѣе позднему времени эти записи нельзя отнести, потому что съ 1018 года у Болгаръ не было уже царей (до возстановленія царства въ концѣ XII вѣка); а въ это время, то-есть, въ началѣ XI вѣка, въ Болгаріи царствовалъ Гавриилъ Романъ Радомиръ, который вмѣстѣ съ женою своею былъ самымъ ревностнымъ послѣдователемъ богомилскаго ученія, и мы полагаемъ, что его слѣдуетъ разумѣть подъ *gex Georg Michael*, не смотря на несходство имени (что можетъ быть различнымъ образомъ объясняемо), ибо немислимо, чтобы богомилъ сталъ вносить въ такую священную книгу, какъ Евангеліе, имя православнаго царя, особенно же Бориса-Михаила, жившаго почти за два вѣка передъ тѣмъ. Въ пользу нашей догадки говоритъ еще то обстоятельство, что у Романа Гавриила было столько же дѣтей, сколько упоминается въ записи: пять сыновей и двѣ дочери (пятый сынъ, вѣроятно, родился позже записи). Намъ могутъ возразить, что невозможно допустить, чтобы богомилы, отвергавшіе церковную іерархію, не почитавшіе иконъ и мощей, ходили на поклоненіе въ католическій монастырь. На это мы отвѣтимъ, что чивидальская рукопись приписывалась въ средніе вѣка апостолу Марку, что апостолы и особенно евангелисты были въ большомъ почитаніи у богомиловъ, и что поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если они ходили въ католическій монастырь вписывать свои имена въ такую священную книгу, какъ собственноручное Евангеліе апостола Марка.

Что касается рецензій г. Дринова, то при всемъ уваженіи къ его знаніямъ, мы далеко не раздѣляемъ мнѣнія о ней г. Ягича. Она написана подъ первымъ впечатлѣніемъ—поспѣшно и необдуманно. По

всей вѣроятности, онъ не предполагалъ, что она приобрететъ такую известность, и вслѣдствіе того, будетъ подвергнута критикѣ г. Дринова, какъ Болгаринъ и притомъ писавшій для Болгаря, слишкомъ увлекся: онъ приписалъ труду г. Иречка такія достоинства, какихъ книга не имѣетъ, и унижилъ предшественниковъ ея автора. Не отрицая трудолюбія и известнаго литературнаго таланта г. Иречка, допуская даже нѣкоторую долю самостоятельности въ его трудѣ, мы не можемъ согласиться съ отзывомъ г. Дринова о научномъ значеніи „Исторіи Болгаръ“ и объ отношеніи ея къ предшествовавшимъ ей изслѣдованіямъ. Его „Исторія Болгаръ“, говоритъ рецензентъ, — одна должна быть исходною точкою, отъ которой будутъ отправляться всѣ изслѣдователи нашей прошлой жизни; а многочисленныя открытія (многочисленныя открыванія, въ чешскомъ переводѣ смягчено: četné záměstné výsledky, также и въ нѣмецкомъ: Die vielen selbständiggewonnenen Resultate), которыя онъ внесъ въ свою книгу, останутся навсегда драгоценнымъ вкладомъ въ славянскую науку“. Къ созданію, эти открытія весьма немногочисленны и притомъ не всегда надежны, какъ постараемся доказать въ настоящей статьѣ. Особенныхъ похвалъ удостоился г. Иречекъ за исторію втораго Болгарскаго царства, которую, по словамъ рецензента, „изложилъ съ такою полнотою, подробностью и основательностію, что эта до сихъ поръ малоизвѣстная часть нашей исторіи можетъ нынѣ считаться наиболѣе извѣстною и наилучше обработанною“. Г. Дриновъ предполагаетъ, что г. Иречку предстоялъ огромный трудъ — собирать разнообразный матеріалъ, разбросанный по разнымъ книгамъ, очищать критикою, приводить въ порядокъ и объяснять. Онъ говоритъ, что г. Иречку только въ весьма немногихъ вопросахъ помогли труды его предшественниковъ. Сравнивъ съ этими трудами „Исторію Болгаръ“, мы пришли къ убѣжденію, что г. Иречекъ прибавилъ весьма мало къ тому, что уже прежде было извѣстно; что это малое не имѣетъ существенной важности, что онъ скорѣе справлялся съ источниками, чѣмъ изучалъ ихъ, и что исторія втораго Болгарскаго царства была разъяснена прежде него русскими учеными, — какъ будетъ доказано ниже. Точно также мало новаго сказалъ г. Иречекъ о Болгаріи подъ турецкимъ владычествомъ, хотя, по мнѣнію г. Дринова, ему предстоялъ при этомъ большой и тяжелый трудъ (гольмъ и тежкъ трудъ). Только относительно 25-й главы (внутренняя исторія Болгаріи въ XIII и XIV вѣкахъ) мы готовы согласиться съ г. Дриновымъ, хотя не раздѣляемъ его увлеченія. Что касается остальныхъ частей „Исторіи Болгаріи“ (за исключеніемъ топо-

графическаго описанія и свѣдѣній о новѣйшей болгарской литературѣ), то самъ рецензентъ не признаетъ ихъ трудомъ самостоятельнымъ и сожалеетъ о разныхъ ошибкахъ и промахахъ, встрѣчающихся въ нихъ.

Вообще, по нашему мнѣнiю, ошибочно смотрѣть на книгу г. Иречка, какъ на трудъ ученый, самостоятельный и критическiй: самостоятельнаго въ ней мало, а трудами своихъ предшественниковъ г. Иречекъ пользуется некритически, принимая обыкновенно послѣднее по времени мнѣнiе за послѣднее слово науки и относясь слишкомъ рабски къ мнѣнiямъ Шафарика, Миклошича и другихъ западно-славянскихъ ученыхъ. Отъ того въ его книгѣ много ошибокъ и промаховъ, которые постараемся исправить. Кромѣ поправокъ, представляемъ наши дополненiя къ труду г. Иречка и замѣчанiя по поводу рецензiи г. Дринова, которую будемъ имѣть постоянно въ виду.

Исходи изъ положенiя, что „все умственное развитiе народа въ значительной степени обуславливается устройствомъ поверхности и характеромъ мѣстности, на которой онъ поселился“, г. Иречекъ начинаетъ свой трудъ орографическимъ и гидрографическимъ описанiемъ земель, входившихъ нѣкогда въ составъ Болгарскаго царства: это — первая глава „Истории Болгаръ“. При ея составленiи, авторъ пользовался многочисленными трудами какъ иностранцевъ (Ганъ, Гризебахъ, Каницъ, Петерсъ, Рокштрб, Гохштеггеръ, Фальмераьеръ: — на нѣмецкомъ языкѣ, Ами-Буэ, Вланки, Лежанъ, Прю — на французскомъ), такъ и Славянъ (Верковичъ и Григоровичъ на русскомъ языкѣ, Захарiевъ, Панаiотъ Гитовъ и Кристо Поляковъ на болгарскомъ, Мачай и Милоевичъ — на сербскомъ). Кромѣ того, встрѣчаемъ указанiя на Страбона; Византийцевъ (Кедрипъ, Никита Хонскiй, Никифоръ Григоръ, Кантакузинъ), эпископскую лѣтопись Музаки, болгарскiя и сербскiя грамоты, акты Константинопольскаго патрiархата, сербскiя лѣтописи и даже болгарскiя пѣсни и поэмъ „Османъ“ знаменитаго дубровницкаго поэта Гундулича. На основанiи этихъ источниковъ авторъ представляетъ характеристику каждой мѣстности, приводя при этомъ, рядомъ съ нынѣшними употребительными названiями, употребившимися въ древности и въ среднiе вѣка. Придирчивая критика могла бы указать автору на то, что онъ кое-чѣмъ не воспользовался, и что его заимствованiя изъ Византийцевъ отличаются случайностью. Мы ограничимся только двумя замѣчанiями на эту главу — безспорно одну изъ лучшихъ въ книгѣ г. Иречка: 1) говори о хроникѣ Музаки, онъ ссылается на отрывки, изданныя нами въ V книгѣ Трудовъ Югославянской Академiи, конечно, не зная, что вся хроника

издана кенигсбергскимъ профессоромъ Карломъ Гопфомъ въ 1873 году въ его „Chroniques Gréco-Romanes“; 2) производство названія „Добруджа“ отъ имени „Добротичъ“ филологически невозможно и исторически невѣрно: удѣлъ Болгарскаго деспота Добротича (въ половинѣ XIV вѣка) находился не въ Добруджѣ, а на югъ отъ Варны по берегу Чернаго моря и по теченію рѣки Камчика.

Слѣдующія двѣ главы („Орако-Иллирійцы и Римляне“ и „Славянская колонизація на Балканскомъ полуостровѣ“) составлены преимущественно по извѣстному изслѣдованію харьковскаго профессора М. С. Дринова: „Заселеніе Балканскаго полуострова Славянами“ (Москва, 1873 г.). Отъ себя авторъ прибавилъ во II-й главѣ замѣтки о курганахъ на Балканскомъ полуостровѣ, о языкѣ и образѣ жизни Оракійцевъ и о покореніи полуострова Римлянами (по Захаріеву, Рёслеру, Форбигеру, Моммзену и нѣк. др.). Археологическія свѣдѣнія, почерпнутыя г. Иречкомъ въ небольшомъ трудѣ Захаріева (Описаніе Татарпсарджикскаго округа), можно въ настоящее время пополнить извѣстіями, сообщенными Ефремомъ Карановымъ въ описаніи Кратовскаго округа, лежащаго между рѣками Брѣгальницею, на берегахъ которой, по преданію, началась апостольская дѣятельность св. Кирилла, и Кривою („Описание на Кратовската каза“ въ „Периодич. Спис. на Българското Книжовно Дружество“, кн. XI и XII, 1876). Въ концѣ этой главы авторъ касается любопытнаго вопроса объ автохтоніи Славянъ на Балканскомъ полуостровѣ. Принимая мнѣніе г. Дринова, что Славяне появляются за Дунаемъ не ранѣе II—III столѣтія по Р. Х., авторъ приводитъ примѣры „курьезныхъ коверканій географическихъ названій“, на которыхъ основана орако-славянская теорія. „Вся шаткость этой теоріи“, говоритъ въ заключеніе г. Иречекъ, — „лучше всего видна въ толкованіи Булазоба (Була-ѡра). Городъ этотъ лежалъ въ верхней Македоніи, гдѣ теперь стоятъ Велесъ, и упоминается въ первый разъ въ 216 году до Р. Х. Имя якобы чисто славянское: Була-зоба — Бѣлая зора. Дѣйствительно, странное названіе! По нашему мнѣнію, совершенно непонятно, какъ могла зародиться странная мысль назвать городъ такимъ поэтическимъ именемъ. Кромѣ того, зоря обыкновенно алая, а не бѣлая. Прибавимъ сюда еще сильное филологическое опроверженіе. Названіе съ незапамятныхъ временъ могло произойтись по болгарски не Була, а только Бѣла зора. Дѣйствительнаго, смысла названія приходится искать въ языкѣ Албанцевъ (?!). На этомъ языкѣ уга, уге, которое, очевидно (!) входитъ въ составъ нашего названія (Булаз-оба), значить

мостъ, и Ганъ справедливо говоритъ, что природа какъ-бы сама назначила мѣсто, гдѣ теперь стоитъ Велесъ, для моста черезъ бѣшеный Вардаръ, который, вѣроятно, и былъ здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ только люди стали строить мосты. Также Турки, называя Велесъ, албанскій Вълъсъ, византийскій и новогреческій Βελεσοῦς или Βελεσῶ, перевели Bylazoga Kjögrülu отъ kjögrü — мостъ „(русскій переводъ“, стр. 67). Отъ такого словопроизводства, не будь въ обиду сказано, почтеннѣйшій М. С. Дриновъ пришелъ въ восторгъ. Въ своей рецензiи (Периодич. Спис. Българското книжовно Дружество кн. XI и XII, стр. 218—219) онъ говоритъ: „Това объяснение е, колкото остроумно, толкова и основателно. Съ него г. Иречекъ е нанеслъ послѣденъ ударъ на трако-иллирската теория“. Еслибы дѣйствительно такимъ словопроизводствомъ былъ нанесенъ послѣднiй ударъ ерако-славянской теорiи, то честь его принадлежитъ не г. Иречку, а англiйскому путешественнику Лику (Leake), который въ своемъ „Travels in Northern Greece“ (III, 470) производитъ Βολαζωρα отъ албанскаго Welese и ure, ura; но на неосновательность такого словопроизводства указалъ уже знаменитый албанонологъ Ганъ. Въ „Reise von Belgrad nach Salonik“ (Wien, 1861, стр. 102) онъ говоритъ: „Sobald wir den Namen als albanesisches Wort fassen und bedenken, dass die Hellenen das gedeckte albanesische e durch andere Laute ersetzen mussten, so erscheint Leake's Zusammenstellung von Welese mit dem alten Bylazora (Βολαζωρα) als ganz unbedenklich. Auffallend ist nur, dass ure, bestimmt ura im Albanesischen die Brücke heisst, und dass sich demnach Bylazora mit Wellesbrücke übersetzen liesse, wenn wir eine ähnliche albanesische Composition beibringen könnten, in welcher, wie im Türkischen, der Genitiv vor dem Nominativ steht. Bei allen uns bekannten albanesischen Compositis folgt je doch der Genitiv dem Nominativ nach“. Не смотря на такое опроверженiе, основанное на духѣ албанскаго азыка, г. Иречекъ заимствовалъ у Лика словопроизводство Вьлазоры и чистосердечно вѣритъ въ его непогрѣшимость; поэтому считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ загадочномъ названiи. Въ немъ суффиксъ ор напоминаетъ часто встрѣчающiйся у Византийцевъ суффиксъ ур=ор въ названiи племенъ: Утургури и Утигури (у Прокопiа) = Утригури и Витигури у Агаѳiа и Менандры (=Витугоры у Жорнанды); Кутургури (у Прокопiа) = Котригури у Агаѳiа и Менандра = Котраги у Теофана и Никифора; Амалзуры (у Приска); Улѣтинзуры (у Прокопiа и Агаѳiа) = Улѣцингури (у Жорнанды) и т. п. Что во всѣхъ этихъ племенныхъ

названіяхъ ур=ор есть суффиксъ; видно изъ того, что Котригуръ называются также Котраги (срв. Котрагъ — предводитель Волгаръ, перешедшихъ въ первый разъ за Дунай). Какому языку принадлежитъ этотъ суффиксъ — трудно рѣшить, потому что онъ встрѣчается у народовъ Тюркскихъ, Финскихъ и Германскихъ (Амалзуры, Гермундуры). Что касается корня слова Βολάζωρα, то Βυλαз напоминаетъ Βυλλіз, названіе римской колоніи въ Эпирѣ, и селеніе Villa тамъ же, въ Дельвинской области, Филіатскаго округа (Αραβαντινός, χρονογραφία τῆς Ἠπείρου, т. II, σελ. 355). Что бы значило и на какомъ языкѣ названіе Βολάζωρα, мы не беремся объяснять, считая это непроезводительною тратою времени: можемъ только сказать рѣшительно, что оно не значитъ ни Бѣлая заря, ни Велесовъ мостъ. Такимъ образомъ, попытка г. Иречка уничтожить однимъ ударомъ ерако-славянскую теорію оказывается столь же неудачною, какъ сама теорія, которой, впрочемъ, онъ касается слегка, повторяя въ немногихъ словахъ сказанное г. Дриновымъ (Погледъ врѣхъ происхожденіе-то на Български народъ, стр. 82—87; Засел. Балк. пол. Слав., стр. 26—40).

III-я глава — „Славянская колонизація на Балканскомъ полуостровѣ“ — вся написана по магистерской диссертациі г. Дринова. Дополненія незначительны и неумѣстны: такъ, на двухъ страницахъ (71—72) говорится о Троянѣ у Славянъ въ доказательство того, что они сохранили до сихъ поръ память о побѣдѣ Давовъ, хотя славянской Тройны — личность далеко не историческая; такъ же не встаетъ приводятся славянскія названія деревень въ Трансильваніи (стр. 78), гдѣ еще въ прошломъ столѣтіи говорили по болгарски: о славяно-болгарскихъ поселеніяхъ въ Трансильваніи въ V—VI вѣкѣ не можетъ быть и рѣчи; это — поселенія позднѣйшія, времени турецкаго владычества. Страсть автора къ этимологизированію сказалась въ этой главѣ изобрѣтеніемъ царя Мапжука (онъ читаетъ Μουσοβίος, Μουσοβίος, вмѣсто Μουσοβίος).

Въ IV-й главѣ г. Иречекъ обѣщаетъ говорить о слишкомъ многомъ — о жизни, нравахъ, поселеніяхъ, происхожденіи пришлыхъ Славянъ и ихъ отношеніи къ кореннымъ обитателямъ. Сказать обо всемъ этомъ обстоятельно въ одной главѣ изъ 26 страницъ мудрено, и авторъ сдѣлалъ бы хорошо, еслибы раздѣлилъ весь этотъ матеріалъ на двѣ или на три главы: онъ самъ чувствовалъ необходимость раздѣленія этого матеріала и подѣлилъ IV-ю главу на четыре части. Первая часть, озаглавленная „Образъ жизни Славянъ“, состоитъ всего изъ 8 страницъ: на первыхъ двухъ страницахъ говорится о наруж-

ности и характеръ Славянъ и о ихъ общественномъ и государственномъ бытѣ; на слѣдующихъ двухъ же страницахъ — о постройкахъ, о занятіяхъ, о домашней жизни и военныхъ обычаяхъ; остальные четыре страницы посвящены мифологіи.

„Мы не имѣемъ намѣренія“, говоритъ авторъ, — „представить здѣсь картину жизни Славянъ до ихъ переселенія на западъ и югъ съ первоначальной ихъ родины и ограничимся только указаніемъ богатой литературы по этому предмету“ — и при этомъ ссылается на пять сочиненій.

Очень жаль, что г. Иречекъ отнесся такъ легко къ столь важному предмету, какъ бытъ Славянъ до ихъ расселенія: только зная, чѣмъ были Славяне до ихъ перехода за Дунай, можно опредѣлить, чѣмъ они стали потомъ, подъ вліяніемъ народовъ, съ которыми они потомъ сосѣдствовали и находились въ дружественныхъ или непріязненныхъ отношеніяхъ, которыхъ подчиняли себѣ, или которымъ сами подчинялись физически или нравственно. Возможно ли историку Болгаръ опредѣлить, какое вліяніе имѣли на нихъ туземцы, которыхъ они нашли на Балканскомъ полуостровѣ, и особенно, какъ измѣнился ихъ бытъ подъ вліяніемъ пришедшей орды Аспаруха, потомъ Византіи, Руминовъ, Половцевъ, Татаръ, и наконецъ — Турокъ, если онъ не будетъ имѣть самыхъ точныхъ свѣдѣній объ общественномъ и государственномъ устройствѣ, о нравахъ и обычаяхъ, о религіи Славянъ до занятія ими земель, вошедшихъ въ составъ Болгарскаго царства? Такимъ образомъ г. Иречку слѣдовало бы представить вѣрную и полную картину жизни Славянъ до ихъ переселенія за Дунай, а не ограничиваться случайными замѣтками, не всегда даже основательными.

Посмотримъ, что и какъ сообщаетъ намъ г. Иречекъ о бытѣ Славянъ.

Онъ начинается съ наружности Славянъ: „По Прокопію, всѣ Славяне были большаго роста и крѣпкаго тѣлосложенія. Волосы они имѣли ни свѣтлыя, ни совершенно темныя, но по большей части русые“.

При этомъ г. Иречекъ опустилъ весьма важную черту, отмѣченную Прокопіемъ (*De bello Gothico*, lib. III, cap. XIV, p. 336, ed. Bonn.): „цвѣтъ лица имѣютъ не совсѣмъ бѣлый“. Какъ слѣдуетъ понимать это выраженіе Прокопія, можно видѣть изъ арабскихъ писателей (Ибнъ-Фодланъ, Казвини, Якутъ и др.), по словамъ которыхъ Славяне отличались красноватымъ цвѣтомъ лица: отъ того у Арабовъ

Савлабъ (Славянинъ) было синонимомъ краснокожаго недрѣвѣка. Какъ типъ, такъ и одежда Славянъ имѣютъ не маловажное значеніе при опредѣненіи происхожденія Болгарской орды Аспаруха, а потому г. Иречку слѣдовало бы быть болѣе точнымъ въ описаніи наружности Славянъ и представить общій итогъ того, что говорятъ объ этомъ предметѣ Византіицы (кромя Прокопія, напримѣръ, Теофилактъ, *Hist. lib. VI*, сар. II, р. 244 по болгнск. изд.), западные лѣтописцы (*Einhardi Vita Caroli, lib. II*, р. 29 *Widukindi Gesta Saxon. lib. II*, с. XX, р. 444 и др.) и Арабы (см. извѣстные труды Френпа, Шармуа, Хвольсона, Гарнави). Объ одеждѣ Славянъ г. Иречекъ совсѣмъ умалчиваетъ, хотя они отличались ею отъ пришлыхъ Болгаръ, что весьма важно при оцѣнкѣ славяно-болгарской теоріи. Прокопій, показаніемъ котораго нужно особенно дорожить по отношенію къ Задунайскимъ Славянамъ, упоминаетъ объ одеждѣ нижней (рубаха) и верхней (плащъ) и о короткихъ портахъ (гати или гашти, срв. серб. гаћи, чешск. gatě, польск. gacie). Послѣдними Славяне отличались отъ Болгаръ, носившихъ широкія шаровары.

О характерѣ Славянъ г. Иречекъ приводитъ только отзывъ Маврикія, по словамъ котораго они были добродушны, открыты и гостепріимны. Характеристику Славянъ можно было бы дополнить, по Византіицамъ (напримѣръ Прокопій, Теофанъ, Левъ Діакоу), западнымъ лѣтописцамъ (Фредегаръ, Титмаръ, Адамъ Бременскій, Гельмольдъ и др.) и Арабамъ (Ибнъ-Фодланъ, Массуди, Аль-Бекри, Идрисси и др.), при чемъ не слѣдуетъ забывать дурныхъ сторонъ въ характерѣ Славянъ: честные, добродушные, гостепріимные, храбрые и отважные, Славяне были мстительны и въ мести доходили до свирѣпости, постоянно ссорились и враждовали между собою: „ни въ чемъ между собою не соглашались“, какъ говоритъ Маврикія; „если одни въ чемъ согласятся, то другіе тотчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе; ибо всѣ питаютъ другъ къ другу вражду, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому“.

О задругѣ или семейной общинѣ г. Иречекъ повторилъ сказанное Воцелемъ въ его „*Pravěk země české*“, II, 341—344 (или по русск. переводу г. Задерацаго: „Древнѣйшая бытовая исторія Славянъ вообще и Чеховъ въ особенности“, стр. 157—161). Жаль, что г. Иречекъ говоря о семейной общинѣ, ни слова не сказалъ о семьѣ: это — вопросъ очень важный въ славянскихъ древностяхъ. Уже Шлейхеръ (Краткій очеркъ жизни сѣв.-вост. отдѣла индо-германск. языковъ, въ Зап. II-го Отд. Ак. Н. 1865, VIII, 1), доказалъ, что еще въ обще-арійскій

періодъ Славяне имѣли правильно организованную семью и точно различали степени родства и сродства, а слѣдовательно, уже въ столь отдаленную эпоху у нихъ существовало одноженство. Если же выводы Шлейхера основательны, то мы должны съ большими ограниченіями принимать показанія иностранцевъ о многоженствѣ у Славянъ (срв. Котляревскаго, Древности права Балт. Слав., I, 86—87). И здѣсь опять мы имѣемъ случай противопоставить Славянамъ Волгарь, у которыхъ господствовало многоженство.

На основаніи извѣстныхъ словъ Проконія (Τὰ γὰρ ἔθνη ταῦτα, Σολαβηνοὶ τε καὶ Ἄνται, οὐκ ἄρχονται πρὸς ἄνδρος ἑνός, ἀλλ' ἐν δημοκρατίᾳ ἐκ παλαιῶ βιοτάβουσι) г. Иречекъ говорить, что у Славянъ былъ демократическій образъ правленія, изъ чего читатель имѣетъ полное право заключать, что они составляли демократическія республики. Авторъ не потрудился уяснить себѣ, что понималъ Проконій подъ выраженіемъ ἐν δημοκρατίᾳ. Еслибъ онъ сталъ на точку зрѣнія Византіица и сравнилъ слова Проконія съ многочисленными показаніями византіискихъ, западныхъ и арабскихъ писателей, то понялъ бы, что подъ δημοκρατία Проконія разумѣтся правленіе монархическое, ограниченное вѣчемъ и боярскою думою, въ противоположность неограниченной монархіи въ Византіи, Западной Европѣ и у Арабовъ. Кромѣ того, Славяне не составляли одного государства, не повиновались одному государю, „а имѣли много царьковъ (πολλῶς δὲ ὄντως ῥηγῶν)“, „по выраженію Маврикія,—и эти царьки были между собою несогласны“. Эти Славянскіе царьки не походили ни на Византіискихъ василевсовъ, ни на Западныхъ императоровъ и королей, ни на Арабскихъ калифовъ, и потому иностранные писатели не находили на своемъ языкѣ выраженій, соотвѣтствующихъ значенію верховной власти у Славянъ, и употребляли то то, то другое, какъ попало: Византіицы—ἄρχοντες, κατάρχοντες, ἀρχηγοί, ἡγέμονες, καθηγέμονες, ἡγήτορες, ῥήγες и т. п.; западные лѣтописцы—duces, primoges, rectores, leges, reguli, subreguli и т. п. Впрочемъ встрѣчаются у нихъ и славянскія названія: Κοσκάνος, ἀρχικοῦπανος, βοάνος, βοεβόδος, — zurpanus, бацпа. Кромѣ титуловъ жупана, бана и воеводы, славянскіе государи носили титулъ князя, и это былъ самый распространенный титулъ, на сколько можно судить по тому, что слово князь существуетъ во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ: ст.-слав. князь, серб.-хорв. словенск. с.-луж. кнез, ст. чеш. kniaz, ново-чеш. knize, польск. ksiąz и ksiądz. Правда, не у всѣхъ Славянъ оно сохранилось въ одинаковомъ значеніи (у Сербовъ и Хорватовъ оно означаетъ сельскаго ста-

росту (кнез) и въ то же время владѣтельныхъ князей Сербіи и Черногоріи (князь); у Поляковъ *książę* то же, что русское князь, и *książdz*—священникъ; у Сербовъ-Лужичанъ кнез значитъ господинъ); но разнообразіе въ значеніи слова князь у Славянъ объясняется его происхожденіемъ: въ словѣ князь, родственномъ герм. *konung*, *konung*, *konig*, *könig* корень *кн* (= *чл*) = санскр. *kan*, *gan* (рождать, срв. *kunī*—родъ); слѣдовательно князь значитъ родоначальникъ (кнъ = на-чл-ло), а князь—начальникъ рода былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецомъ: отсюда понятенъ переходъ отъ значенія князя къ значенію священника (то же самое случилось и съ словомъ жупанъ, которе въ формѣ жуникъ значитъ у Далматинцевъ приходскій священникъ). Подобно другимъ Славянамъ, и у Болгаръ существовалъ княжескій титулъ; были у нихъ также и воеводы; но нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы у нихъ существовали жупаны и баны. Князья у Болгаръ, какъ и у другихъ Славянъ, не пользовались неограниченною властью, а напротивъ того, зависѣли отъ вѣча и болгарской думы, какъ видно изъ Теофана и Кедрина. Нѣтъ сомнѣнія, что и у Болгаръ, какъ у Сербовъ, членами вѣча были духовныя лица, бояре и люди служилые, и что простой народъ не имѣлъ права присутствовать на вѣчѣ. Такимъ образомъ у Славянъ, прозванныхъ Болгарами, государственныя учрежденія вовсе не имѣли характера демократическаго, какъ полагаетъ г. Иречекъ.

Г. Иречекъ жестоко ошибается, увѣряя, что у Славянъ не было укрѣпленныхъ городовъ. Онъ даже самъ себя противорѣчитъ, такъ какъ нѣсколько выше говоритъ, что „центръ жупы составляетъ градъ—укрѣпленіе жупы“. Вѣдь слово градъ (городъ) обозначаетъ не что иное, какъ мѣсто огороженное, укрѣпленное; но такіе грады—города не имѣли постоянного народонаселенія: сюда собирался народъ для жертвоприношенія и для общественныхъ дѣлъ, здѣсь онъ укрывался отъ непріятелей. Славянскій градъ называется у Византійцевъ то *χίστρον*, у латинскихъ лѣтописцевъ—*castrum*, *castellum*. Такихъ градовъ у всѣхъ Славянъ было значительное число. Нѣкоторые изъ нихъ были сильными крѣпостями. Въ пригородахъ или слободахъ помещалось торговое и промышленное народонаселеніе: изъ нихъ развились торговые города, особенно славившіеся у Болгарскихъ и Русскихъ Славянъ.

Говоря о постройкахъ Славянъ по Проконію и Маврикію, г. Иречекъ сообщаетъ замѣчательный курьёзъ съ столь же замѣчательнымъ объясненіемъ: „Лучшее свое имущество они закапывали въ землю.

Это зависѣло отъ ихъ неосѣдлости и продолжалось до тѣхъ поръ, пока они не поселились окончательно на полуостровѣ. Что Славяне прятали подъ землею свое имущество, говоритъ Маврикій (*Strategicum* lib. XI, с. 5); но это бывало только при приближеніи непріятеля, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Гельмольда: „Славяне не заботятся о постройкѣ своихъ домовъ, а обыкновенно сплетаютъ себѣ избушки изъ хвороста, лишь бы укрыться отъ дождя и непогоды. Едва раздастся кликъ военной тревоги, они поскорѣе заберутъ весь хлѣбъ, спрячутъ его съ золотомъ, серебромъ и всѣми дорогими вещами въ яму, уведутъ женъ и дѣтей въ надежныя убѣжища, въ укрѣпленія, а не то въ лѣса, и не останется на расхищеніе непріятеля ничего, кромѣ однѣхъ избъ, о которыхъ они не жалѣютъ ни мало“ (*Chron. Slav.*, lib. II, cap. 13). Что касается построекъ Славянъ въ древнѣйшую эпоху, то онѣ далеко не были такъ дурны, какъ говорятъ Прокопій и Гельмольдъ. О жилищахъ и образѣ жизни Славянъ имѣются любопытные факты языка. У всѣхъ Славянъ существуетъ слово домъ; слѣдовательно, они строили дома до расселенія своего изъ прародины. Всѣмъ Славянамъ извѣстны и части дома: стрѣха, стѣна, кровля, окно, печь и т. д. Дома строили изъ дерева, и для окраски стѣнъ употребляли известь (вапъно, вапъ). Въ домахъ были столы и стулья. Кушанье варилося въ котлахъ; ѣли ложками, пили чашами. Много или нѣсколько домовъ составляли село (весь). Такимъ образомъ еще на прародинѣ Славяне имѣли постоянныя жилища, вели живнъ осѣдную. Главнымъ ихъ занятіемъ было земледѣліе: изъ земледѣльческихъ орудій они знали плугъ, рало, косу, серпъ, мотыгу, лопату и цѣпъ; они сѣяли рожь, пшеницу, ячмень, овесъ и просо, вязали въ снопы, складывали въ стоги, молотили въ гумнѣ; на жерновахъ и млинахъ мололи муку и изъ нея приготовляли хлѣбъ и квасъ; изъ овощей имъ были извѣстны дыня, рѣпа, горохъ (грахъ), бобы, лукъ и чеснокъ, изъ плодовыхъ деревьевъ — яблоня, груша, вишня, черешня, слива и орѣхъ. Они разводили пчелъ, и изъ ихъ меда варили любимый свой напитокъ, а изъ воска (и сала свиного) дѣлали свѣчи. Изъ домашнихъ животныхъ издревлѣ они держали коровъ (кравъ), быковъ, воловъ, телятъ, овецъ, свиней, поросятъ, козъ, коней (ихъ запрягали въ кола и телѣги) и гусей. Пища ихъ была мясная и мучная (каша); они варили и пекли ее въ каменныхъ печахъ. Славянамъ были извѣстны нѣкоторыя ремесла: они умѣли прясть и ткать, употребляя для этого веретено (врѣтено), прилку, станокъ, кросны, челнокъ и бердо; они выдѣлывали полотно и сукно, шили

кошули, гачи и плащи, дѣлали кожухи и обувь (црѣвьѣ); они тесали и ковали, дѣлали корыта, обручи, сита, рѣшета, ложки, котлы, подковы. Изъ металловъ имъ были извѣстны желѣзо, олово, серебро, и золото. Изъ драгоценныхъ металловъ они дѣлали обручи для украшенія плечей и рукъ и перстни, изъ желѣза же — копья, сулицы, мечи, стрѣлы и щиты. Вѣроятно также, ихъ пѣнязи были, металлическіе. Таковы свидѣтельства языка о бытѣ Славянъ въ древнѣйшую эпоху: они подтверждаются позднѣйшими сказаніями иностранцевъ. По этимъ двумъ источникамъ можно представить весьма обстоятельный очеркъ быта Славянъ до переселенія ихъ за Дунай. Само собою разумѣется, что въ сказаніяхъ иностранцевъ слѣдуетъ отличать черты общія всѣмъ Славянамъ отъ такихъ, которыя принадлежатъ отдѣльнымъ племенамъ; такъ напримѣръ, не всѣ Славяне занимались винодѣліемъ и горнымъ промысломъ, не у всѣхъ въ одинаковой степени были развиты рыболовство и торговля. Относительно послѣдней замѣтимъ, что слово трѣгъ обще всѣмъ Славянамъ, слѣдовательно, и тѣ изъ нихъ, которые поселились за Дунаемъ, были знакомы съ торговымъ промысломъ, и мѣстныя условія только способствовали развитію торговыхъ сношеній Славянъ-Болгаръ, сношеній, которыя достигли замѣчательныхъ размѣровъ въ IX—X вѣкахъ. Всякій съ нами согласится, что исторіку Болгарскаго народа слѣдовало бы представить обстоятельныя свѣдѣнія о бытѣ Славянъ, а не ограничиваться нѣсколькими случайными указаніями.

Подробнѣе говорить г. Иречекъ о военныхъ обычаяхъ южныхъ Славянъ (по Маврикію); но тутъ мы встрѣчаемъ недоразумѣнія и неточности, которыя легко было бы устранить; сравнимъ сказаніе Маврикія съ сказаніями другихъ иностранцевъ, особенно же Византійцевъ (срв. Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и наше разсужденіе: Сказанія иностр. о бытѣ и правахъ Славянъ, стр. 129 — 130, 151 — 153). Что касается сказанія Маврикія объ умѣнн Славянъ скриваться въ рѣкѣ при помощи камышей, то едва ли можно отнести его къ другимъ Славянамъ, кромѣ Днѣпровскихъ. Вообще о военномъ искусствѣ Славянъ мы имѣемъ много цѣбнѣй (изъ Византійцевъ, кромѣ Маврикія, у Проконія, Агаеія, Теофилакта, Теофана, Льва Діакона, Константина Багрянороднаго Порф., изъ латинскихъ лѣтописцевъ — у Фредегара, Павла Варнефрида, Видукинда, Гельмольда и друг., изъ Арабскихъ писателей у Массуди, Казвини и др.).

„Труднѣйшая часть Славянскихъ древностей есть міеологія“, го-

ворить г. Иречекъ. — „Частью по скудости и темнотѣ источниковъ, частью же по бессмысленности объясненій новыхъ писателей, въ этой интересной области царствуетъ ужасающій хаосъ. Только въ послѣдніе годы и здѣсь безпристрастная критика начинаетъ прокладывать себѣ дорогу. До сихъ поръ одни ученые безразлично соединяли въ одно все, что только они находили у различныхъ славянскихъ народовъ и въ различные періоды ихъ исторіи и все это приписывали одинаково всѣмъ Славянамъ различныхъ временъ; другіе же терялись въ безграничномъ лѣсу арійскихъ мифовъ и давали полный просторъ комбинаціямъ своей разнузданной фантазіи“ (по русск. перев. стр. 94—95). Кто прочтетъ такой суровый приговоръ объ изслѣдованіяхъ по части славянской мифологіи, невольно подумаетъ, что г. Иречекъ стоитъ несравненно выше всѣхъ ученыхъ, занимавшихся славянской мифологіей и что онъ откроетъ намъ тайны науки; но на повѣрку оказывается, что онъ только повторилъ сказанное Водземемъ преимущественно о чешскихъ мифологахъ, въ чемъ убѣдится каждый, кто сравнитъ вышеприведенныя слова г. Иречка (особенно въ чешскомъ подлинникѣ стр. 80) съ слѣдующими словами въ „Правѣкъ земли чешской“ (II, стр. 361—362): *Všbec tvrditi lze, že badání v oboru mythologie slovanské k nejnepřesadnějším ůkolům v okrese starozitností slovanských náleží. Starší spisovatelé, jenž se o rozřešení otázky té pokoušeli, ůkol ten sobě dosti snadným učinili, pojímajíce v obor bájesloví nějakého kmene slovanského na př. českého, vše co o bohoslužbě Slovanů všbec ve srarších i novějších, na mnoze nekritických a podezřelých pramenech našli, tak že se jim podařilo ohromný panteon českopohanský postavit, jenž však, jak mile se ho přisnější poněkud kritika dotknula, ihned v rupy se rozpadě.*—*Novější někteří badatelé, snažíce se rozplástiti husté mlhy, prostor slovanského bájesloví zahalující, ponořují se do hlubiny temných, záhadných mythů ariských pronarodů a osnují nové systémy mythologie slovanské na základě smělejších kombinací, a laciných výpisků a citátů z pramenů klasických i neklasických, perských, indických ano i egyptských.* (Вообще можно утверждать, что изслѣдованіи въ области славянской мифологіи принадлежатъ къ труднѣйшимъ задачамъ славянскихъ древностей. Превжніе писатели, пытавшіеся разрѣшить этотъ вопросъ, значительно облегчили себѣ эту задачу тѣмъ, что принимали въ область мифологіи какого бы то ни было Славянскаго племени, напримѣръ, Чешскаго, все, что нашли о религіи Славянъ вообще въ источникахъ древнихъ и новыхъ, болѣею частію некритическихъ и сомнительныхъ, и такимъ образомъ

имъ удалось поставить огромный пантеонъ чѣшско-языческой; но лишь только его коснулась нѣсколько болѣе строгая критика, онъ распался въ прахъ. Нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи, силясь разсѣять густой туманъ, покрывающій горизонтъ славянской мѣологии, погружаются въ пучину темныхъ, загадочныхъ мѣовъ первобытныхъ Аріи-цевъ и основываютъ новыя системы славянской мѣологии на смѣ-лыхъ домыслахъ и дешевыхъ выпискахъ и цитатахъ изъ источниковъ классическихъ и неклассическихъ, персидскихъ, индѣйскихъ и даже египетскихъ)“. Изъ приведенной выписки видно, что г. Иречекъ при-мѣнилъ ко всѣмъ изслѣдователямъ славянской мѣологии отзывъ Во-целя о такихъ чешскихъ мѣологахъ, каковы Крольмусъ и Ганушъ. Первое примѣчаніе къ стр. 362 ясно показываетъ, что знаменитый чешскій археологъ выдѣлялъ изъ ряда писакъ по славянской мѣологии В. Бернгарди, котораго Bausteine zur Slav. Mythol. (Jahrbücher für Slav. Liter. von Jordan, I), служатъ до сихъ поръ основнымъ кам-немъ славянской мѣологии, а слѣдовательно, и И. И. Срезневскаго и нѣкоторыхъ другихъ русскихъ ученыхъ, которые держались той же системы въ своихъ изслѣдованіяхъ. Къ сожалѣнію, слѣпое подражаніе нѣмецкимъ мѣологамъ слишкомъ увлекло такихъ почтенныхъ уче-ныхъ, какъ Аванасьевъ и г. Потебня, которые поставили себѣ цѣлью отыскать, во что бы то ни стало, въ славянской мѣологии тѣ же са-мыя явленія, какія встрѣчаются въ мѣологии другихъ Аріи-скихъ на-родовъ: трудъ былъ большой, собрано много любопытнаго и важнаго матеріала, а результаты изслѣдованій оказались ненаучны. Впрочемъ мы можемъ утѣшать себя тѣмъ, что все-таки лучшія изслѣдованія по славянской мѣологии принадлежатъ русскимъ ученымъ, и что на оборотъ западно-славянскіе ученые (исключая Шафарика, но не исклю-чая самого Воцеля) внесли въ эту науку много ни на чемъ не осно-ванныхъ фантазій: таковы труды Осипа Иречка и отчасти Эрбена, Трстеньяка, Крека и др.

„Количество источниковъ (по славянской мѣологии) весьма ограни-чено“, говоритъ г. Иречекъ;— „многое должно разъясниться критиче-скимъ изслѣдованіемъ современныхъ сказокъ и пѣсенъ, повѣрій и обычаевъ. Мы намѣрены представить здѣсь только то, что уже не составляетъ сомнѣнія въ наукѣ“ (стр. 95). Нельзя согласиться съ ав-торомъ, что количество источниковъ (разумѣется, письменныхъ) весьма ограничено; но за то вполне соглашаемся, что разработка народнои словесности и изученіе повѣрій и обычаевъ прольетъ новый свѣтъ на славянскую мѣологию: начало такой разработкѣ народныхъ сказокъ

и пѣсенъ уже положено, а въ ожиданіи будущихъ, болѣе серьезныхъ трудовъ, посмотримъ, что нашъ авторъ считаетъ несомнѣнными положеніями науки славянской мѣологии.

Приведа извѣстное сказаніе Прокопія (Bell. Goth., lib. III, cap. XIV, p. 335), авторъ замѣчаетъ: „Всю природу они (Славяне) считали населенною существами, подчиненными верховному божеству. Они различали боговъ отъ бѣсовъ: одни были благосклонны къ человѣку, вторые—враждебны. Идоловъ, какъ Греки и Римляне, древніе Славяне не имѣли, равно какъ жрецовъ и храмовъ. Только у Полабскихъ Славянъ и Русскихъ христіанскіе проповѣдники находили храмы съ идолами. Особенное сословіе жрецовъ развилось только у Полабскихъ Славянъ“.

О бѣсахъ у Славянъ г. Ирчекъ вычиталъ въ статьѣ отца своего, Осипа: „Studia v oboju mythologie české (Čas. muš. král česk. 1863, sv. I, str. 19—24): „Контрастъ между тѣмъ, что казалось добрымъ, и тѣмъ, что казалось злымъ, былъ первымъ основаніемъ мѣологии языческихъ Славянъ. Добро и зло они опредѣляли не по началамъ этики, но брали въ смыслѣ вполне эмпирическомъ. Все, что только было человѣку противно, что причинило ему боль и скорбь, было злое; все, что ему благопріятствовало, что возбуждало въ немъ радость и утѣху, было доброе. Касалось ли то или другое духа или тѣла, или одинаково обоихъ, было все равно. Но такъ какъ каждое явленіе природы они приписывали дѣвому невидимому высшему существу, то было дѣломъ естественнымъ, что и самыя эти существа, смотря по ихъ дѣйствіямъ, дѣлили на добрыя и злыя. Существа добрыя называли богами, существа злыя—бѣсами“.

Эти слова г. Осипа Ирчка повторилъ безъ всякой критики Воцель (Pravěk země české, II, 364, по русск. перев. 190), столь требовательный къ славянскимъ мѣологамъ: „Контрасты, проявляющіеся въ дѣйствіяхъ силъ природы, были причиною того, что Славяне раздѣлили силы природы, обуславливающія благосостояніе человѣка, на добрыя, то-есть, боги, и на злыя или бѣсы, стараясь у силъ благотворныхъ вымолить дары и счастіе, а злыя вліянія бѣсовъ отворотить отъ себя жертвами. На этихъ-то воззрѣніяхъ и идеяхъ зиждется главная основа славянской мѣологии, которая впрочемъ у разныхъ Славянскихъ племенъ принимала различныя формы, а съ теченіемъ времени и вслѣдствіе іерархическихъ вліяній должна была подвергнуться различнымъ измѣненіямъ“.

Такъ какъ авторитетомъ Воцели освящается и вводится въ науку

домысль г. О. Иречка о дуализмѣ, какъ основаніи славянской миеологии, и такъ какъ авторъ исторіи Болгарскаго народа причисляетъ этотъ домысль къ несомнѣннымъ истинамъ науки, то мы считаемъ умѣстнымъ и далеко не бесполезнымъ высказать объ этомъ вопросѣ наше мнѣніе.

Домысль г. Иречка о дуализмѣ въ славянской миеологии описывается главнымъ образомъ на показаніи Гельмольда (Chton. Slav., lib. I, cap. 52), по словамъ котораго Славяне (Балтійскіе) отличали добраго бога отъ злаго и этого послѣдняго называли діаволомъ или Чернобогомъ (malum deum sua lingua Diabol sive Scernoboch, id est nigrum deum, appellat). Это—единственное свидѣтельство современника о дуализмѣ въ славянской миеологии, и потому слѣдуетъ отнестись къ нему критически. По нашему мнѣнію, выраженіе Гельмольда „malum deum sua lingua Diabol sive Scernoboch, id est nigrum deum, appellat“, достаточно указываетъ на происхожденіе Чернобога, и слѣдовательно, дуализма въ миеологии Балтійскихъ Славянъ: слово діаволь могло къ нимъ перейти только отъ христіанъ, а Чернобогъ есть толкованіе этого слова (на языкѣ Люнебургскихъ Славянъ Чернобогомъ назывался діаволь)¹⁾. Наше мнѣніе подтверждается еще тѣмъ, что Гельмольдъ былъ христіанскимъ миссіонеромъ у Балтійскихъ Славянъ и жилъ и писалъ во второй половинѣ XII вѣка, когда они падали подъ ударами креста и меча Нѣмцевъ, когда старыя вѣрованія должны были уступать мѣсто новымъ, христіанскимъ. Кромѣ того, какъ писатель христіанскій, какъ священникъ, онъ могъ внести въ свои сказанія личныя свои воззрѣнія на начала добра и зла въ природѣ, воззрѣнія, основанныя на христіанскомъ ученіи, а вслѣдствіе того, приписать Славянамъ то, что не входило въ кругъ ихъ религіозныхъ понятій. Что личныя воззрѣнія лѣтописца могли играть въ данномъ случаѣ важную роль, видно изъ примѣровъ, приводимыхъ г. Ос. Иречкомъ (стр. 20—21) изъ памятниковъ русскихъ и чешскихъ, гдѣ слово бѣсъ употребляется вмѣсто языческаго бога (вообще, а не только злаго, какъ онъ полагаетъ).

Прежде всего онъ приводитъ выдержки изъ Нестора (по изданію Миклошича). Чтобы вполне понять смыслъ словъ древнѣйшей нашей лѣтописи, мы приведемъ цѣлый отрывокъ, сюда относящійся, по имѣющемуся у насъ подъ руками изданію профессора Тимковскаго (стр.

¹⁾ Поэтому мы отвергаемъ, какъ неосновательное, мнѣніе Гильсбердинга о дуализмѣ въ миеологии Балтійскихъ Славянъ (Ист. Балг. Слав., 230—235).

50—51): „В лѣто ѝуга. Иде Володимеръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги и взя землю ихъ, и иде Клеву, и творяще потребу кумиромъ с людьми своими. И рѣша старци и боляре: мчемъ жребии на отрока и дѣвицю; на него же падеть, того зарѣжемъ богомъ. Баше Варягъ единъ, и бѣ дворъ его, идеже есть церкви святая Богородица, юже сдѣла Володимеръ: бѣже Варягъ то пришелъ изъ Грекъ, держаше вѣру хрестеаньску, и бѣ у него сынъ красенъ лицомъ и душею, на сего паде жребии по зависти дьяволи. Не терпящеть бо дьяволъ, власть имый надо всѣми, и се бышеть ему аки тернь в сердци, тьщашесе потребити оканьнии и наоустн люди. Рѣша пришедше послании к нему: яко паде жребии на сынъ твои, изволиша бо и бози собѣ, да створимъ потребу богомъ. И рече Варягъ: не суть бо бози, но древо; днесь есть, а оутро изыгпеетъ; не адятъ бо, ни пьютъ, ни молвятъ, но суть дѣлани руками в деревѣ: а Богъ есть единъ, ему же служатъ Грци и кланяются, иже створилъ небо, и землю, звѣзды, и луну, и солнце, и человекъ, далъ есть ему жить на земли; а си бози что сдѣлаша? сами дѣлани суть; не дамъ сына своего бѣсомъ. Уни же шедше повѣдаша людемъ; они же вземше оружье, поидоша нанъ, и ровѣяша дворъ около его, онь же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ. Рѣша ему: вдаи сына своего, да вдаши богомъ. Унъ же рече: аще суть бози, то единого себе (отъ себѣ) послють бога, да имуть сынъ мой; а вы чему претребуете?“ и т. д.

Кажется, ясно, что здѣсь говоритъ Варягъ-христіанинъ съ русскими язычниками, и противопоставляя единого христіанскаго Бога языческимъ богамъ, по христіанскому воззрѣнію называетъ ихъ бѣсами. Къ словамъ Варяга-христіанина сдѣлаемъ свои дополненія лѣтописецъ-монахъ:

Дадѣ г. О. Иречекъ ссылается на названіе въ Словѣ о Полку Игоревомъ Половцевъ дѣтями бѣсовыми. Стоило только прочесть нѣсколько строкъ ниже: „тамъ лежатъ поганія головы Половцевъ“, чтобы понять, что эпитеты „бѣсовый“ и „поганый“—бранины и не имѣютъ ничего общаго съ мифологіей, хотя бы поганый происходилъ отъ рагавъ (въ томъ случаѣ было бы противоположеніе между Русскими-христіанами и Половцами-язычниками, что весьма возможно со стороны книжника, обработавшаго народное сказаніе о походѣ Игоря Святославича противъ Половцевъ).

Что касается чешскихъ намитинковъ, въ которыхъ употребляется слово бѣсъ, то лучшимъ опроверженіемъ мнѣнія г. О. Иречка служатъ переводъ въ древнѣйшихъ чешскихъ псалтыряхъ изреченій

95-го псалма: „Omnes dii gentium daemōnia“, „Všickni bozi pohansti bésové“. Въ такомъ же смыслѣ слово бѣсъ употребляется и въ Александріи; въ легендѣ же о св. Прокопѣ и въ Пассионалѣ слово бѣсъ означаетъ христіанскаго діавола. Такой же смыслъ имѣютъ и повѣрья Чеховъ XVI вѣка о діаволахъ или злыхъ духахъ; приводимыя г. О. Иречкомъ (стр. 23—24); что же касается его лингвистическихъ доводовъ (стр. 21—22), то на нихъ считаемъ излишнимъ останавливаться. Замѣтимъ только для примѣра, что польское *bestwicie* происходитъ не отъ славянскаго бѣсъ, а отъ латинскаго *bestia*, и значитъ буквально — „уподобляться животному“.

Мы не сомнѣваемся, что принципъ дуализма былъ внесенъ въ вѣрованія Славянъ христіанствомъ, хотя нѣкоторые ученые (а въ числѣ ихъ и наиболѣе осторожный, П. А. Лавровскій) полагаютъ, что этотъ принципъ былъ основнымъ принципомъ общеваріанскаго вѣроученія. Оставляя въ сторонѣ древне-индѣйскія сказанія о борьбѣ Индры съ Асурами, замѣтимъ, что Зороастрово ученіе о борьбѣ двухъ началъ — добраго и злаго, перешло въ ересь манихейскую; а изъ нея къ богомиламъ, которые учили, что „два начала сѣтъ: одно убо благо, другое зло (quod duo sint dii)“. Богомильское ученіе распространилось почти по всей западной Европѣ, но въ особенности оно было сильно у южныхъ Славянъ, отъ которыхъ перешло и къ намъ; богомильскія (болгарскія) басни были у насъ любимую книгою для чтенія еще въ XVII вѣкѣ. Имѣли ли манихейзмъ и богомильство вліяніе на западныхъ Славянъ — вопросъ, еще не тронутый въ наукѣ: мы можемъ сказать одно только, что у всѣхъ Славянъ олицетвореніе злаго начала — діаволъ или чортъ является въ обстановкѣ христіанской, что впрочемъ могло быть и независимо отъ вліянія манихеевъ и богомилловъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ народной словесности Славянъ.

У Караджича (по 2-му изд. № 18) есть сказка о діаволѣ и архангелѣ. Она начинается такъ: „Когда діаволы (ђаволи) отпали отъ Бога и убѣжали на землю, тогда они унесли съ собою и солнце, и діавольскій царь воткнулъ его на конь и носилъ на плечѣ. Когда земля стала жаловаться Богу, что она вся сгоритъ отъ солнца, Богъ послалъ св. архангела отнять солнце у діавола“. Далѣе разказывается, какъ архангелъ хитростью отнялъ у діавола солнце и отнесъ его на небо къ Богу: они стали купаться въ морѣ, и тутъ діаволу пришло въ голову поспорить съ архангеломъ, кто нырнетъ глубже; архангелъ нырнулъ и вынесъ въ зубахъ песку морскаго;

нырнулъ и дiаволь, но архангелъ перекрестилъ рукою море, и оно покрылось льдомъ въ девять аршинъ толщиною; тогда онъ схватилъ солнце, которое дiаволь воткнулъ на копъ въ землю, и побѣжалъ съ нимъ къ Богу.—Начало сказки указываетъ на заимствованiе изъ христіанской догматики; роль и самое названiе архангела, равно какъ и крещенiе имъ моря, дополняютъ христіанскую ея обстановку. Вторая половина этой сербской сказки сходна съ малороссійскою о созданiи Богомъ земли; но въ ней архангела замѣняетъ Богъ, а дiавольскаго царя—чортъ (Эрбена, Сто слав. народн. сказ., № 50). Отгребиванье отъ дiавола встрѣчается и въ другой сербской сказкѣ у того же Караджича № 19 (дiавола маштанѣја и Вождя сила); а по польской сказкѣ о nadgryni kmiotku i o glupim djable (у Глицскаго, III, 216) на границахъ Польши стояли желѣзные кресты для защиты отъ дiаволовъ.

Еще болѣе христіанскимъ характеромъ отличается моравская сказка „Сапожникъ и Чортъ“ (Ševc a čert, у Эрбена, № 14): Одинъ бѣдный сапожникъ, который своимъ ремесломъ не могъ содержать семьи своей, продалъ себя съ женой и сыновьями чорту, за что чортъ приносилъ ему ежедневно пять австрійскихъ гульденовъ. „А это было въ то самое время, когда Господь Богъ ходилъ по землѣ со св. Петромъ“. Подъ вечеръ они пришли на ночлегъ къ сапожнику. Жена его накормила ихъ ужиномъ и уложила спать. Когда утромъ, послѣ завтрака, Христосъ (Kristus Pán) спросилъ, что слѣдуетъ за угощенье и ночлегъ, сапожникъ отвѣчалъ: „Я желаю, во первыхъ, чтобы тотъ, кто сядетъ на мою табуретку, остался на ней какъ-бы прикованный до тѣхъ поръ, пока я захочу; вторыхъ, чтобы тотъ, кто посмотритъ на меня съ улицы въ окно, не могъ уйти до тѣхъ поръ, пока я не захочу, и третьихъ, чтобы тотъ, кто потрясетъ въ саду моемъ грушу, не могъ двинуться отъ нея, пока я не захочу“. И сынъ Божій (syn Boží) сказалъ: „Да будетъ такъ, какъ ты желаешь“. И ушелъ вмѣстѣ съ св. Петромъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ сапожникъ легко отдѣлался отъ чорта; но когда онъ умеръ, то св. Петръ не пускалъ его въ рай (do nebe), потому что онъ не пожелалъ царства Божія (kralovství Boží), а въ адъ черти боялись его пустить; наконецъ, сапожникъ рѣшился хитростью и силой овладѣть раемъ, и Христосъ, сынъ Божій, оставилъ его тамъ изъ милости.

Въ другой моравской сказкѣ (Čertové šillo u studené, въ сборникѣ Меншика, ч. I, № 3) Богородица спасаетъ душу богача Берты

отъ преслѣдованій чорта, а въ третьей (Nad ž taje: тамъ же; № 24), при входѣ въ адъ, сидитъ прабабка Люцифера.

Въ верхне-лужицкой сказкѣ Swjatej Marcynie knottistwo (у Смолера и Эрбена, № 24) дьяволъ (diabcl) представленъ кумомъ на крестинахъ у одного бѣдняка вмѣстѣ съ св. Петромъ и св. Маріей.

Краинская сказка о спорѣ дьявола съ человѣкомъ за обладаніе землею (Kurent i čovjek, у Эрбена, № 87) говоритъ, что Богъ прогналъ человѣка съ неба за то, что онъ напился виномъ — изобрѣтеніемъ дьявола. Невольно при этомъ приходитъ на память ученіе Богомиловъ о дьявольскомъ происхожденіи вина: „Дьявола велѣниемъ вино пити“ (пресвитеръ Козьма).

Польская сказка „Djabli tanek“ (у Эрбена, № 40) о плясунѣ дьяволѣ, уплясавшемъ до смерти дочь одной бѣдной ремесленницы, напоминаетъ старинное наше сказаніе „о пляшущемъ бѣсѣ“ (Памятн. стар. русск. литер., вып. I, стр. 202) и извѣстную легенду о св. Исаакіи Далматскомъ. Въ этой польской сказкѣ дьяволъ называется молодымъ бариномъ, одѣтымъ въ короткое платье (kuso pbrgau ranićz), то-есть, нѣмецкое: извѣстно, что Поляки изображали чорта въ образѣ Нѣмца. Достаточно припомнить слѣдующую строфу изъ баллады Мицкевича „Pani Twardowska“:

Djablik to był w wódcie na dnie:
Istny Niemiec, sztuczka kusa;
Sklonił się gościom ukladnie,
Zdjął kapelusz i dał susa.

Кстати вспомнимъ здѣсь, что въ старину русскіе люди представляли чорта въ образѣ Поляка. Такъ въ нашей лѣтописи читаемъ: „Въ же и другой старецъ, именемъ Матеѣй: бѣ прозорливъ... видѣ обиходяща бѣса въ образѣ Ляха, въ людѣ, и нодяща въ приполѣ цвѣткы, иже глаголется лѣпокъ“ (Лаврент. лѣт. по изд. археогр. ком.: Полн. собр. русск. лѣт., I, 81—827).

Изъ послѣднихъ двухъ примѣровъ видно, что на представленіе злаго духа, дьявола или чорта, у Славянъ имѣли вліяніе не только христіанство, но и международныя отношенія.

Мы привели только нѣсколько примѣровъ, случайно намъ попавшихся, считая болѣе обстоятельное изслѣдованіе занимающаго насъ вопроса неумѣстнымъ. Эти примѣры, кажется, достаточно подтверждаютъ наше мнѣніе, что представленіе о дьяволѣ или чортѣ возникло у Славянъ подъ вліяніемъ христіанства.

Защитники дуализма въ славянской миеологіи могутъ намъ воз-

разить, что начало зла олицетворялось у Славянъ не только въ дѣволѣ или чортѣ, но также въ другихъ мифическихъ существахъ, напримеръ, въ вѣдмахъ, вѣштицахъ, вукодлакахъ, змѣяхъ и т. п. На это мы замѣтимъ, что вѣдмы или вѣштицы, тождественныя по значенію съ знахарками, чародѣйками, колдунами, никогда не были обожествляемы Славянами, не принадлежали къ высшимъ, божественнымъ существамъ, что вилы часто смѣшиваются съ вѣштицами, что происхождение вѣры въ вукодлаковъ или упырей еще не разъяснено (попъ Іеремія или Богомилъ считался вукодлакомъ, а въ богомилскую ересь вошли сказанія иранскаго происхожденія), что мнѣ о змѣѣ у Славянъ требуетъ еще обстоятельнаго разъясненія на почвѣ преимущественно славянской, и что не слѣдуетъ слѣпить сравненіемъ его съ индѣйскимъ Аги-Вритрой, иранскимъ Ави-дахака и т. д. Вообще же, по нашему мнѣнію, чтобы толковать объ основаніяхъ славянской мифологии, нужно поближе ознакомиться съ ея источниками (письменными и устными); подвергнуть ихъ сравнительному изученію, обратить вниманіе на вліяніе христіанства, на языческія вѣрованія Славянъ и на возможность заимствованія путемъ христіанства изъ вѣрваній восточныхъ народовъ: вмѣсто того новѣйшіе наши мифологи, увлекшись трудами нѣмецкихъ ученыхъ и не обладая ихъ знаніемъ и умѣніемъ, отыскиваютъ въ славянскихъ мифахъ общеарійскія начала, далеко еще не выясненныя. Что эти начала еще не выяснены достаточно, видно изъ знаменитаго труда Адольфа Пикте: „Les origines Indo-européennes ou les Aryas primitifs“. Въ послѣднемъ параграфѣ своего произведенія (Les phases religieuses) онъ отрицаетъ принципъ дуализма не только у Арійцевъ, но и у Иранцевъ, вопреки общепринятому мнѣнію (стр. 716—717 II-го тома), а между тѣмъ допускаетъ въ славянской мифологии: „Chez les peuples slaves, l'ancien polythéisme a pris la forme d'un dualisme bien prononcé, et qui se rapproche à quelques égards de la religion réformée de Zoroastre. Bielbog, le dieu blanc, et Zernebog, le dieu noir, y sont à la tête de deux séries de divinités inférieures, et de génies du bien et du mal, comme Ormuzd et Ahriman. Le nom de Svantovit, qui est donné au Bielbog, rappelle tout à fait celui de Çpentô maiyu qui appartient à Ormuzd, et on a vu que le Bogu slave répond exactement au Boga, deus, des inscriptions de Persépolis. Ce dualisme même semble avoir été dans l'origine plus rapproché de la doctrine iranienne au point de vue du monothéisme; car d'après le témoignage le plus ancien, celui de Procope, les Slaves orientaux (sic!) adoraient un seul

Dieu armé de la foudre, Démiurge, et unique maître de tout ce qui existe, et suivant Helmsold, la croyance à un Dieu unique était aussi celui des Wendes" (стр. 719—720). Пикте ввели въ заблужденіе названія Черпобогъ и Бѣлобогъ: первое, какъ выше было сказано, встрѣчается у Гельмольда, второе—въ чешскихъ глоссахъ *Mater verborum*, нинѣ отвергнутыхъ критикою (см. изслѣдованіе А. О. Патернъ въ *Časop. Česk. Mus.* 1877). Что касается мѣстныхъ названій, то въ данномъ случаѣ мы не придаемъ имъ никакого значенія (см. О. Иречка, *Studia z myth. české: Čas. Č. M.* 1863, I, 27—28).

Читатели, быть можетъ, будутъ насъ упрекать въ томъ, что мы слишкомъ распространились о дуализмѣ въ славянской мѣологии; но мы сочли нужнымъ это сдѣлать потому, что этому вопросу, криво толкуемому, придаютъ весьма важное значеніе въ наукѣ, а г. Иречекъ причисляетъ его къ вопросамъ рѣшеннымъ, о которыхъ не можетъ быть сомнѣнія, что противорѣчатъ истинѣ.

Иначе представляется вопросъ объ идолахъ, храмахъ и жрецахъ: это вопросъ, давно порѣшенный Бернгарди, Срезневскимъ и другими на основаніи положительныхъ свидѣтельствъ современниковъ, а потому мы на немъ останавливаться не будемъ и пожелаемъ только, чтобы въ слѣдующемъ изданіи своей „Исторіи Болгаръ“ г. Иречекъ выражался въ этомъ случаѣ поточнѣе, такъ какъ сомнѣній быть не можетъ.

Но стоить остановиться на его перечисленіи славянскихъ боговъ: тутъ такая смѣсь былей съ небылицами, что невольно удивляешься, какъ г. Иречекъ могъ все это считать непреложными истинами науки.

Совершенно вѣрно, что верховный богъ у Славянъ назывался Сварогомъ, и что это имя обозначаетъ бога неба (санск. *svag*—небо, буквально: свѣтлое); но можемъ усомниться, чтобы у Чеховъ свѣрь употреблялось въ старину въ значеніи водіака, такъ какъ это слово въ такомъ значеніи употребляется только въ подложныхъ глоссахъ *Mater verborum*. Объясненіемъ этого слова занимались Шафарикъ (*O Svarohovi bohá poganých Slovanův* въ *Časop. Česk. M.* 1844), Срезневскій (въ изслѣдованіи объ обожаніи солнца у древнихъ Славянъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1846 г., № 51), Эрбенъ (въ Письмахъ слав. мѣологін въ Русской Бесѣдѣ, 1857, IV) и другіе, и нѣтъ сомнѣнія, что въ славянскомъ языкѣ существовалъ нѣкогда корень слова, соответствующій санск. *svag*—небо, *sur*—блистать, *surā*—богъ, то-есть блестящій, свѣтлый (тоже, что *Déva* ⇒ *Deus*, *θεός*, *Зевс*). Къ тому, что ужъ извѣстно, прибавимъ имя Славянина Сваруна у Агаѳіа

(Ζουαροόνας Σκλάβος ἀνὴρ). Но этотъ верховный богъ, всемогущій богъ боговъ, богъ прародитель, какъ называетъ его Гельмольдъ, былъ бо-
лѣе извѣстенъ у Славянъ подъ именемъ бога (bhaga въ Ведахъ зна-
чить богъ: это слово Пикте (II, 654) производитъ отъ санскр. bhag—
colere, а потому богъ, по его объясненію, значить „l'Être adorable,
digne de respect et d'amour“). Подъ этимъ именемъ опъ упоминается
въ пародной словесности Славянъ, гдѣ ему придаются эпитеты—стар-
рый, прабогъ (срв.: нѣм. der alte vater, der alte got, греч. Κρόνος), вы-
сочайшій, великій, всемогущій и т. д.

Г. Иречекъ говоритъ о двухъ сыновьяхъ Сварога и умалчиваетъ
о ихъ матери, какъ будто Славяне не знали ея. Извѣстно, что не
только у Арийцевъ, но и у народовъ вовсе имъ не родственныхъ—
Угрофинновъ, Китайцевъ, у дикарей Америки и Австрали (Alfr.
Maury, Histoire des religions de la Grèce antique, I, 71—2; A. Pfiz-
maier, Der Geisterglaube in dem alten China въ Sitzungsberichte
der K. Akad. d. Wissensch. Wien. 1871, Heft. III, ss. 641—642 и
другіе)—небо и земля представляются предвѣчною, первичною четю
(le couple primordiale). Въ письменныхъ источникахъ не упоминается
о матери-земли у Славянъ, но за то хорошо знаютъ ее произведенія
народнаго творчества, гдѣ она называется матерью солнца, мѣсяца и
вѣтра и представляется старицею, прядущею золотую кудель на зо-
лотой прялкѣ, и доброю хозяйкою. По всей вѣроятности, Славяне,
подобно родственнымъ народамъ, называли ее не иначе, какъ матерью
землю. Срв. санскр. Pṛthivī māter (la terre-mère), греч. Δημήτηρ =
Γημήτηρ, римск. Terra mater, tellus mater, герм. Iōrdh (Erde, Ner-
thus у Тацита) и т. д. и названія у насъ неба—отцемъ, батюшкою
и земли—матушкою, кормилицею.

Одинъ изъ сыновей бога неба былъ богъ солнца: онъ назывался,
какъ пишетъ г. Иречекъ,—Дажьбогъ и Хорсъ. Написаніе Дажьбогъ,
вмѣсто употребляемаго въ Ипатской лѣтописи и въ Словѣ о Полку
Игоревѣ Дажьбогъ, показываетъ, что г. Иречекъ принимаетъ объяс-
неніе этого имени, предложенное Миклошичемъ и повторенное въ
последнее время г. Крекомъ (Einleitung in die Slav. Literaturge-
schichte, I, Graz, 1874); по этому объясненію Дажь есть повелит. на-
клоненіе отъ глагола дати, а богъ значить богатство; слѣдовательно,
Дажьбогъ значить „дай богатство“, dispensator divitiarum. Такому
странному толкованію имени бога солнца противорѣчить то, что слово
богъ никогда не могло значить богатство, а обозначало божественное
существо (ведическое bhaga употребляется въ смыслѣ бога вообще,

а древне-персидское *vaga* въ смыслѣ верховнаго божества, Ормузда). Притомъ возможно ли, чтобы богъ назывался дѣлнмъ предложеніемъ, обозначающимъ молитвенное къ нему обращеніе. Мы упомянули о такомъ словопроизводствѣ потому, что оно проникло и въ русскую литературу путемъ западно-славянскимъ. Также неудовлетворительно, по нашему мнѣнію, и объясненіе другаго имени бога солнца—Святovitъ, предложенное Гильфердингомъ (Ист. Балт. Слав., I, 226) и припятос гг. Иречкомъ, Крекомъ и др.: на основаніи позднато Житія св. Беннова (конца XV или начала XVI столѣтія); Гильфердингъ утверждалъ, что Святovitъ значитъ святой свѣтъ или святой свѣтлый (вѣтъ=санск. вिति—свѣтъ). Жаль, что никто изъ славянскихъ мифологовъ не обратилъ вниманія на весьма остроумное сопоставленіе Адольфомъ Шикте славянскаго Святовита съ иранскимъ *Srento mainu*, *l'Esprit saint, le vrai Dieu* (б. с. II, 717): славянское свѣтъ вполне соответствуетъ иранскому *srento*; суффиксъ *вѣтъ* Шикте сравниваетъ съ древне-персидскимъ *vitha*, *épithète des divinités* (р. 719, п. 2); этотъ суффиксъ встрѣчаемъ въ именахъ Поревитъ, Яровитъ, Руевитъ и въ словахъ яровитый, плодовитый, ядовитый и т. д. По этому объясненію Святovitъ былъ бы однозначителемъ съ богомъ; что согласно и съ показаніями современниковъ, по которымъ Святovitъ у Балтійскихъ Славянъ почитался верховнымъ богомъ, вытѣснивъ изъ народной памяти стараго бога, настоящаго бога, Сварога.

„О почитаніи Святовита и Перуна, столь развитомъ у Полабскихъ Славянъ и Русскихъ“, говоритъ г. Иречекъ (стр. 96),—„у южныхъ Славянъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ: То же можно сказать и о Триглавѣ“. Изъ этихъ словъ можно было бы заключить, что г. Иречекъ считаетъ Святовита и Триглава божествами отличными отъ Хорса-Дажьбога, между тѣмъ какъ общеизвѣстно, что подъ именами Святовита, Триглава и друг. было обоготворяемо Балтійскими Славянами солнце, о почитаніи котораго у всѣхъ Славянъ свидѣлствуютъ памятники народной словесности. Мораване и Малороссы называютъ солнце богомъ: первые, обращаясь къ востоку, поютъ: *Svitaj, Bože, svitaj; Aby skoro den byl, Abych sa podíval, V kerém sem domé byl*; а Малороссы: „и къ сонечку промовляе: поможь, Воже, человеку“. Словаки называютъ солнце божинь, а Русскіе—свѣтомъ божинь: Клятва солнцемъ весьма обычна у Славянъ: сонце-бъ ты побило (у Малороссовъ)—дама изгорі слънце-то (у Болгарь)—тако ми сунца! тако ми оне жраке небеске (у Сербовъ)—*sunce te osvětilo* (у Хорватовъ)—*sonce mi in Voga* (у Словенцовъ).

Въ народныхъ пѣсняхъ и сказкахъ Славянъ солнце изображается братомъ мѣсяца и вѣтра и сыномъ Бога (неба, Сварога); въ нихъ говорится и о солнечной матушкѣ. Сказанія о солнцѣ весьма распространены у Славянъ, но здѣсь было бы неумѣстно останавливаться на нихъ. Замѣтимъ только, что у Болгаръ и Сербовъ не рѣдки пѣсни о женитьбѣ солнца на звѣздѣ-денницѣ; въ этихъ пѣсняхъ солнце обращается съ жалобами то къ Богу единому, то къ своей матушкѣ (см. сборники Миладиновыхъ, Дозона, Караджича и др.; недавно М. С. Дриновъ напечаталъ въ Період. спис. (X—XI, 153—157) любопытную пѣсню: „Женитьба на слънце-то“.

Еще менѣе можно отрицать почитаніе у южныхъ Славянъ Перуна. Свидѣтельство Проконія объ единомъ богѣ-громовержцѣ имѣетъ такое же значеніе по отношенію къ южнымъ Славянамъ, какое показаніе Титмара и Гельмольда о первенствѣ Святовита между богами Балтійскихъ Славянъ, то-есть, что у первыхъ (быть можетъ, по вліянію греческому) развился преимущественно культъ Перуна, а у послѣднихъ — культъ Святовита. Если слово Перунъ не сохранилось въ языкѣ южныхъ Славянъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они никогда не знали бога небснаго, или какъ Сербы выражаются, живаго огня: не только у западныхъ и восточныхъ Славянъ, но и у южныхъ сохранились народныя пѣсни и сказки, въ которыхъ Перунъ представляется въ образѣ огненнаго краля или мужа, огненника, огненнаго змѣя или краля змѣевъ. Такія пѣсни и сказки извѣстны и Болгарамъ (Раковскаго, Вѣтгарски старина, I, 165 — 166). Что огнепоклоненіе было общераспространено между Славянами, подобно солнцепоклоненію, свидѣлствуютъ арабскіе писатели (см. Хвольсонъ, Ибизъ-Даста, стр. 30; Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ, стр. 125 и др.).

Къ двумъ Сварожичамъ, извѣстнымъ изъ письменныхъ памятниковъ, г. Брокъ присоединяетъ еще третьяго — мѣсяць (и сестру ихъ — утреннюю зарю), ограничивая, впрочемъ, область его культа юго-славянскими землями. Основываясь на памятникахъ народной словесности, къ нимъ слѣдуетъ прибавить еще четвертаго — вѣтеръ, извѣстный у насъ подъ именемъ Стрибога. Но не только у южныхъ, но и у другихъ Славянъ мѣсяць и вѣтеръ представляются братьями солнца и обыкновенно являются въ троицѣ и притомъ съ одинаковыми титулами (краль или панъ); такой же титулъ носить и огонь, хотя ихъ братомъ и не называется. Такимъ образомъ, на основаніи народныхъ сказаній; будемъ имѣть четырехъ Сварожичей.

Что касается женскаго персонала славянокаго Олимпа, то о Немъ мы умолчим за неимѣніемъ точныхъ указаній (кромя матушки-земли); что же касается почитанія Троица и Дня, то объ этомъ было бы лучше г. Иречку совсѣмъ не упоминать.

Жаль, что г. Пречекъ не воспользовался превосходнымъ изслѣдованіемъ И. И. Срезневскаго о Роженицахъ (въ Архивѣ Калачева, кн. II) для объясненія темнаго сказанія Прокопія о томъ, что Славяне не вѣрятъ въ Судьбу (О томъ же писалъ Валавецъ во II-мъ томѣ Книжеvníка). Съ сказаніями о Роженицахъ или Судницахъ слѣдуетъ сравнить сказанія объ Усудѣ (у Сербовъ) или Осудѣ (*nemilosrdný osud* у Чеховъ), подъ которыми разумѣется *fatum*.

Вопросъ о Вилахъ (Самовилахъ, Самодивахъ, Юдахъ, у Болгаръ) достаточно разъясненъ Какулевичемъ (въ I т. *Arkiva za poviestn. Jugoslavensku*) и профессоромъ Буслаевымъ (О рождствѣ славянскихъ вилъ, русалокъ и полудницъ съ нѣмецкими эльфами и валькиріями въ I т. Историч. очерковъ). Къ ихъ изслѣдованіямъ можно было бы сдѣлать дополненія и поправки преимущественно по болгарскимъ источникамъ. Какъ Роженица, такъ и Вилы, играютъ весьма важную роль въ вѣрованіяхъ южныхъ Славянъ; а потому было бы не излишне сообщить о нихъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія.

Этимъ мы оканчиваемъ наши замѣчанія на первую часть IV-й главы, касающуюся славянскихъ древностей и особенно славянской мифологіи: при будущемъ изданіи Исторіи Болгаръ, мы советуемъ автору всю эту часть совершенно переработать и значительно дополнить, при чемъ относиться болѣе критически къ источникамъ и пособиямъ и не увлекаться мнимыми авторитетами.

Вторая часть IV-й главы—„Славянская колонизація“—представляетъ нѣкоторыя указанія, какъ измѣнились Болгарами старинныя названія мѣстностей, и какъ назывались ихъ поселенія. Въ третьей части говорится объ отношеніи Славянъ къ кореннымъ жителямъ Балканскаго полуострова очень кратко и не всегда вѣрно. Позволимъ себѣ сдѣлать два-три замѣчанія.

Г. Иречекъ справедливо замѣчаетъ, что Румыны или Волохи обратнo переселились за Дунай гораздо раньше XIII вѣка, какъ полагаютъ профессоръ Реслеръ (*Römische Studien. Untersuchungen zur älteren Geschichte Romäniens von Robert Roesler. Leipzig, 1871, III*); Противъ теоріи Реслера можно было бы привести значительное число лѣтописныхъ показаній: по свидѣтельству Лаврентьевской лѣтописи, Угры покорили Задунайскихъ Румынъ въ 900 году; о Волохахъ въ

Угорской землѣ говорить анонимный нотаріусъ короля Бела I (1061—1063 г.), которому неосновательно не довѣряетъ г. Реслеръ, подобно нѣкоторымъ другимъ ученымъ; въ XI и XII вѣкахъ къ сѣверу отъ Дуная, въ Дакіи, жили Волохи по словамъ Анны Комниной; Никита Хонскій и Георгій Акрополитъ говорятъ о помощи, которую получали Волгаре отъ Задунайскихъ Волоховъ въ концѣ XII и началѣ XIII столѣтій и т. д.

Совершенно невѣрнымъ мы считаемъ то, что говоритъ г. Иречекъ, ссылаясь на Миклошича (*Die Slawischen Elemente im Rumunischen*), о вліяніи фрако-илирскаго, то-есть, албанскаго языка на языкъ Балканскаго полуострова: „Во всѣхъ языкахъ полуострова находятся лингвистическія особенности, которыя нельзя объяснить ни греческимъ, ни романскимъ, ни славянскими языками. Онѣ могутъ имѣть свое начало только въ албанскомъ, и какъ этотъ языкъ древнѣйшій на полуостровѣ, мы въправѣ сдѣлать заключеніе, что эти особенности, безъ сомнѣнія, чуждаго происхожденія, взяты отъ изстари здѣсь туземнаго (*alteinheimischen*) и теперь исчезнувшаго фрако-илирійскаго языка. Фрако-илирійскій языкъ есть то основаніе, на которомъ одинаково измѣнялся рядъ жившихъ здѣсь языковъ (*durch welche die darüber gelagerten Sprachschichten überall auf gleiche Weise modificirt wurden*). Изъ этихъ особенностей наиболѣ замѣчательны: образованіе будущаго времени, отсутствіе неопредѣленнаго наклоненія, замѣняющая склоненія постановка члена послѣ имени въ албанскомъ, румынскомъ и болгарскомъ языкѣ, а также удержаніе въ этихъ языкахъ глухаго гласнаго *э*“ (стр. 106).

Русскій переводчикъ почему-то опустилъ слѣдующее оправдательное примѣчаніе автора (по нѣм. изд. стр. 114, прим. 1) съ ссылкой на Миклошича: „1) Die Bildung des Futurums durch Verbindung eines Verbuns des Wollens mit dem Inf. (alb. rum. ngr. bulg.: *штъ да тпъ*, serb.: *nucaty*); 2) der Mangel des Inf. im Alb., Bulg., Ngr., mit unter auch im Rum. und Serb., 3) die Bezeichnung des Gen. und Dat. durch die selbe Form (alb., rum., bulg.); 4) der hinten nachgehängte Artikel, alb bestimmt *masc. i, fem. e*, unbestimmt *тъ*, чита *masc. l. le, fem. o, oa, bulg. тъ, та, то*; 5) das häufige Vorkommen des *э* im alb., rum, bulg.: fast jedes unbetonte *a* wird verdunkelt; 6) die häufige Wechselung von *l* und *r*, alb. rum., ngr., bulg. selten; 7) die Veränderung des *o* in *u* in unbetonten Sylben, im alb. rum. und in Dialecten besonders der Ost Bulgaren. Dazu kommen noch Syntaktische Erscheinungen“ (1) Образованіе будущаго времени при помощи неопред. накл.

и настоящ. времени отъ глагола хотѣть (алб. рум. и греч. и болг.: штъ да пишъ, серб. писаћу); 2) Отсутствіе неопред. накл. въ алб., бол., и греч., отчасти въ рум. и серб.; 3) Обозначеніе Родит. и Дат. в. той-же самою формою (алб., рум., и болг.); 4) Членъ поставляемый послѣ имени, алб. опред. муж. и жен. е, неопред. тъ, рум. муж. а, ле, жен. о, оа, болг. тъ, та, то; 5) Господство глухихъ въ алб., рум., болг.: почти каждое неударяемое а произносится глухо; 6) Частая мѣна л и р алб., рум. и греч., болг., рѣдко; 7) Переходъ о въ у въ неударяемыхъ слогахъ, въ алб., рум., и говорахъ преимущественно Восточной Болгаріи. Къ этому присоединяются еще синтаксическія особенности).

Г. Иречекъ чувствуетъ необыкновенное пристрастіе къ албанскому языку, которымъ старается объяснить и темныя мѣстныя названія, и непонятныя ему явленія въ исторіи славянскихъ нарѣчій. Еслибъ онъ былъ болѣе знакомъ съ славянскими нарѣчіями въ живомъ ихъ употребленіи и въ историческомъ развитіи, то не принялъ бы албанскому вліянію указываемыя имъ особенности, встрѣчающіяся въ языкѣ не только Болгаръ, но и другихъ Славянъ, на которыхъ Албанцы не могли имѣть никакого вліянія. Разсмотримъ отдѣльно каждую изъ этихъ особенностей.

1) Образование будущаго времени посредствомъ настоящаго времени вспомогательнаго глагола хочу и неопредѣленнаго наклоненія глагола спрягаемаго употребляется не только въ болгарскомъ и сербскомъ нарѣчіяхъ, но также въ хорватскомъ и старословенскомъ; и притомъ примѣръ для болгарскаго приведенъ г. Иречкомъ не подходящій въ выраженіи: штъ да пишъ первая половина штъ=хоштѣ, вторая же да пишъ есть не неопредѣленное наклоненіе, а цѣлое предложеніе (да пишѣ). Такая сложная форма будущаго употребляется въ сѣверовосточномъ говорѣ болгарскаго нарѣчія (ште да идѣ или ште ми се да идѣ); въ югозападномъ (македонскомъ) ей соотвѣтствуетъ ње да ида. Но кромѣ этой формы, употребляются еще двѣ: 1) ште идѣ (=хоштѣ идѣ) въ сѣверовосточномъ говорѣ или ње ида въ югозападномъ (идешъ, иде, идеме, идете, идот или идѣтъ) и 2) играштѣ, играштешъ, играштеме, играштете, играштѣтъ въ сѣверовосточномъ или игра-ње, њешъ, ње-њеме, њете, њат въ югозападномъ говорѣ. Эту послѣднюю форму слѣдовало г. Иречку привести въ примѣръ, такъ какъ она дѣйствительно представляетъ соединеніе глагола хочу съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ (играштѣ = играти+хоштѣ). Эта форма общеупотребительна

также въ сербскомъ и хорватскомъ (въ штокавскомъ и чакавскомъ говорахъ) нарѣчійхъ. Она была и въ старомъ словенскомъ (хочу быти испрѣдѣн моихъ грѣховъ въ Фрейзингенской рукописи).

2) Г. Иречекъ говоритъ, что въ болгарскомъ и отчасти въ сербскомъ нарѣчійхъ пропало неопредѣленное наклоненіе, которое замѣняется придаточнымъ предложениемъ (*der Mangel und die Umschreibung des Infinitivs*): относительно сербскаго нарѣчія это совсѣмъ невѣрно; что же касается болгарскаго, то въ немъ, рядомъ съ описаніемъ (можете, да ми вѣрѣвате), употребляется неопредѣленное наклоненіе въ сокращенной формѣ, безъ окончанія ти (можешъ ли испи вм. испити), а въ македонскомъ говорѣ даже въ полной формѣ; такъ, напримѣръ, въ Кратовскихъ пѣсняхъ, записанныхъ г. Карановымъ (*Періодъ*, спис., XI—XII, 177—8) читаемъ: на скути кѣмъ боленъ бити, — на раце кѣмъ примирати, — на груди кѣмъ душа дати.

3) Непонятно, какимъ образомъ г. Иречекъ могъ сказать, что въ болгарскомъ нарѣчійхъ родительный и дательный падежи имѣютъ ту же самую форму, когда ему извѣстно, что Болгаре утратили склоненія. Въ другихъ славянскихъ нарѣчійхъ смѣшеніе этихъ падежей дѣйствительно встрѣчается, но это указываетъ только на паденіе склоненій, а не на заимствованія изъ чужаго языка.

4) Что касается члена, поставляемаго въ болгарскомъ нарѣчійхъ послѣ имени (тѣ, та, то), то онъ употребляется, хотя и рѣдко, въ старомъ русскомъ языкѣ и находится въ живомъ употребленіи до сихъ поръ въ нашемъ народѣ. Странное выраженіе — „*der die Declination ersetzende, dem Namen hinten angehängte Artikel*“: извѣстно, что склоненіе замѣняется не членомъ, а предлогами, и не только въ болгарскомъ нарѣчійхъ (на, отъ), но и въ говорѣ Молизскихъ Славянъ въ южной Италіи, гдѣ употребляется до вм. отъ (сыръ до коня, *sacisavallo*). Что членъ въ болгарскомъ нарѣчійхъ есть явленіе самостоятельное, а не заимствованъ изъ албанскаго языка, доказывается разнообразіемъ его формы въ македонскомъ говорѣ, въ которомъ, смотря по значенію, употребляется одна изъ слѣдующихъ трехъ формъ: 1) въ, ва, во, когда говорится о предметѣ близко находящемся (нозиковъ ме болитъ, рокава ме болитъ, момчево); 2) тѣ, та, то, когда рѣчь идетъ о предметѣ отдаленномъ (момчето), и 3) нѣ, на, но, когда вспоминается предметъ отсутствующій (момчено).

5) Г. Иречекъ говоритъ, что въ болгарскомъ нарѣчійхъ весьма распространены глухой звукъ и что почти каждое неудараемое *a* произносится глухо: это также, по его мнѣнію, вліяніе албанскаго языка.

На это замѣтимъ: 1) что употребленіе глухихъ въ этомъ нарѣчій гораздо болѣе распространено; чѣмъ полагаетъ г. Ирецкы: въ немъ не только не ударяемое *a*, но и *o*, *ъ* и *ь* выговариваются глухо (гълѣбъ=голябъ, бѣдъ=бѣдѣ, ходѣтъ=ходить); а гласные неударяемые опускаются (удри вм. удари, колко вм. колико, готви вм. готови, сбѣрва вмѣсто сборува), и 2) что подобное же явленіе встрѣчается у Словенцевъ и Моливскихъ Славянъ: въ словенскомъ нарѣчій всякая гласная безъ ударенія произносится глухо (žrbō=жрѣбѣ, p̄r̄el=пришелъ, človk=человѣкъ), а особенность моливскаго говора составляетъ глухое произношеніе окончаній (земль травъ пунъ, овцъ пунъ вунъ, хомъ домъ=пойдемъ домой).

6) Мѣна *z* и *p* встрѣчается и въ русскомъ языкѣ.

7) Переходъ *o* въ *u* весьма общенъ въ славянскихъ нарѣчійхъ: болг. кубила, прудал, маслу; хорв. (кайравск. гов.), кулик, смилувати се, женум; словенское госпуд, нуч; чешск. p̄vod, p̄sobiti, zvuk̄v; польск. sóka, sóz, wóg, lasów, Bóg, róbka; русск. супругъ, сосѣдъ, суслонъ.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ, перечисленныхъ г. Ирецкымъ лингвистическихъ особенностей, не оказывается ни одной, которая не объяснялась бы славянскими нарѣчійми и была бы заимствована изъ албанскаго языка.

Въ доказательство родственности албанскаго и румынскаго языковъ г. Ирецкы, между прочимъ, приводитъ названіе Болгарина у Албанцевъ Шкьяу (Болгарія—Шкенія), у Румыновъ Шкен; но очевидно, что это названіе заимствовано у Итальянцевъ (Schiavo вмѣсто Sclavo, Schiavone вмѣсто Sclavone, Schiavonia вм. Sclavonia по духу итальянскаго языка, замѣняющаго въ подобныхъ случаяхъ звукъ *l* звукомъ *š*), потому что только изъ итальянскаго языка можно объяснить это названіе. Изъ итальянскаго же языка Моливскіе Славяне заимствовали свое Шкьявунъ. Возможность такого заимствованія объясняется исторически: сначала южные Итальянцы, а потомъ Венеціанцы владѣли частью Албаніи, которую Малатерра называетъ Болгаріей! О вліяніи языковъ албанскаго и румынскаго (равно какъ греческаго, мадырскаго и турецкаго) на болгарскій и обратно имѣется нѣсколько обстоятельныхъ изслѣдованій Миклошича: Die slavischen Elemente im Neugriechischen (1870), Die slavisch. Elemente im Rumunischen (1861), Albanesische Forschungen (1870—1871) и Die Fremdwörter in den Slavischen Sprachen (1867). Кромѣ того, на русскомъ языкѣ имѣетъ г. Дестуниса: Матеріалы для рассмотрѣнія вопроса о слѣдахъ Сла-

вѣдѣнія въ нынѣшнемъ греческомъ языкѣ (Матер. для сравн. слов. и грам., т. III и V) и Ордынскаго: О слѣдахъ славянства въ языкѣ Новогрековъ (Журн. Мин. Нар. Просв. за 1854 г.) По этимъ изслѣдованіямъ можно было бы изложить обстоятельно взаимное вліяніе этихъ языковъ, не вдаваясь въ подробности, излишнія въ Исторіи Болгаръ.

Не останавливаясь на нѣкоторыхъ промахахъ и предубѣжденіяхъ въ послѣдней части IV-ой главы—„О Славянахъ на Балканскомъ Полуостровѣ и въ Моревъ“—замѣтимъ только, что вопросъ о славянствѣ Цаконовъ (по русск. перев. стр. 116, по нѣм. изд. стр. 124—125) далеко не рѣшенъ, какъ можно видѣть изъ сочиненія Густава Девилля: *Etude du dialecte tzaconien* (Thèse pour le doctorat présentée à la Faculté des lettres de Paris par Gustave Deville, ancien membre de l'école française d'Athènes. Paris 1866, съ картой Цаконіи). Г. Девилль утверждаетъ, что Славяне не проникали въ Цаконію (стр. 29), что Цаконы суть Геродотовы Κινούριοι, VIII, 73), и что цаконовскій говоръ есть „le dialecte lasonien“. Въ заключеніе онъ говоритъ слѣдующія замѣчательныя слова (Conclusion, p. 131): „Je n'ai pas à défendre les Grecs contre Fallmerayer. Cependant, il est bon de dire en terminant, qu'au moral comme au phisique, les arrière—petits-fils des périveques de Sparte sont bien les frères des autres Grecs, et que s'ils ont gardé dans leur langue beaucoup d'archaïsmes, ils n'en ont pas moins modifié, comme ceux-ci, la syntaxe et la prononciation: ce qui fait voir que tout ce qu'on pourrait reprocher à la langue ou au caractères des Grecs ne prouve rien contre le maintien de la race, et que cette race a résisté en définitive à ces mélanges partiels ou temporaires dont on s'est plu à exagérer l'importance. Les calamités n'ont pu l'anéantir. Elle a supporté la longue lethargie byzantine et la servitude ottomane, mélange de brutalité et d'abâtissement. Elle semble aussi énergiquement enracinée au sol que l'olivier, ce vieil emblème de l'Attique, si robuste qu'il défie les étés brulants et les vents impétués de l'hiver, si sobre, pour ainsi dire, qu'il se contente de la terre la plus maigre et même du rocher“. Въ приложеніи къ своему труду (Appendice, 132—138) г. Девилль представилъ образцы цаконовскаго говора: надписи, пѣсни, поговорки. Въ нихъ мы не нашли ни одного славянскаго слова.

Въ V-й главѣ—„Переселеніе Болгаръ“—разсматривается любопытный вопросъ о происхожденіи Болгаръ: авторъ принимаетъ ученіе Шафарика, развитое его послѣдователями, Гильфердингомъ и Дриновымъ,

что Болгаре были происхожденія чюдскаго или финскаго, слѣдовательно, родичи нашихъ Вотяковъ, Черемисовъ и Вырянъ. Надъ разборомъ теоріи славянскаго происхожденія Болгаръ (Венелина, Савельева, Ростиславича, Иловайскаго и друг.) авторъ не останавливается, хотя въ послѣднее время эта теорія пріобрѣла двухъ новыхъ поборниковъ въ лицѣ Д. И. Иловайскаго у насъ и Гавріила Кръстьевича—у Болгаръ. Г. Кръстьевичъ въ своей Болгарской исторіи (Исторія блъгарска, ч. I, Цариградъ 1871) утверждаетъ, что Болгаре первоначально были извѣстны подъ именемъ Гунновъ (еще у Эратосеена за 250 л. до Р. Х.), и что Гунны были Славяне (Аорси вм. Аорци вм, Оарци, а Оарци то же, что Волгарци то-есть, Болгаре, потому что у Геродота Волга называется Оаръ; Сираки вм. Хасираки=Хазираци, Хазраци, Хазари и т. п.); а потому онъ подробно излагаетъ (на 600 стран.) древнѣйшую исторію Гунновъ-Болгаръ. Руководителемъ г. Кръстьевича въ изслѣдованіяхъ о Гуннахъ былъ Савельевъ-Ростиславичъ, доказывавшій, что подъ Гуннами слѣдуетъ разумѣть Русскихъ Славянъ (именно изъ Великороссіянъ и Болгаръ), что Русскіе Славяне назывались Русами (Rise), Обрами и Гуннами (hun, hune на древне-сѣверномъ нѣмецкомъ нарѣчій значить великанъ) по необыкновенно большому росту и т. п. (Новыя извѣстія о Скивахъ, Сарматахъ, Гуннахъ и т. д. въ Славянскомъ Сборникѣ Н. В. Савельева-Ростиславича, особ. стр. 25 и 29). Теорія г. Кръстьевича, хотя того не заслуживала, была обстоятельно разобрана М. С. Дриновымъ въ статьѣ „Хунни ли сме? (Гунны-ли мы?)“ въ Період. Спис., кн. V—VI, стр. 210—238.

Книги Д. И. Иловайскаго „Разысканія о началѣ Руса“ (М., 1876) г. Пречекъ не имѣлъ подъ руками (см. по нѣм. изд. прійѣч. 137), а потому о его теоріи славянскаго происхожденія Дунайскихъ Болгаръ (стр. 345—410) не сказалъ ни слова. Но такъ какъ г. Иловайскій старается доказать, что тюрко-финская теорія о происхожденіи болгаръ, принятая г. Пречкомъ, не выдерживаетъ критики, то мы считаемъ долгомъ разсмотрѣть его доводы.

„Первое и самое важное основаніе, на которомъ построена означенная теорія“, говоритъ г. Иловайскій (стр. 347),— „есть наименованіе Болгаръ у средневѣковыхъ лѣтописцевъ Гуннами“. Это положительно невѣрно. Шафарикъ, на котораго ссылается г. Иловайскій, выражается иначе: „Всѣ византійскіе лѣтописцы, а въ челѣ ихъ Теофанъ (817) и Никифоръ (828), выдають Болгаръ, пришедшихъ съ Волги и Дона, за родичей (přibuzné) Гунновъ и Кутургуровъ, а не Славянъ. И самъ нашъ почтенный Несторъ (изд. Тимковскаго, стр. 6—7), слѣдуя общему

народному преданію, помѣщаетъ Болгаръ въ ряду не Славянскихъ народовъ, а напротивъ ихъ главныхъ непріятелей, то-есть, Аваровъ, Угровъ и Хазаровъ, выводя ихъ изъ Скиѣи или земли Хазаровъ вмѣстѣ съ Аварами, Уграми и Хазарами. Слѣдовательно, кто признаетъ Болгаръ Славянами, тотъ долженъ считать таковыми же Гунновъ, Аваровъ, Хазаровъ, Угровъ или Мадьяръ и т. д. и считать родиною Славянъ Уралъ (Slovanské Starozitnosti, II, 176—17, по изд. 1863 г.) Между этими словами Шафарика и тѣмъ, что приписываетъ ему г. Иловайскій,—огромная разница: авторъ Славянскихъ Древностей менѣе, чѣмъ кто другой, могъ основывать свою теорію на названіи Болгаръ у средневѣковыхъ лѣтописцевъ Гуннами; онъ говоритъ не объ имени, а о родствѣ Болгаръ съ Гуннами, Аварами, Хазарами и Уграми, на основаніи Византійцевъ и Нестора. Но не только Шафарика, но и никому изъ его послѣдователей, сколько намъ извѣстно, не приходило въ голову доказывать финское происхожденіе Болгаръ тѣмъ, что они смѣшиваются у лѣтописцевъ съ Гуннами, хотя г. Иловайскій настойчиво утверждаетъ, что „это обстоятельство послужило важнѣйшимъ основаніемъ для тюрко-финской теоріи“ (стр. 346).

Переходимъ къ этнографическимъ доказательствамъ г. Иловайскаго (стр. 367—388). Мы не будемъ останавливаться на соображеніяхъ, въ силу которыхъ онъ признаетъ невозможность перерожденія Болгарской орды Аспаруха въ Славянъ-Болгаръ и называетъ теорію Шафарика „совершенно произвольною, неоснованною ни на какихъ историческихъ свидѣтельствахъ и прямо несообразною съ историческимъ смысломъ“ (стр. 874): это увлекло бы насъ слишкомъ далеко и принудило бы провѣрить другую славянскую теорію г. Иловайскаго о происхожденіи Руси. Примѣры, приведенные Шафарикомъ и г. Пречкомъ (стр. 128 русск. перев.), показываютъ, что такіа явленія были въ исторіи европейскихъ народовъ. Отвѣтимъ только на вызовъ, сдѣланный намъ, славистамъ, г. Иловайскимъ, въ примѣчаніи къ стран. 374, которое буквально читается такъ: „Рѣшенію вопроса о народности Болгаръ, можетъ способствовать также особое изслѣдованіе о той болгарской колоніи, которая по баснословному разказу Византійцевъ перешла въ Италію прямо отъ Азовскаго моря съ пятымъ сыномъ Куврата; а по извѣстіямъ Фредегара (гл. 72) и Павла Діакона (кн. X, гл. 29) просто дружина Болгаръ, „происходившихъ изъ азіатской Сармагіи“, бѣжала изъ Баваріи отъ преслѣдованій короля Дагоберта въ числѣ 700 человекъ подъ начальствомъ своего князя Альзека, и около 667 года поселилась въ герцогствѣ Беневентскомъ

съ дозволенія короля Гримоальда. Они заняли здѣсь три селенія: Сепино, Изернью и Бояно... Дальнѣйшія судьбы этой колоніи неизвѣстны. Въ XV вѣкѣ въ тѣхъ же мѣстахъ поселились новые славянскіе выходцы, именно изъ Сербіи (см. о томъ „Письма“ де-Рубертиса въ Чт. Об. И. п. Д. 1858, I). Обращаемъ на этотъ предметъ вниманіе нашихъ славистовъ. Можетъ быть, когда-нибудь имъ удастся открыть слѣды упомянутой болгарской колоніи въ мѣстныхъ средневѣковыхъ источникахъ, каковы: грамоты, преданія, топографическія имена и т. п.“ Занимавшись въ бытность въ Неаполѣ отыскиваніемъ слѣдовъ славянскихъ поселеній въ южной Италиі въ средніе вѣка и посѣтивъ даже Молизскихъ Славянъ въ Водѣ Живѣ или Кручѣ, считаемъ себя достаточно компетентными, чтобъ отвѣчать на вызовъ г. Иловайскаго. Отъ болгарской колоніи Альзекѣ не осталось никакого слѣда, ни воспоминанія; о славянскихъ же поселеніяхъ въ южной Италиі извѣстія въ архивныхъ грамотахъ начинаются съ 1133 года. Въ греческихъ грамотахъ XII и XIII вѣковъ встрѣчаются имена Славянъ — чиновниковъ, свидѣтелей и монастырскихъ людей; въ латинскихъ памятникахъ (Анжуйскіе реформы) XIII—XV вв. упоминается цѣлый рядъ славянскихъ поселеній въ Неаполитанскомъ королевствѣ и перечисляются по именамъ Славяне, изъ которыхъ многіе занимали видныя государственныя должности при Анжуйцахъ. При Аррагонцахъ, во второй половинѣ XV вѣка, послѣдовалъ новый наплывъ Славянъ въ южную Италию; а къ концу XVI в. относятся послѣднія въ ней славянскія поселенія. Остатки ихъ сохранились понынѣ въ Молизскомъ графствѣ въ числѣ 4500 душъ. Въ древнѣйшихъ памятникахъ славянскіе поселенцы называются *Σκλάβοι*, позже (XIII—XV вв.) — *Sclavi*, *Sclavoni*, *Sclavelli* и *Bulgari*, *Bulgarelli*. *Bulgarus* въ первый разъ упоминается въ 1290 году (*Stephanus Bulgarus de Yscla*, то-есть, съ острова Искія). Къ народному имени иногда прибавляется названіе мѣста происхожденія (*de Catharo*, *de Dalmacia* и т. д.) Нѣтъ сомнѣнія, что славянскія поселенія въ южной Италиі начались раньше XII, и что поселенцы были какъ изъ Сербскаго, такъ и изъ Болгарскаго племени. (Болѣе подробныя свѣдѣнія см. въ нашихъ статьяхъ: *Италянскіе архивы: II. Неаполь и Палермо*, Прилож. къ XIX т. Зап. Ак. Н. № 3, стр. 4—5, 67—76, и *О Славянахъ Молизскаго графства*, — тамъ же, 1870 г.)

Главнымъ доказательствомъ тюрко-финской теоріи суть черты бытовныя. „Эти доказательства“, говоритъ г. Иловайскій, — „набросаны поверхностно, имѣютъ только подобіе научныхъ приемовъ и лишены

всесторонняго, критическаго разсмотрѣнія* (стр. 375). И вслѣдъ за-тѣмъ онъ приводитъ извѣстныя слова Шафарика объ образѣ жизни и обычаяхъ Волгарь, не обращая вниманія на то, что онъ сказалъ нѣсколько выше объ отношеніи Дунайскихъ Славянъ къ Камскимъ и Волжскимъ, которыхъ Арабы и русскіе лѣтописцы изображаютъ народомъ не-славянскимъ (I. с., стр. 177). Было бы здѣсь неумѣстнымъ повторять то, что сказано людьми компетентными о не-славянскомъ происхожденіи Волжскихъ и Камскихъ Волгарь: замѣтимъ только, что арабскіе писатели строго отличаютъ Волгарь отъ Славянъ и Руси и сближаютъ ихъ съ Хозарами (см. Ибнъ-Даста г. Хвольсона, стр. 22, 80—90 и Сказ. мусульм. писат. о Слав. г. Гаркави, стр. 218—222); только Ибнъ-Фодланъ (у Гаркави, стр. 85) называетъ Волгарь Славянами, но уже Френъ показалъ, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать слова Ибнъ-Фодлана (то-есть, что славянской элементъ въ X вѣкѣ былъ господствующимъ въ Камско-Волжской Болгаріи, см. тамъ же, стр. 105), и его объясненіемъ пока мы должны довольствоваться,—въ ожиданіи новыхъ изслѣдованій.

Г. Иловайскій не придаетъ особой важности бытовымъ чертамъ въ этнографическихъ изслѣдованіяхъ: по нашему мнѣнію, важны не отдѣльныя черты, а масса ихъ, а кто прочтетъ нѣсколько строкъ, посвященныхъ Шафарикомъ описанію быта Волгарь, тотъ долженъ будетъ признать ихъ не Славянами, имѣя даже поверхностныя понятія о древнемъ ихъ бытѣ. Допустимъ, что нѣкоторыя черты (клятва на обнаженномъ мечѣ, употребленіе человѣческихъ череповъ вмѣсто чаши, жертвоприношеніе людей и животныхъ, многоженство, одежда и прическа) могутъ считаться особенностями „не столько извѣстной народности, сколько извѣстной степени гражданственности“ или же показывать „вліяніе одного народа на другіе сосѣдніе и особенно на покоренные“, напримѣръ, Аваровъ и Волгарь на Славянъ; но за то ни г. Иловайскому, ни кому другому не удастся доказать, что у Славянъ существовало священное омовеніе ногъ въ морѣ (или вообще въ текущей водѣ, какъ напримѣръ, у Евреевъ), что ихъ жепы (и притомъ множество) падали ницъ на землю при видѣ князя и славили его, что у нихъ употреблялся конскій хвостъ (бунчугъ) вмѣсто знамени, что они сидѣли задомъ на пятахъ, поджавъ ноги, что мужчины носили на головахъ тюрбаны, а женщины закрывали лица, что клятву скрѣпляли разсѣченіемъ на части собакъ и т. п. черты, указываемыя Шафарикомъ, Гильфердингомъ и друг.; это—такія черты, которыя противорѣчатъ положительнымъ нашимъ свѣдѣніямъ о бытѣ, нравахъ и обы-

чаяхъ не только Славянъ, но и родственныхъ намъ народовъ; и называютъ на народъ чужаго, не арийскаго происхожденія, какимъ въ дѣйствительности были Болгаре. А въ виду такихъ чертъ, общечеловѣческія черты теряютъ всякое значеніе, и слѣдовательно, этнографическія доказательства Шафарика и его послѣдователей остаются въ прежней силѣ.

Филологическія доказательства г. Иловайскаго еще слабѣе этнографическихъ. Сказанное имъ о Шафарикѣ и его послѣдователяхъ болѣе примѣнимо къ нему самому, то-есть, что его филологическія доказательства несостоятельны и произвольны: иныхъ выражений мы не находимъ для его толкованій личныхъ именъ у Болгаръ. Едва ли кто согласится съ нимъ, что Кувратъ то же, что Коловратъ, — что Ватбай происходитъ отъ славянскаго бат-я, бат-юшка, — что Котрагъ указываетъ на старо-чешское Кутра, — что Тервель или Тербель одного корня съ Трѣбинье и происходитъ отъ глагола трѣбити или теребить, значившаго будто бы укрѣплять, — что Кормесій одного корня съ кормило и кормчій, а Крумъ съ нашими названіями: Кромь, Кремль, кремникъ и кремсь и т. д.

Такимъ образомъ опроверженіе, представленное г. Иловайскимъ, тюрко-финской теоріи оказывается неудачнымъ, а его доказательства въ пользу славянскаго происхожденія Болгаръ слѣдуетъ признать несостоятельными и произвольными. Сожалѣемъ, что намъ приходится употреблять такія выраженія о трудѣ (впрочемъ, одномъ изъ самыхъ слабыхъ) заслуженнаго нашего историка: этимъ мы нисколько не хотимъ уменьшить его заслугъ для русской исторической науки.

Но возвратимся къ г. Иречку.

Въ VI-й главѣ описываются событія въ Болгаріи съ 679 по 864 годъ; эти событія гораздо обстоятельнѣе изложены покойнымъ Гильфердингомъ (Ист. Серб. и Болг. въ Собр. сочин., т. I, стр. 31—41). Жаль только, что г. Иречекъ, подобно Гильфердингу, слишкомъ увлекся надписью объ Омортагѣ, найденною будто бы Даскаловымъ въ Трновской мечети (Открытія въ древней столицѣ Болгарской, Терновѣ, стр. 15 — 18): это не болѣе, не менѣе, какъ *ria graus* болгарскихъ патриотовъ.

VII-я глава посвящена описанію правленія Бориса. Политическія событія описаны по Шафарику и Гильфердингу; но вопросъ о крещеніи Болгаръ изложенъ по сочиненію г. Голубинскаго (Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей Болгарской, Сербской и Румынской, М. 1871 г.). Извѣстно, что г. Голубинскій, по примѣру Ганцеля

(Geschichte der Slavenapostel. Leitmeritz, 1857), „признаетъ за несомнѣнное, что не принимали никакого участія въ обращеніи Болгаръ къ христіанству первоучители славянскіе Константиѣ и Меѳодій, ни оба вмѣстѣ, ни который нибудь въ отдѣльности“, стр. 22); по его мнѣнію, Борисъ принялъ крещеніе изъ политическихъ расчетовъ при замиреніи съ императоромъ Михаиломъ III въ концѣ 864 или въ началѣ 865 года (стр. 23—26). Мнѣніе г. Голубинскаго основано на сказаніи неизвѣстнаго продолжателя Амартола, X вѣка. Никита Пафлагонскій, какъ современникъ, заслуживающій наиболѣе довѣрія, говоритъ о крещеніи Болгаръ глухо, но относитъ это событіе къ концу 861 или началу 862 года. У остальныхъ Византійцевъ, повторяющихъ одинъ другаго, находимъ легенды, не имѣющія существеннаго значенія, исключая одного только архіепископа Болгарскаго Теофилакта (XI вѣка), который говоритъ о крещеніи Болгаръ священниками, присланными изъ Византіи, по просьбѣ Бориса. Изъ западныхъ источниковъ имѣютъ значеніе только показанія Бертинскій лѣтописи и короля Нѣмецкаго Лудовика (въ письмѣ къ папѣ) о годѣ крещенія Болгаръ, но ихъ значеніе только относительное, такъ какъ о годѣ этого событія имѣются самыя разнорѣчивыя показанія въ разныхъ источникахъ, допускающія различныя толкованія. Славянскіе источники не приняты во вниманіе г. Голубинскимъ, хотя они отчасти древнѣе византійскихъ или по крайности современны имъ и во всякомъ случаѣ достовѣрнѣе. Не слѣдовало бѣ игнорировать и позднѣйшихъ болгарскихъ сказаній, потому что они могутъ быть основаны на не дошедшихъ до насъ древне-болгарскихъ лѣтописяхъ, существовавшихъ, по всей вѣроятности, уже при Симеонѣ. Вообще доводы г. Голубинскаго далеко не убѣдительны, односторонни и пристрастны; а потому г. Иречку слѣдовало бѣ отнестись къ нимъ критически, и не повѣривъ, не вносить въ свою Исторію Болгаръ того, что не согласно съ историческою истиною. Напрасно г. Иречекъ полагаетъ, что послѣднее по времени мнѣніе есть послѣднее слово науки. Напрасно также онъ увлекается авторитетомъ западно-славянскихъ ученыхъ, писавшихъ въ послѣднее время о славянскихъ первоучителяхъ: въ ихъ трудахъ слишкомъ ясно проглядываетъ таинное ихъ желаніе присвоить дѣятельность св. Кирилла и св. Меѳодія исключительно славянско-католическому заводу.

VIII-я глава — „Правленіе царя Симеона“ — написана опять по Гильфердингу: она должна быть совершенно передѣлана по изслѣдованію М. С. Дринова „Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ“ (М. 1876 г.).

Г. Дриновъ въ своемъ изслѣдованіи воспользовался письмами Константинопольскаго патріарха Николая Мистика, лично знавшаго Симеона и принимавшаго весьма дѣятельное участіе въ сношеніяхъ Византіи съ Болгаріей; эти письма, числомъ 30, проливаютъ новый свѣтъ на болгарскую исторію начала X вѣка. Они, этимъ важнѣйшимъ источникомъ для исторіи правленія Симеона, не пользовались ни Шафарикъ, ни Палаузовъ. Гильфердингъ во второмъ изданіи своей исторіи Сербовъ и Болгаръ воспользовался только четырьмя письмами, перепечатанными покойнымъ профессоромъ Григоровичемъ при его изслѣдованіи: „Какъ выражались отношенія Константинопольской церкви къ окрестнымъ народамъ и преимущественно къ Болгарамъ въ началѣ X столѣтія“ (Одесса, 1866). Кромѣ того, профессоръ Дриновъ тщательно пересмотрѣлъ общезвѣстные источники. Общій результатъ его замѣчательнаго изслѣдованія, по собственнымъ его словамъ (стр. 2), заключается въ слѣдующемъ: „Внимательное изученіе всѣхъ, относящихся къ нашей задачѣ, писемъ патріарха Николая въ связи съ другими источниками, привело насъ къ нѣкоторымъ новымъ выводамъ относительно той политической роли, которую Болгарія играла на юго-востокѣ Европы въ царствованіе Симеона. Роль эта весьма видная, такъ какъ политическое движеніе Болгаръ въ это время захватывало на своемъ пути не только весь южно-славянскій міръ, но и оказывало весьма могущественное давленіе и на жизнь сосѣднихъ иноплеменныхъ народовъ, и прежде всего, конечно, на Византію. Въ отношеніяхъ Симеона къ послѣдней всего яснѣе обозначается настоящій характеръ этого политическаго давленія“.

Результаты изслѣдованія г. Дринова не ограничиваются этими новыми выводами относительно политической роли Болгаріи въ началѣ X вѣка: оно разъясняетъ и нѣкоторые темные вопросы въ юго-славянской исторіи этого вѣка, и замѣчательную личность Симеона.

По словамъ патріарха Николая, Симеонъ отличался „несравненнымъ благородствомъ души, здравымъ разсудкомъ, по уму не имѣлъ себѣ равнаго, ненавидѣлъ зло, отвращался отъ несправедливости, былъ украшенъ всѣми добродѣтелями“. Въ частной своей жизни онъ хранилъ замѣчательную простоту, отличался „трезвостію“, не позволялъ себѣ никакихъ излишествъ; вообще жизнь его „мало отличалась отъ жизни отшельниковъ“. Этотъ простой, суровый образъ жизни не былъ однако послѣдствіемъ какихъ-нибудь аскетическихъ воззрѣній, прибавляетъ г. Дриновъ, — а обуславливался напряженною ух-

ственной и правительственной дѣятельностью, которая, по словамъ патріарха, снискала Симеону „всеобщее удивленіе, а Болгарскій народъ довела до вершины славы“ (стр. 5). Показанія Ліутпранда и Іоанна эвзарха Болгарскаго объ учености Симеона и любви его къ наукамъ и литературнымъ занятіямъ подтверждаются Николаемъ Мистикомъ. Даже подъ старость (когда ему было 50 лѣтъ, въ 923 г.) онъ, по словамъ патріарха, „ежедневно наполалъ свою прекрасную душу живоносною водою ученія и любовзательно перечитывалъ книги древнихъ“.

Изъ шестого письма того же патріарха узнаемъ, что послѣ пораженія при Болгарофигѣ, въ 893 году, Византія обазалась платить ежегодную дань Болгарамъ; объ этомъ до сихъ поръ не было извѣстно.

Не знали также, почему Симеонъ, подступивъ, въ августѣ 913 г., къ Константинополю съ цѣлью овладѣть имъ, вдругъ перемѣнилъ свое намѣреніе, вступилъ съ Византійцами въ переговоры и затѣмъ отступилъ въ Болгарію: Гильфердингъ (стр. 99), полагаясь на византійскихъ лѣтописцевъ, говоритъ, что причиной тому былъ недостатокъ средствъ для настоящей осады; но невозможно предположить, чтобы Симеонъ, воспитанный въ Византіи, не зналъ, какія для этого нужны средства, и легкомысленно приступилъ къ ея осадѣ. Г. Дринову, на основаніи писемъ Николая Мистика и свидѣтельства арабскаго писателя Эльмасина, удалось открыть настоящую причину такого неожиданнаго поступка Симеона: такъ какъ у малолѣтнаго императора Константина VII Порфиророднаго не было ни братьевъ, ни сестеръ, и онъ былъ единственнымъ представителемъ императорскаго дома, то Симеонъ вздумалъ предложить ему въ жены одну изъ своихъ дочерей, чтобы, ставъ такимъ образомъ василеопаторомъ, пріобрѣсти права на византійскій престолъ. Опекуны малолѣтнаго императора, а во главѣ ихъ патріархъ Николай, испугавшись огромныхъ приготовленій Симеона къ завоеванію Константинополя, согласились на его предложеніе, и былъ заключенъ „не бывалый“ еще миръ (стр. 12—15). Но вскорѣ брачный договоръ былъ нарушенъ матерью императора, Зоею, стоявшею во главѣ Византійскаго правительства, и „страшно оскорбленный“ этимъ, Симеонъ рѣшился силою оружія привести въ исполненіе свои замыслы: такова была, также неизвѣстная до сихъ поръ, причина возобновленія войны въ 914 году. Слѣдствіемъ блистательнаго похода во Фракію въ этомъ году и пораженія Византійцевъ на рѣкѣ Ахелой (917 г.) былъ государствен-

ный переворотъ въ имперіи: адмиралъ Романъ Лакапинъ, бѣдный Армянинъ, былъ избранъ въ соправители съ титуломъ втораго императора; вскорѣ онъ оттѣснилъ на задній планъ Константина VII, котораго женилъ на своей дочери, и сталъ управлять имперіей самовластно. Тогда Симеонъ, увидѣвъ, что поступками Романа Лакапина прегражденъ ему мирный путь къ византійскому престолу, сталъ дѣйствовать рѣшительнѣе: онъ открыто объявилъ о своемъ намѣреніи занять тронъ Константина Великаго, не соглашался на прекращеніе войны иначе, какъ подъ условіемъ признанія себя императоромъ, и не дожидаясь отвѣта изъ Византіи, принялъ титулъ „царя Болгаръ и Грековъ“. Война возобновилась съ большимъ ожесточеніемъ (919 г.): Фракія, Македонія, Фессалія, Фовида, Віотика и Атика были страшно опустошены; подъ стѣнами Константинополя были разбиты византійскія войска и окрестности столицы разорены (922 г.); наконецъ взятъ Адрианополь (923 г.), и Симеонъ явился у Влахерскихъ воротъ и началъ осаду. На всевозможныя предложенія Византійцевъ онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ требованіемъ торжественнаго вѣзда въ столицу имперіи и уступки ему всѣхъ византійскихъ владѣній въ Европѣ. Посредничество папы Анастасія III также ни къ чему не повело. Казалось, ничто не могло уже спасти Византію, какъ вдругъ Симеонъ принимаетъ предложеніе о мирѣ, входитъ въ переговоры съ патріархомъ Николаемъ и византійскими вельможами, назначаетъ свиданіе Роману Лакапину и потомъ удаляется въ Болгарію. Чтò была за причина такого страннаго поступка Симеона? Гильфердингъ (стр. 106) предполагаетъ неудачу сношеній съ Арабскимъ халифомъ сѣверной Африки Фатлумомъ, или же опасность со стороны сѣверныхъ народовъ (Руси, Печенѣговъ, Аланъ и Мадьяръ), которыхъ Византія старалась вооружить противъ Болгаринъ. Рамбо (G'empire Grec au X-me siècle, pp. 335 — 336), слишкомъ довѣряя византійскимъ лѣтописцамъ, полагаетъ, что на свиданіи Симеона съ Романомъ Лакапинимъ предстала вся нравственная сила Византіи, предъ которою Болгаре должны были безотчетно преклониться. Настоящую причину открылъ опять профессоръ Дриновъ: это былъ политическій союзъ Далматинцевъ и Сербовъ противъ Болгаръ, образованный около 923 года усиліями Византіи и Рима. Опасность, угрожавшая Симеону съ этой стороны, принудила его отсрочить осуществленіе его видовъ на византійскую столицу.

IX-я труда г. Иречка глава озаглавлена „Богомиль“. Въ ней говорится о царствованіи Петра Симеоновича и о ереси Богомиловъ, появив-

шейся въ его время. Правленіе Петра Симеоновича описано по исторіи Гильфердинга и по изслѣдованію профессора Дринова „Начало-то на Самуилова-та държава“, напечатанному въ Період. Спис., кн. IX—XII. Жаль, что и въ этомъ случаѣ г. Иречекъ не могъ воспользоваться другимъ, болѣе важнымъ изслѣдованіемъ того же автора: „Южные Славяне и Византія въ X вѣкѣ“, о которомъ мы только что говорили. III-я и IV-я главы этого изслѣдованія посвящены описанію царствованія Петра Симеоновича. По этому изслѣдованію можно было бы представить живую характеристику святоши Петра, указать на важную роль, которую игралъ въ то время въ Болгаріи опекунъ Петра, дядя его по матери, Георгій Сурсувуль, обстоятельнѣе изложить условія мира съ Византіей (927 г.), отказавшеюся отъ завоеванныхъ у нея Симеономъ областей, сообщить свѣдѣнія о государственномъ и церковномъ управленіи Болгаріи и выяснить причины, благопріятствовавшія успѣху Богомиловъ. Мы остановимся только на двухъ послѣднихъ весьма важныхъ вопросахъ, впервые обследованныхъ профессоромъ Дриновымъ.

Государственное устройство Болгаріи окончательно сложилось при Петрѣ Симеоновичѣ. Органы правительственной власти назывались болярами. Они дѣлились на три разряда: великихъ, внутреннихъ и внѣшнихъ боляръ. Великіе боляре, числомъ шесть, составляли государственный совѣтъ Болгарскаго царя. Они имѣли важное политическое значеніе въ государствѣ, хотя и неизвѣстно, на чемъ оно основывалось,—на личныхъ ли заслугахъ или на историческихъ правахъ. Внутренніе боляре составляли очень многочисленную чиновную іерархію, учрежденную по византійскому образцу. Они дѣлились на множество ступеней и чиновъ—придворныхъ и гражданскихъ, и носили болшую частію византійскіе титулы. Такая чиновная іерархія начала вводиться въ Болгарію еще при Борисѣ, а окончательно организовалась при Симеонѣ и особенно при сынѣ его, Петрѣ. Внѣшніе боляре были областными правителями. Обширное Болгарское царство, простиравшееся, по словамъ Вильгельма Тирскаго, на 30 дней пути въ длину и на 10 или болѣе въ ширину, дѣлилось на множество правительственныхъ округовъ, называвшихся властями (то-есть, волостями, *comitatus*). Такихъ властей при Петрѣ было, вѣроятно, около 40. Областные правители (властители) назначались царемъ. Они дѣлились на великихъ воеводъ и просто воеводъ. Кромѣ того, были наслѣдственные правители областей и подручники Болгарскаго царя: они титуловались князьями (архонты у Византійцевъ, *principes* у

Діоклейца). Упоминаются архонты Моравскій, Магленекій, Бѣлградскій (въ ю. Албаніи) и нѣсколько другихъ. Можно полагать, что въ X вѣкѣ такихъ князей было девять. Они пользовались весьма важнымъ политическимъ значеніемъ въ государствѣ: они принимали непосредственное участіе въ переговорахъ съ иностранными государями и посылали отъ себя письма къ нимъ; безъ ихъ согласія былъ невозможенъ ни одинъ важный государственный актъ.

Прѣславскій дворъ отличался такою роскошью, что въ сравненіи съ нимъ византійскій казался очень бѣднымъ. Такую роскошь ввелъ Симеонъ. Его высокій каменный дворецъ въ Прѣславѣ, по сказанію современника, Іоанна экзарха Болгарскаго, былъ украшенъ золотомъ, серебромъ и драгоценными камнями; по стѣнамъ была живопись. Самъ Симеонъ ходилъ въ порфирѣ, осыпанной жемчугомъ; на шеѣ у него была огромная золотая гривна, на рукахъ золотые обручи, а при бедрѣхъ золотой мечъ. Его бояре (внутренніе) носили гривны, обручи и поясы изъ золота; а его многочисленная гвардія имѣла позолоченные и посеребренные щиты и копья.

Договоромъ 927 года Византія признала независимость Болгарскаго патріархата, учрежденнаго при Симеонѣ съ разрѣшенія папы. При Петрѣ церковная іерархія окончательно сложилась по образцу византійской. Болгарскому патріарху было подчинено около 40 епископовъ. Обстановка патріарха и епископовъ не уступала въ роскоши обстановкѣ византійскаго высшаго духовенства. При особѣ Болгарскаго патріарха состояло столько же клириковъ, сколько при особѣ Константинопольскаго патріарха, то-есть, до 40. Епископы имѣли не менѣе 20 клириковъ. Судебная власть епископовъ была въ Болгаріи, кажется, еще обширнѣе, чѣмъ въ Византіи. Высшее духовенство имѣло большое вліяніе на государственныя дѣла и усердно поддерживало монархическую власть, а потому Болгарскіе государи щедро дарили ему земли и приписанныхъ къ нимъ крѣпостныхъ (парики). Высшее духовенство соперничало въ роскоши съ византійскимъ. Оно щеголяло богатою одеждою, содержало большую свиту и вело жизнь невоздержную. Корыстолюбіе клириковъ вело къ злоупотребленіямъ: по словамъ пресвитера Козьмы, они „творили несправедливый судъ, грабили, обижали беззащитныхъ“.

Такая „испорченность духовенства, достигшая при Петрѣ крайнихъ предѣловъ“, по мнѣнію М. С. Дринова, — „дала сильный толчекъ ереси богомиловъ, возникшей въ это время въ Болгаріи. Духовенство содѣйствовало развитію ея тремя путями: во-первыхъ, нерадѣ-

ніемъ о духовномъ просвѣщеніи своей паствы; вовторыхъ, своимъ соблазнительнымъ образомъ жизни, и втретьихъ, защитой ненавистныхъ народу византійскихъ порядковъ. Еретики встрѣчали большое сочувствіе въ средѣ народа" (стр. 74). Причина этого заключается отчасти въ устройствѣ и управленіи богомильскихъ общинъ, отчасти въ социальномъ-политическомъ идеалахъ богомиловъ. Богомильскія общины, какъ уже замѣтилъ г. Рачкій въ известномъ своемъ изслѣдованіи (Rad Jugoslav. Акад., кн. X, стр. 208—209), составляли югославянскія задруги съ общимъ имуществомъ (на этотъ вопросъ г. Дриновъ не обратилъ вниманія). „У богомиловъ были и свои политическіе и общественные идеалы“, замѣчаетъ г. Дриновъ, но не разъясняетъ, какіе именно. Намъ кажется, что эти идеалы богомиловъ выражены въ слѣдующихъ обличительныхъ словахъ пресвитера Козьмы: „Учатъ же свои не повиноватися властелемъ своимъ, хуляще богатыя, царь ненавидятъ, ругаются старѣйшинамъ, укоряютъ Боляры, мръзъкъ Богу мнать работающая царю, и всякому рабу не велеть работати господину своему“. Въ этихъ словахъ намъ слышится не только протестъ противъ государственныхъ и общественныхъ порядковъ въ Болгаріи того времени, но также отголосокъ социальномъ-политическаго ученія богомиловъ, сущность котораго заключалась въ свободѣ и равенствѣ всѣхъ гражданъ. Такое либеральное ученіе должно было сильно дѣйствовать не только на Болгарь, у которыхъ, по примѣру Византіи, былъ заведенъ двойной деспотизмъ, свѣтскій и духовный, но также и на всю Западную Европу, гдѣ низшіе классы народа страдали подъ гнетомъ высшаго. Этимъ ученіемъ, мы полагаемъ, по преимуществу объясняется легкій успѣхъ богомильской проповѣди какъ на Балканскомъ полуостровѣ, такъ и въ Италіи, Франціи и Германіи, хотя нѣтъ сомнѣнія, что много содѣйствовала этому успѣху примѣрная жизнь богомиловъ — ихъ воздержаніе отъ излишней пищи и пьянства, ихъ трудолюбіе, благочестіе, скромность и т. д.

Г. Дриновъ называетъ богомиловъ „людьми чуткими къ общественнымъ и политическимъ вопросамъ, и притомъ дѣятельно хлопотавшими объ осуществленіи своего социальномъ-политическаго идеала. Хотимъ сказать, что ересь эта не была безъ вліянія на внутреннюю жизнь Болгарскаго царства въ занимающую насъ пору, напротивъ того, была главнымъ дѣятелемъ происходившихъ тогда событій, явилась противодѣйствіемъ сильно утверждавшемуся византизму съ его роскошнымъ вліромъ, съ его придворными кознями, съ его государ-

ственнымъ всемогуществомъ и общественными порядками" (стр. 78). Если же г. Дриновъ придаетъ такое важное значеніе богомиламъ, то ему слѣдовало бы разъяснить ихъ социальное-политическое ученіе, тѣмъ болѣе, что свое изслѣдованіе онъ называетъ „культурно-историческимъ" (стр. 2).

Г. Иречекъ не только не обратилъ вниманія на социальное-политическое ученіе богомиловъ, но даже не потрудился обстоятельно изложить ихъ богословскую систему, хотя и пользовался изслѣдованіемъ Рачкаго. Онъ, напримѣръ, допускаетъ такіа фантазія, основанныя на вышеупомянутомъ трудѣ своего отца: „Для богомила была весьма нетрудная задача обратить народъ, еще недавно погруженный въ язычество, въ религію, которая, подобно славянской мифологіи о бѣгахъ и бѣсахъ, учила о двухъ высшихъ существахъ, то-есть, о добромъ и зломъ божествѣ". Впервыхъ, славянская мифологія не знала дуализма, какъ мы старались показать выше; вовторыхъ, богомилы не признавали двухъ боговъ, добраго и злаго, какъ можно было бы заключать изъ хорошо извѣстной намъ венеціанской рукописи: они признавали два начала—доброе и злое: „Два начала есть", говоритъ пресвитеръ Ковьма,—„едино убо благо, другое зло". Доброе начало они называли богомъ, злое—дѣволомъ или сатананломъ. Это противоположеніе между богомъ и дѣволомъ проводится во всемъ ученіи богомиловъ: міръ сотворенъ не Богомъ, а дѣволомъ, потому что Богъ не создаетъ того, что уничтожается; Богъ благій не могъ сотворить ничего временнаго и несовершеннаго: это—дѣло лукаваго, нечестиваго дѣвола; человекъ созданъ Сатананломъ изъ земли и воды, а Богъ вдунулъ въ него душу: оттого человекъ принадлежитъ имъ обоимъ; дѣволъ владѣлъ человекомъ исключительно до пришествія Спасителя и т. д.

Въ небольшой X-й главѣ разказывается вкратцѣ о походѣ великаго князя Святослава въ Болгарію. Авторъ пользовался сочиненіемъ Гильфердинга и статьею г. Дринова въ IX кн. Період. списанія. IV-я глава докторской диссертациі харьковскаго профессора совершенно измѣняетъ прежній взглядъ на этотъ предметъ. „Взглядъ этотъ", по словамъ М. С. Дринова,—„крайне ошибоченъ: онъ держится на ложномъ представленіи политическаго состоянія Болгарской земли во время нападенія на нее Руссовъ и выведенъ изъ невѣрнаго толкованія нѣкоторыхъ весьма важныхъ историческихъ свидѣтельствъ" (стр. 91—92). Общій результатъ изслѣдованія г. Дринова формулированъ въ слѣдующихъ словахъ (стр. 108 — 109): „Только Силистрійская,

Мало-Прѣславская (въ печати, по ошибкѣ, Русцуккая), Прѣславская Филиппопольская и нѣсколько другихъ съ ними областей подвергались русскому завоеванію и были затѣмъ подчинены Цимисхиемъ Византійской имперіи. Это—тѣ области, которыя остались вѣрными царю Петру въ то время, какъ другія отложились отъ него и составили особенное политическое цѣлое подъ управленіемъ Шишмана и его рода. Другими словами, только восточное Болгарское царство, въ которомъ царствовала древняя династія, было покорено въ это время сначала Русскими, а потомъ Византійцами. Что же касается западнаго Болгарскаго царства, то оно осталось не тронутымъ какъ со стороны Руссовъ, такъ и со стороны Византійцевъ: эта половина Болгарской земли тогда удержала свою политическую самостоятельность“.

Изъ примѣчанія покойнаго О. М. Бодянскаго на стр. 95 г. Иречекъ можетъ узнать о положеніи, неизвѣстномъ ему, Переласлава: Малая Прѣслава, Русскій Перелаславецъ, находилась на Дунаѣ, у самой дельты его, на югъ отъ него.

XI-я глава—„о Шишмановичахъ и покореніи Западной Болгаріи Византійцами“—также должна быть отчасти передѣлана по изслѣдованію г. Дринова, изъ котораго оказывается, что: 1) Шишмановичи не могли происходить изъ Трнова, какъ полагаетъ г. Иречекъ вслѣдъ за Гильфердингомъ,—потому что Трново въ X вѣкѣ не существовало и было основано только въ XII в.; и 2) Самуилъ вступилъ на престолъ не въ 976 году, а нѣсколько позже. Хронологію первыхъ Шишмановичей г. Дриновъ исправляетъ такъ: Шишманъ I царствовалъ въ 963—967 г., старшій сынъ его, Давидъ,— въ 968—977 гг.; а „между 977 и 979 г. власть перешла въ руки Самуила, который въ 980 году уже находился во главѣ правленія“ (стр. 117). Борьба царя Самуила съ Василиемъ Болгаробойцемъ заслуживала болѣе обстоятельнаго изложенія, что было бы весьма легко сдѣлать по сочиненіямъ Гильфердинга и Рачкаго (*Borba Južnich Slovena za državnu neodvisnost i XI vieku, Zagreb, 1875*).

Въ XII-й главѣ, озаглавленной „Византійское господство въ Болгаріи въ XI и XII столѣтіяхъ“,—говорится сначала, впрочемъ очень кратко, объ административныхъ перемѣнахъ, происшедшихъ въ Болгаріи по завоеваніи ея Византійцами, потомъ о возстаніяхъ Петра Делана и Константина Бодина, о вторженіяхъ Печенѣговъ и Половцевъ, и наконецъ, о завоеваніи Албаціи Норманцами. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ находятся у Рачкаго, а также въ специальныхъ изслѣдованіяхъ, на которыя укажемъ ниже.

Говоря о томъ, что императоръ Василій II, по окончательномъ завоеваніи Болгаріи, призналъ независимость Болгарской церкви отъ Константинопольскаго патріарха, г. Иречекъ упустилъ изъ виду одно весьма важное обстоятельство, именно, что Болгарскіе архіепископы, переставшіе титуловаться патріархами, были назначаемы и утверждаемы Византійскими императорами, и что всѣ преемники архіепископа Іоанна, поставленнаго Василіемъ II Болгаробойцею, начиная съ Льва, который называется „*πρωτος ἐν Ῥωμανῶν χαρτοφύλαξ τῆς μευάλτης ἐκκλησίας*“ (Константинопольской патріархин), были Греки: „Такимъ образомъ“, замѣчаетъ г. Голубинскій (стр. 41), „архіепископія Охридская, завѣдуя народомъ Болгарскимъ, совершенно превратилась изъ болгарской въ греческую“. Понятно, что греческіе архіепископы, при посвященіи въ епископы и священники, отдавали предпочтеніе своимъ землякамъ передъ Болгарами, и что пришлое духовенство греческое заботилось не о христіанскомъ просвѣщеніи и благосостояніи своей паствы, а о собственномъ карманѣ, по извѣстнымъ своимъ корыстолюбію и нравственной порчѣ (см. Голубинскаго, Ист. св. правосл. церкв., стр. 40 и слѣд.; и Дринова: Истор. прегледъ на Българска-та църква, стр. 55 и слѣд.).

Г. Иречку слѣдовало также сказать, что императоръ Василій II, назначивъ греческихъ правителей въ болгарскія области, оставилъ неприкосновенными, по свидѣтельству Кедрина, областное самоуправленіе и систему податей, установленную Самуиломъ; а именно, что каждый Болгаринъ, владѣвшій паромъ воловъ, долженъ былъ вносить въ казну ежегодно одну мѣру пшеницы, одну мѣру проса и одну корчагу вина. Кромѣ того, Болгаре должны были служить въ императорскомъ войскѣ.

Сообщаемыя г. Иречкомъ свѣдѣнія о введенномъ Василіемъ II управленіи Болгаріи должны быть исправлены по Рачкому (стр. 107—108) слѣдующимъ образомъ: Начальники областей (*themata*) титуловались стратигами или архонтами. Стратиги были въ Скоплѣ, Охридѣ, Драчѣ, Колонѣ и Дринополѣ; въ Болгарской Моравіи былъ архонтъ; въ теченіе вѣка число ихъ увеличилось (въ Дунайской Болгаріи, въ Преспѣ и Пологѣ, въ Дѣволи и Костурѣ). Единство болгарскихъ земель выражалось въ особѣ воеводы (*δοῦξ*) „всей Болгаріи“, который былъ императорскимъ наместникомъ и имѣлъ резиденцію въ Скоплѣ, главномъ городѣ Болгаріи. Области были раздѣлены на округа (*turma, bandos*), которыми управляли греческіе чиновники, подвластные стратигу. Сборщики податей зависѣли не отъ стратиговъ, а отъ Лого-

оета. По словамъ Болгарскаго архіепископа Теофилакта, эти чиновники „смотрѣли на законы Божіи и постановленія императорскія какъ на паутину, въ которой запутается только маленькая и безсильная муха, но которую раздеретъ звучащая оса“. Сборщиковъ податей онъ называетъ „настоящими разбойниками“ и „грабителями“. Но такіе порядки существовали только въ Западной Болгаріи; жители же Придунайской Болгаріи не только не платили никакихъ податей, но сами получали ежегодно изъ Константинополя богатые подарки, и въ ихъ землѣ греческіе стратиги имѣли только номинальную власть. Такъ снисходительно поступало съ ними византійское правительство съ тѣмъ, чтобъ имѣть въ нихъ защитниковъ отъ вторженій Печенѣговъ, Торковъ (Узовъ) и Половцевъ. Г. Иречекъ не вникъ въ историческое значеніе набѣговъ этихъ варваровъ на Византійскую имперію и отнесся къ этому вопросу слишкомъ поверхностно, ограничившись кое-какими свѣдѣніями, почерпнутыми въ книгѣ г. Рачваго; а между тѣмъ, еще въ 1872 году было напечатано въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія (ч. 164) замѣчательное изслѣдованіе профессора Васильевскаго: „Византія и Печенѣги“ (1048—1094 гг.). Это изслѣдованіе проливаетъ новый свѣтъ на исторію Византіи (а потому и Болгаріи) въ XI вѣкѣ.

„Около половины XI столѣтія Печенѣги перешли за Дунай. Это событіе, оставаемое безъ вниманія во всѣхъ новыхъ историческихъ сочиненіяхъ, имѣло“, по словамъ г. Васильевскаго, — „громкое значеніе въ исторіи человечества. По своимъ послѣдствіямъ оно почти также важно, какъ переходъ за Дунай Западныхъ Готовъ, которымъ начинается такъ-называемое переселеніе народовъ“. Это громкое историческое значеніе перехода Печенѣговъ за Дунай нѣсколько ниже объясняется такъ: „Непосредственною причиною великаго движенія съ запада на востокъ, то-есть, перваго крестоваго похода, на сколько эта причина заключалась въ положеніи Восточной имперіи, были не столько завоеванія Сельджуковъ въ Азіи, сколько грозныя и страшныя массы орды Печенѣжской, угрожавшей самому Константинополю. Вообще эти движенія Печенѣжской орды послѣ перехода за Дунай необходимо прослѣдить шагъ за шагомъ, во всей подробности, которая намъ доступна при существующихъ источникахъ. Не смотря на утомительное однообразіе описаній печенѣжскаго грабительства и разбоя, здѣсь можно найти нѣкоторыя довольно важныя указанія и намеки для исторіи восточной Европы. Византійская политика предъ первымъ крестовымъ походомъ, и въ самомъ первомъ крестовомъ походѣ не можетъ

быть ясно понята безъ постояннаго вниманія къ печенѣжскому вопросу. Отношенія Византіи къ князьямъ Русскимъ, вѣроятно, получить новыи свѣтъ отъ болѣе подробнаго изученія исторіи Печенѣговъ и Половцевъ" (стр. 122).

Если таково вообще историческое значеніе вторженій Печенѣговъ и Половцевъ въ Византійскую имперію, то оно еще важнѣе по отношенію къ Болгаріи: чтобы понять то участіе, которое принимали Половцы (преемники Печенѣговъ) въ возстановленіи Болгарскаго царства и въ войнахъ Болгаръ съ Латинскою имперіей въ Константинополѣ, необходимо уяснить себѣ взаимныи ихъ отношенія въ XI вѣкѣ; кромѣ того, Болгарія наиболѣе страдала отъ этихъ варваровъ, поселившихся на ея земляхъ; она была въ ихъ рукахъ, и за Византійей осталась только одна тѣнь власти въ болгарскихъ земляхъ. Поэтому вопросъ печенѣжско-половецкій долженъ быть обстоятельно изложенъ въ исторіи Болгаріи. Не вдаваясь въ неумѣстныи здѣсь подробности, мы ограничимся нѣсколькими поправками и указаніями въ надеждѣ, что г. Иречекъ воспользуется ими при второмъ изданіи своей книги.

Г. Иречекъ описываетъ образъ жизни Половцевъ по Роберту де-Клари, отрывки изъ мемуаровъ котораго были напечатаны нами въ V-й книгѣ Rada Jugosl. Akademie: къ сожалѣнію, множество опечатокъ, вкравшихся въ это изданіе, затрудняетъ пониманіе текста. Г. Иречку слѣдовало бы обратиться къ полному изданію профессора Гонфа (Chroniques Gréco-Romanes, гдѣ, на стр. 52, находится LXV-я глава мемуаровъ Клари, въ которой говорится о Половцахъ). Кромѣ того, характеристику Половцевъ нужно пополнить по Евстаію Солунскому и Рабби Петахія (у Васильевскаго, стр. 120—121). Объ образѣ жизни Печенѣговъ г. Иречекъ ничего не говоритъ: можно было бы воспользоваться характеристикой ихъ у Θεοφιλαкта Болгарскаго (тамъ же, стр. 119) и свѣдѣніями, разбросанными у Византійцевъ, западныхъ лѣтописцевъ и Арабовъ (на сказанія послѣднихъ г. Васильевскій не обратилъ вниманія; см. напр. у Хвольсона, Ибнъ-Даста, стр. 46—51).

Свѣдѣнія, сообщаемыя г. Иречкомъ о переходѣ Печенѣговъ за Дунай въ половинѣ XI вѣка, отчасти неточны: 1) Кегенъ былъ не полководцемъ Тираха, а его соперникомъ. Избѣгая мести Тираха, онъ, съ двумя улусами, въ числѣ 20,000 человекъ, переправился черезъ Дунай и получилъ отъ императора во владѣніе три дунайскія крѣпости: это было первое переселеніе Печенѣ-

говъ въ Болгарію, о которомъ умалчиваютъ г. Ирчекъ и его руководитель г. Рачкій (стр. 129). 2) Тирахъ вторгся во владѣнія Византіи не изъ-за ласковаго приѣма, оказаннаго императоромъ Кегену, а изъ-за набѣговъ его, не смотря на миръ съ Византіей, на печенѣжскіе улусы, оставшіеся вѣрными (числомъ 11) Тираху. 3) Тирахъ перешелъ Дунай по льду зимою 1048 года со всею своею ордою, состоявшею изъ 800,000 человекъ (Васильевскій, стр. 126), а не 80,000, какъ говоритъ г. Ирчекъ со словъ г. Рачкаго (стр. 130). 4) Орда Тираха была побѣждена не византійскими полководцами, а „молодымъ виномъ и славянскими національными медовыми напитками, приготовленными Болгарами“: отъ неумѣреннаго употребленія ихъ началась страшная смертность между Печенѣгами, и они добровольно покорились Византійцамъ. Византійское правительство поселило ихъ въ опустѣвшей Болгаріи, преимущественно около Срѣдца, Ниша и на Овчѣмъ полѣ. Между ними была набрана 15,000 конница, которую отправили въ Малую Азію противъ Сельджуковъ; но они произвольно возвратились въ Срѣдецъ и взбунтовали своихъ соплеменниковъ, которыхъ византійское правительство вздумало приучать къ земледѣлію: косы и серпы замѣнили имъ отобранное оружіе, и они принялись опустошать окрестности Срѣдца и Ниша, послѣ чего перешли Балканы. По совѣту всѣхъ Печенѣжскихъ князей, была выбрана удобная для кочевья равнина между Балканами и Дунаемъ. Отсюда они дѣлали опустошительные набѣги на Фракію и Македонію, разбивали высылаемыя противъ нихъ византійскія войска и заставляли императора покупать у нихъ миръ дорогою цѣною. Они были усмирены только въ 1059 году, когда Печенѣжскіе князья дали обѣщаніе сохранить вѣрность, что, впрочемъ, не мѣшало имъ грабить ихъ мирныхъ сосѣдей—Болгарь.

Г. Ирчекъ не придаетъ никакого значенія переправѣ черезъ Дунай Узовъ (Торковъ): со словъ г. Рачкаго (стр. 158) онъ говоритъ, что въ 1065 г. они переправились черезъ Дунай, и въ числѣ 60,000, завяли Болгарію до самой Элады, но были истреблены моровою язвою, Болгарами и Печенѣгами, а остатки ихъ поселились въ Македоніи. Г. Васильевскій (стр. 138—139) представляетъ это переселеніе Узовъ совершенно въ иномъ видѣ: „Въ сентябрѣ 1064 года Узы явились на Дунаѣ. Это было настоящее переселеніе: цѣлое племя, въ числѣ 600 тысячъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ и скарбомъ, толпилось на лѣвомъ берегу рѣки. Всѣ усилія воспріятьствовать ихъ переправѣ были напрасны... Болгары и Греки, которые хо-

тѣли удержатъ ихъ, были разбиты; двое сановниковъ императорскихъ попались въ плѣнъ. Дунайская равнина была во власти страшной орды. Скоро наводила она болѣе отдаленныя области имперіи; одна часть Узовъ отдѣлилась отъ прочей массы и бросилась на юго-западъ: Солунская область и самая Элада испытали всѣ ужасы варварскаго нашествія. Императоръ Константинъ X Дука, услышавъ о страшномъ событіи, совсѣмъ потерялъ голову... Въ опустошенной еще Печенѣгами Болгаріи многочисленныя толпы Узовъ не находили себѣ удовлетворительной добычи, ни даже достаточнаго пропитанія. Въмѣсто того, чтобы возвращаться назадъ (какъ ихъ упрашивалъ императоръ), они стремились все впередъ. Македонія и Фракія пострадали подобно Солунской области. Набѣги кочевниковъ доходили почти до стѣнъ Константинополя. Горестъ и отчаяніе жителей столицы достигли послѣдней степени. Они начинали серьезно разсуждать между собою о необходимости выселенія изъ Европы... Вотъ каково было это переселеніе Узовъ, о которомъ г. Иречекъ счелъ достаточнымъ упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ!

Эту страшную орду покорили византійское золото, болѣзни и голодъ: подкупленные Византійцами, вожди ушли обратно за Дунай вмѣстѣ съ своими полчищами; болѣзни и голодъ сдѣлали свое дѣло; имъ помогли Болгаре и Печенѣги; оставшіеся въ живыхъ, Узы были поселены въ Македоніи, обязавшись служить въ императорскомъ войскѣ. Въмѣстѣ съ Печенѣгами они составляли легкую конницу и принимали дѣятельное участіе въ Турецкихъ походахъ Романа IV.

Въ это время находимъ Печенѣговъ въ Придунайской Болгаріи. Въ Дерстрѣ (Силистріи) властвовалъ Печенѣгъ Татушь. Болгаре, недовольные византійскимъ правительствомъ за то, что оно лишило ихъ ежегодныхъ даровъ, вошли съ нимъ въ союзъ; въ который вовлекли и вестарха Нестора, родомъ Славянина, и сообща задумали завладѣть Константинополемъ (1074 г.). Союзники перешли Балканы, опустошили Адрианопольскую область и подошли къ самымъ стѣнамъ столицы имперіи, но потомъ отступили, неизвѣстно по какой причинѣ. Четыре года позже Печенѣги снова появляются за Балканами въ качествѣ наемниковъ сначала Михаила VII, а потомъ Никифора Врѣннія и Василяки, грабятъ Адрианопольскую область и получаютъ за свою службу огромную сумму денегъ. Въ походѣ Василяки, стратега Драча, на Солунь участвуютъ вмѣстѣ съ Печенѣгами Половци (Куманы). Придунайскіе города остаются въ рукахъ Печенѣговъ. Они владѣютъ также страпою между Балканами и Дунаемъ. Болгаре

подчиняются власти ихъ князей и вмѣстѣ съ ними ходять за Балканы. Особенно сильную поддержку они находятъ въ богомилахъ. Между ними заключаются даже брачныя союзы. Богомилы Лека и Добромиръ возбуждаютъ Печенѣговъ къ нападенію на византійскія области, и Печенѣги опустошаютъ окрестности Сръдца и Ниша (1078 г.). Нѣсколько позже (1086 г.) „безчисленное множество“ Печенѣговъ помогаютъ Траяну, тайному главѣ богомильской общины, взбунтовавшемуся противъ императора Алексѣя Комнина, и грабятъ окрестности Филиппополя. Въ 1087 году 80,000 Печенѣговъ и Половцевъ, подговоренныхъ Угорскимъ королемъ Салономомъ, вторглись въ Македонію и только недалеко отъ Константинополя встрѣтили византійскія войска у городка Кулы, гдѣ потерпѣли пораженіе, и послѣ того удалились за Балканы. Императоръ Алексѣй, возгордившись успѣхомъ, задумалъ изгнать Печенѣговъ изъ Болгаріи и съ этою цѣлію лично повелъ противъ нихъ войска, по къ югу отъ Дрестры потерпѣлъ сильное пораженіе и едва спасся бѣгствомъ (1088 г.). Онъ долженъ былъ заплатить огромный выкупъ за знатныхъ Византійцевъ, взятыхъ въ плѣнъ Печенѣгами; изъ-за этого выкупа Печенѣги перессорились съ своими союзниками Половцами; отъ ссоры дошло до борьбы изъ-за византійскаго золота, и болѣе сильныя Половцы разбили Печенѣговъ и загнали ихъ въ болота около низовьевъ Дуная. Но искорѣ они вернулись къ Балканамъ, а вслѣдъ за ними пришли туда Половцы. Императору пришлось откупаться отъ тѣхъ и другихъ золотомъ. Печенѣги, по удаленіи Половцевъ, нарушили миръ, стали грабить Подбалканскіе города и села, заняли Филиппополь, куда давно призывали ихъ богомилы, и беспокоили самую столицу. Императоръ долженъ былъ просить у нихъ мира. Тѣмъ не менѣе печенѣжскіе набѣги продолжались, дохода до самыхъ стѣнъ столицы. Одновременно съ Печенѣгами угрожали Константинополю Турки-Сельджуки со стороны моря, а съ суши—Половцы, собиравшіе шестидесятитысячную орду. Имперія находилась въ самомъ отчаянномъ положеніи, и императоръ, по собственнымъ его словамъ, „былъ принужденъ бѣгать предъ лицомъ Турокъ и Печенѣговъ“. Въ отчаяніи онъ вызвалъ о помощи къ Западной Европѣ (1091 г.), проси, чтобы Латины заняли Константинополь, прежде чѣмъ онъ достанется въ руки Турокъ и Печенѣговъ (Переводъ этого окружнаго посланія императора у Васильевскаго, стр. 271—273). А между тѣмъ, въ ожиданіи прибытія на берега Босфора Франковъ, въ руки которыхъ Алексѣй Комнинъ хотѣлъ отдать судьбу своей имперіи, были вооружены Болгаре, Влахи

и жители другихъ областей, свободныхъ отъ печенѣжскаго нашествія. Самъ императоръ сталъ во главѣ новой арміи: Его укрѣпленный лагерь находился въ Эносѣ у устьевъ Гебра. На помощь несмытныхъ полчищамъ Печенѣговъ пришла сорокатысячная орда Половецкая; но императоръ умѣлъ привлечь на свою сторону Половцевъ, и съ помощью ихъ истребилъ большую часть Печенѣжской орды, а остальныхъ взялъ въ плѣнъ. Плѣнные Печенѣги были поселены въ Могленской области, на востокъ отъ рѣки Вардара.

Что касается похода Половцевъ на Адрианополь съ самозванцемъ Константиномъ Діогеновичемъ (Девгеневичемъ, по русскимъ лѣтописямъ), то походъ этотъ состоялся не въ 1094 году, какъ говорить Г. Иречекъ, а въ 1092.

Такъ, по нашему мнѣнію, должны быть исправлены и дополнены свѣдѣнія, сообщаемыя авторомъ „Исторіи Болгаръ“ о столкновенияхъ Печенѣговъ и Половцевъ съ Византійскою имперіей.

Г. Иречекъ не упоминаетъ о проходѣ крестоносцевъ черезъ Болгарію и ихъ столкновенияхъ съ Волгарами, хотя и живутъ объ этомъ любопытныя свѣдѣнія. Еще въ 1065 году Болгаре грабили пилигримовъ, отправлявшихся черезъ Угорское королевство и Византійскую имперію въ Святую землю; а въ 1096 году, во время прохода чрезъ ихъ земли крестоносцевъ, они нападали на нихъ, какъ на враговъ своихъ: передовой ихъ отрядъ, подъ предводительствомъ рыцаря Вальтера, былъ разбитъ Волгарами въ Вѣлградѣ, который они грабили и опустошали, и 140 крестоносцевъ, затворенныхъ ими въ одной церкви, задохлись отъ дыму, остальные же съ большими опасностями пробрались черезъ Болгарскія лѣса въ Нишъ и Срѣдецъ, а оттуда въ Константинополь; вѣскольکو позже, Болгаре истребили подъ Нишемъ до 10,000 и въ 40,000 крестоносцевъ, предводительствуемыхъ Петромъ Пустынникомъ, за ихъ варварскіе поступки въ Вѣлградѣ и по пути; въ Пологи (въ Македоніи) рыцари Боздмунда опустошили земли богомилловъ не за то только, что считали ихъ еретиками, а также въ отмщеніе Волгарамъ за ихъ нерасположеніе, которое проявлялось въ томъ, что они не хотѣли снабжать ихъ провіантомъ, не давали имъ проводниковъ и даже нападали на нихъ въ горныхъ тѣснинахъ и лѣсахъ, за что крестоносцы обращались самымъ варварскимъ образомъ съ болгарскими плѣнными: выкалывали имъ глаза и отрубали руки и ноги; въ Свядрѣ, не смотря на побратимство Вудина съ графомъ Раймундомъ, Славяне нападали на безоружныхъ крестоносцевъ, грабили ихъ и убивали.

Гораздо опаснѣе задувайскихъ кочевниковъ, говорить г. Ирчекъ, — были Норманны, завоевавшіе Албанію и Македонію до Вардара, — и пе смотря на это, ограничивается нѣсколькими строками о походахъ Роберта Гвискара и его сына Бозмунда. Хотя мы и не раздѣляемъ взгляда автора „Исторіи Болгаріи“ на кратковременныя норманскія завоеванія, тѣмъ не менѣе считали бы необходимымъ сказать нѣсколько подробнѣе объ отношеніяхъ Болгарь къ Норманнамъ. Правда, эти отношенія опредѣлить довольно трудно по причинѣ противорѣчій источниковъ и двуличности Бодина, титулярнаго царя Болгарь. Сначала вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, Сербскимъ кралемъ Михаиломъ, онъ былъ на сторонѣ Норманновъ, а потомъ былъ сторонникомъ императора : Алексѣя Комнина, но послѣ пораженія императорскихъ войскъ (1081 г.) онъ оставилъ его и возвратился въ Зету. Есть извѣстія, что жители Албаніи, большинство которыхъ были Болгаре, отказали Норманнамъ въ провіантѣ и дани, что въ войскахъ императора былъ вспомогательный отрядъ богомиловъ (изъ 2800 человекъ); но въ то же время извѣстно, что сами Болгаре призывали Бозмунда въ Охриду и передали въ его руки бывшую столицу Западной Болгаріи. Нѣкоторыя указанія на отношенія Болгарь къ Норманнамъ можно найдти въ изслѣдованіи неаполитанскаго профессора де-Влазиса (Giuseppe de Blasis): *La insurrezione Pugliese e la conquista Normanna nel secolo XI* (Napoli, 1864, 2 vol.)

Въ XIII-й главѣ, подъ заглавіемъ „Внутреннее состояніе Болгаріи въ XI и XII вѣкахъ“, сообщаются свѣдѣнія объ эллинизациі Охридской церкви, о распространеніи богомилства по Балканскому полуострову и Западной Европѣ и о различныхъ народностяхъ на этомъ полуостровѣ. Что касается эллинизациі Болгарской церкви, то объ этомъ слѣдовало сказать въ предыдущей главѣ, какъ было выше замѣчено. Объ успѣхахъ богомилскаго ученія въ XI—XII вв. г. Ирчекъ говоритъ очень кратко, руководствуясь извѣстнымъ изслѣдованіемъ г. Рачкаго. Было бы желательно, чтобъ яснѣе показано было отношеніе западныхъ патареновъ и катаровъ къ болгарскимъ богомиламъ, и особенно, чтобы были сообщены болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этихъ послѣднихъ. У Византійцевъ есть много любопытныхъ свѣдѣній о богомилахъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ числѣ ихъ есть такія, которыя невольно возбуждаютъ удивленіе: такъ напримѣръ, упоминается объ участіи богомиловъ въ византійскихъ войнахъ, о богомилскихъ вспомогательныхъ отрядахъ, между тѣмъ какъ богомилы считали войну грѣхомъ. Есть свѣдѣнія о богомилахъ и въ болгарскихъ источникахъ

такъ на примѣръ, въ Житіи преп. Иларіона, епископа Могленскаго († 1164 г.), страстнаго обличителя богомиловъ, читаемъ слѣдующія строки объ успѣхахъ ихъ ученія: „Толико они възмогли бѣше ереси, такоже и курь Маноуилоу царю Гръчьскому въ малѣ не отъпасти отъ благочыстивые нашее вѣры, аште не блаженнымъ Иларіономъ оукрѣпленъ би догматъскими словесы и оутвержденъ нечестивое онѣхъ велѣніе отъ сръдъца его далече нѣгде прогна, православіа же сѣме въ нѣмъ оусоугоуби, (Stagine^o I, 81).

Вообще надъ исторіей богомиловъ въ Болгаріи слѣдуетъ еще потрудиться самостоятельно; нужно тщательно изслѣдовать византійскіе, западные и болгарскіе источники, и притомъ обратить вниманіе преимущественно на ихъ соціально-политическое ученіе и на ту роль, какую они играли въ государствѣ. Такого спеціальнаго изслѣдованія мы не въ правѣ, конечно, требовать отъ г. Иречка, а выражаемъ только желаніе, чтобы кто-нибудь изъ молодыхъ славистовъ занялся этимъ важнымъ вопросомъ.

Не понимаемъ, какую связь имѣеть съ исторіей Болгарской церкви этнографическій обзоръ Балканскаго полуострова: такой обзоръ былъ бы умѣстенъ въ IV-й главѣ, гдѣ говорится объ отношеніяхъ Славянъ къ старожиламъ полуострова, и онъ выпелъ бы удачѣе, еслибы авторъ обратилъ поболѣе вниманія на сербскія грамоты и Законникъ Душана. Исправляемъ одну только важную ошибку, сдѣланную притомъ съ ссылкой на наши „Историческія разысканія о Славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка“: намъ никогда не приходило въ голову утверждать, что славянскій элементъ совершенно исчезъ въ Албаніи; напротивъ, намъ очень хорошо извѣстно, что въ сѣверной ея части до сихъ поръ живутъ Сербы, нимаго не утратившіе своей народности, и что внутри ея, на примѣръ, въ Дебряхъ, уцѣлѣло еще болгарское народонаселеніе. Вообще содержаніе этой главы не соотвѣтствуетъ заглавію: о внутреннемъ состояніи Болгаріи въ ней нѣтъ почти и помину.

Викентій Макушевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

М А И

1878.

197

1878

ПЯТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ СХVII

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатери. каналъ, между Вознес. и Маринскимъ мостами, д. № 90-1.

1878.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Каталогъ учебныхъ руководствъ и пособій, которыя могутъ быть употребляемы въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Каталогъ книгъ для употребленія въ низшихъ училищахъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Замѣтки о нѣкоторыхъ иностранныхъ писателяхъ о Россіи въ XVII вѣкѣ . . . Е. Козубоваго.

Объ основныхъ понятіяхъ психологіи . . . Н. Страхова.

Исторія Волгарь въ трудѣ К. О. Иречка.
(Окончаніе.) . . . . . В. Макушева.

Критическія и библиографическія замѣтки.

Полный словарь польскаго и русскаго языка, составленный членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи наукъ П. П. Дубровскаго . . . С. Пташницкаго.

Archiv für slavische Philologie unter-Mitwirkung von A. Leskien und W. Nehrung herausgegeben von F. Jagić. (Архивъ славянской филологіи, издаваемый В. Ягичемъ при содѣйствіи А. Лескиема и В. Неринга). 2 тома въ 6-ти выпускахъ . . . А. Б.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи нашихъ учебныхъ заведеній: а) университетовъ.

Письмо изъ Парижа . . . . . Л. Л.—ра.

Отдѣлъ классической филологіи и Приложение.

(См. на 3-й стр. обертки.)

ИСТОРИЯ БОЛГАРЪ ВЪ ТРУДЪ Н. О. ИРЕЧКА ¹⁾.

Иречекъ К. Исторія Булгаръ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. А. Яковлева. Два выпуска. Варшава. 1877.

Въ главахъ XIV-й—XXIII-й излагается исторія втораго Болгарскаго царства. Эту часть труда г. Иречка такъ оцѣнилъ г. Дриповъ въ своей рецензій (Период. Списание, кн. XI—XII, стр. 222): „Съ XIV главы излагается исторія втораго Болгарскаго царства, которая до сихъ поръ была наиболѣе темна и неясна. Кромѣ сухаго изложенія Гебгарди, Раича и Энгеля, изложенія, основаннаго на мутныхъ сказаніяхъ византійскихъ и латинскихъ, до г. Иречка объ этомъ времени писали только Палаузовъ и Макушевъ краткія изслѣдованія. Нѣкоторые вопросы были разъяснены въ извѣстныхъ книгахъ Карла Гопфа и Голубинскаго. Г. Иречекъ принялъ во вниманіе всѣ эти изслѣдованія, которыя впрочемъ помогли ему въ весьма немногихъ вопросахъ; все остальное онъ долженъ былъ изучать по источникамъ. О второмъ Болгарскомъ царствѣ нынѣ набралось довольно много историческаго матеріала, находящагося въ византійскихъ, латинскихъ и старо-французскихъ лѣтописяхъ и другихъ историческихъ памятникахъ. Есть довольно много и болгарско-сербскихъ свидѣтельствъ, попадающихся въ различныхъ житіяхъ, грамотахъ и лѣтописныхъ записяхъ. Но этотъ разнообразный матеріалъ разбросанъ по разнымъ книгамъ, еще не собранъ воедино и тѣмъ менѣе очищенъ критикою. Г. Иречекъ былъ принужденъ собирать его, разсматривать, очищать и объяснять. Огромнаго труда стоила ему эта работа, но за то онъ изложилъ исторію XIII и XIV вѣковъ съ такою полнотою, подробностью и основательностью, что эта доселѣ малозвѣстная часть на-

---

¹⁾ Окончаніе. См. апрѣльскую книжку *Ж. М. Н. Пр.* за текущій годъ.

шей исторіи можетъ теперь считаться наиболѣе извѣстною и наилучше обработанною. Одна внѣшняя исторія XIII и XIV вѣковъ изложена въ 10 главахъ, которыя занимаютъ около 125 страницъ".

Мы крайне удивляемся такому приговору г. Дринова, котораго г. Иречекъ исчисляетъ первымъ знатокомъ болгарской исторіи: вышеприведенныя строки г. харьковскій профессоръ могъ написать только въ минуту полнаго самозабвенія и забвенія того, что сдѣлали предшественники г. Иречка. Если исторія втораго Болгарскаго царства не такъ ясна, какъ перваго, то въ этомъ виноваты не столько изслѣдователи, сколько она сама: со смерти Асѣни II начинается смутное время въ болгарской исторіи, когда являются одинъ за другимъ претенденты на Терновскій тропъ изъ разныхъ сословій и даже изъ разныхъ народностей, поддерживаемые и поощряемые сосѣдними державами, взаимные интересы которыхъ часто перекрещиваются; но вся эта путаница достаточно разъяснена покойнымъ Палаузовымъ, въ его изслѣдованіяхъ „Ростиславъ Михайловичъ, князь Мачвы“ (Журн. М. II. Пр. 1851, ч. 71) и „Юговостоки Европы въ XIV столѣтіи“ (тамъ же 1857, №№ 4 и 10). Совершенно ошибочно утверждаетъ г. Дриновъ, что труды предшественниковъ г. Иречка помогли ему только въ весьма немногихъ вопросахъ: провѣривъ и сравнивъ трудъ г. Иречка съ трудами его предшественниковъ, какъ было уже выше упомянуто, мы пришли къ убѣжденію, что онъ прибавилъ весьма мало къ тому, что уже было раньше сдѣлано, и это малое не имѣетъ существенной важности и относится преимущественно ко второй половинѣ XIV вѣка. Поэтому г. Иречку не предстояло такого большаго труда въ его работѣ, какъ говоритъ г. Дриновъ, напрасно приписывающій ему всю заслугу въ разработкѣ исторіи втораго Болгарскаго царства: право, странно читать, что, благодаря изслѣдованіямъ г. Иречка, исторія втораго Болгарскаго царства стала наиболѣе извѣстною и наилучше обработанною: что послѣ этого подумать о трудахъ самого г. Дринова и его предшественниковъ Шафарика, Гильфердинга и Палаузова, разработывавшихъ исторію перваго Болгарскаго царства? Что же касается полноты, подробности и основательности изложенія, то и въ этомъ отношеніи, по крайности въ нѣкоторыхъ частяхъ, первенство принадлежитъ не г. Иречку, а его предшественникамъ. Чтобы показать всю неосновательность приговора г. Дринова, приступимъ къ разбору каждой главы въ отдѣльности, при чемъ покажемъ, на сколько были полезны г. Иречку труды его предшественниковъ, и что онъ прибавилъ отъ себя къ тому, что уже было ими сдѣлано; при этомъ

отмѣтимъ также его ошибки и промахи и пополнимъ сообщаемыя имъ свѣдѣнія отчасти по неизданнымъ памятникамъ италіанскихъ архивовъ и бібліотеки францисканцевъ въ Дубровникѣ, отчасти по початнымъ источникамъ.

Въ XIV-й главѣ излагается возстановленіе Болгарскаго царства Асѣнемъ I и правленіе Іоанна I (Калояна) до войны его съ Латинскою имперіей въ Константинополѣ. Авторъ въ началѣ въ краткихъ словахъ говоритъ о состояніи Византійской Имперіи въ концѣ XII вѣка—по Гопфу (*Geschichte Grichenlands im Mittelalter* въ *Allgem. Encykl.* v. Erch и Gruber, Bd. 85, SS. 145—160); потомъ упоминаетъ о войнѣ Угорскаго короля Бела III съ Андроникомъ, во время которой онъ овладѣлъ Браничевомъ, Нишемъ и Срѣдцемъ (Софіей); объ этой войнѣ слѣдовало бы разказать обстоятельно, тѣмъ болѣе что о ней говорятъ даже сербскіе и болгарскіе источники (Житія Немани и Іоанна Рильскаго): изъ сербскихъ мы узнаемъ о дѣятельномъ участіи въ этой войнѣ Немани, присоединившаго къ Сербіи болгарскія области Нишевскую и Призрѣнскую, а болгарскіе упоминаютъ о вторженіи Угровъ въ Срѣдецъ. Вслѣдъ затѣмъ г. Иречекъ говоритъ въ нѣсколькихъ словахъ о завоеваніи Солуни южно-италіанскими Норманнами и о пораженіи ихъ Исаакомъ II Ангеломъ (также по Гопфу, стр. 160—161) и, наконецъ, переходитъ къ болгарскому возстанію, поводъ къ которому, какъ полагаетъ Гопфъ (стр. 167), подала новая тяжелая подать, наложенная по случаю бракосочетанія Исаака съ Маргаритою, дочерью Бела III, хотя современный византійскій лѣтописецъ, Никита Хонскій (стр. 482 по Вониск. изд.) говоритъ, что Болгаре возстали по причинѣ насилій и вымогательствъ вообще со стороны Византійцевъ. Царствованіе Асѣня I изложено кратко, большею частію по Гопфу (стр. 167—168) и по нашимъ лекціямъ о Болгаріи въ концѣ XII и въ первой половинѣ XIII вѣка (Изв. Варш. Унив. 1872, № 3). Сравнительно со своими предшественниками, г. Иречекъ воспользовался только однимъ новымъ источникомъ—Анцбергомъ (*Fontes rerum Austriacarum*, t. V): изъ него онъ извлекъ любопытное извѣстіе о посольствѣ Петра, царя Болгарскаго, къ Фридриху Барбароссѣ, проходившему въ 1189 году съ крестопосцами черезъ Балканскій полуостровъ; это извѣстіе заслуживаетъ вниманія еще потому, что въ немъ говорится о посольствѣ одного только Петра, называемаго Греческимъ императоромъ (*imperator Graeciae*) и спокойно жившаго въ Ирѣславѣ, тогда какъ братъ его, Асѣнь I, велъ кровопролитныя войны съ Византіей, которую приводилъ въ трепеть

своими постоянными побѣдами. Объ отношеніяхъ Болгаръ къ крестоносцамъ, прожившимъ цѣлую зиму во Фракіи, какъ въ землѣ завоеванной, желательно было бы имѣть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія: извѣстно, что Болгаре не одинъ разъ, а два раза отправляли посольство къ Фридриху Барбароссѣ, въ 1189 и 1190 г., и что въ то же время, какъ Петръ предлагалъ 40,000 вспомогательнаго войска для завоеванія Константинополя, Степанъ Неманъ (въ декабрѣ 1189 г.) обѣщалъ Фридриху 20,000 Сербовъ. У Никиты Хонскаго, довольно подробно описавшаго проходъ крестоносцевъ черезъ византійскія владѣнія (стр. 525—539), есть одно любопытное извѣстіе, которое должно быть подвергнуто критическому разбору: „Вступивъ въ Филиппополь, (Фридрихъ Барбаросса) нашелъ городъ почти опустѣвшимъ ибо въ немъ остались только такіе бѣдняки, все имущество которыхъ состояло въ одной одеждѣ, покрывавшей ихъ тѣло, да Армяне (Арменіои); эти послѣдніе одни изъ всѣхъ жителей проходъ Нѣмцевъ (Αλαμνοι) считали не вражескимъ вторженіемъ, а пришествіемъ друзей, потому что Нѣмцы находятся въ сношеніяхъ съ Армянами и сходятся съ ними въ большей части догматовъ вѣры: такъ у Армянъ и Нѣмцевъ одинаково воспрещается поклоненіе иконамъ, и тѣ и другіе при богослуженіи употребляютъ опрѣсноки (αζωμοις) и соблюдаютъ еще кое-что, отвергаемое православными, какъ ересь“ (стр. 527). Если сравнить эти слова Никиты Хонскаго съ извѣстіями Вилльгардуэна (De la conquete de Constantinoble. Ed. P. Paris, CLIV, 132), что навликіане, составлявшіе большинство жителей Филиппополя (Пловдива), передались Болгарскому царю Іоанну I (Калояну, 1205 г.),—Анны Комниной (Alexiades lib. XIV, p. 450, ed. Paris) о богомилахъ въ этомъ городѣ въ концѣ XI вѣка, и Рейперіо Сакопи (Contra Waldenses, у Рачкаго: Rad VII, 162) о богомильской церкви тамъ же въ первой половинѣ XIII столѣтія,—если припомнить при этомъ, какъ сильно распространилась богомильская ересь въ XI—XII вѣкахъ по Балканскому полуострову и Западной Европѣ (въ Германіи она извѣстна съ первой половины XII вѣка), то можно принять за весьма вѣроятное, что у Никиты Хонскаго разумѣются не простыя армянскіе купцы (die armenischen Kaufleute), какъ полагаетъ Гопфъ (стр. 168), а богомилы, называвшіеся чаще навликіанами (навликіанская ересь, какъ извѣстно, армянскаго происхожденія). Принималъ въ такомъ смыслѣ слова Никиты Хонскаго, мы поймемъ, о какихъ это сношеніяхъ Филиппопольцевъ съ Нѣмцами, о какомъ сходствѣ въ догматахъ вѣры онъ говоритъ; поймемъ также, почему такъ дружественно

относились они къ Пѣмцамъ въ то время, какъ Греки смотрѣли на нихъ, какъ на своихъ враговъ: извѣстно, что не только поддерживались сношенія восточныхъ богомиловъ съ западными (патаренами, альбигойцами, каварами), но что въ началѣ XIII столѣтія, когда Латины заняли Константинополь (1204 г.), послѣдовало обратное движеніе богомиловъ съ запада на востокъ (въ столицѣ Имперіи возникла латинская богомильская церковь рядомъ съ греческою, существовавшею съ половины XI вѣка); извѣстно также, что богомилы относились враждебно къ византійскому правительству, что они слѣдовали народной болгарско-сербской политикѣ.

Есть еще одно свѣдѣніе у г. Иречка, по видимому—новое: это—о поставленіи въ 1186 году Василія архіепископомъ Терновскимъ, независимымъ отъ Константинопольскаго патриарха; но оно уже было прежде сообщено г. Голубицкимъ (стр. 78, 82).

На стр. 230—234 по пѣмецкому изданію (195—198 по чешскому, 217—220 по русскому переводу) изложено правленіе Калояна или Юанна I до 1204 года: это отчасти перифразъ, отчасти извлеченіе изъ вышепомянутыхъ нашихъ лекцій, съ нѣкоторою переменною порядка изложенія (230 стр. соотвѣтствуетъ 7—9 у насъ, 231=10—15 (о Стрѣзѣ) и 9, 15—16 (о Иванкѣ), 232=16—17, 233—234=18—22). Отъ себя г. Иречекъ прибавилъ: 1) о перенесеніи мощей изъ ограбленныхъ Болгарами византійскихъ городовъ (по болгарскимъ житіямъ, нѣсколько строкъ) и 2) прозвище Стрѣза или Хриза Добромиръ (по Никитѣ Хонскому: Sathas, Bibl. Graeca, vol. I, 1872, p. 90).

Глава XV—правленіе Калояна и Бориса—изложено также большею частію по нашимъ лекціямъ, съ переменною порядка (стр. 236—237 о сношеніяхъ Калояна съ императоромъ Балдуиномъ соотвѣтствуютъ у насъ стр. 32—35, стр. 237 о сношеніяхъ его съ папой Иннокентіемъ III=22—25, стр. 238—239 о войнахъ его съ Балдуиномъ=35—39, 42, стр. 239—243=40—48, стр. 243—247=50—53, 12—15=58—61). Дополненія сдѣланы по Гонфу (нѣкоторыя подробности о войнахъ съ Латинами, о Стрѣзѣ и Славѣ, о смерти Балдуна и Калояна) и отчасти по Голубицкому (о сношеніяхъ Калояна съ папою) и Рачкому (о богомилахъ). Эти дополненія не имѣютъ никакой важности; сказку Альберика о любви жены Калояна къ плѣнному Балдуину (у Гонфа стр. 217) можно было бъ и не приводить; о Славѣ же можно бы заимствовать болѣе подробностей у Гонфа (стр. 220—221, 245). Отъ себя г. Иречекъ прибавилъ только четыре строки о походѣ Бориса въ Сербію (стр. 247) на основаніи Жигія св. Си-

меона, написаннаго сыномъ его, Степаномъ Первовѣнчаннымъ, и по стольку же строкъ о Калоянѣ и Славѣ (стр. 243) на основаніи Захаріева (Описаніе на Татаръ-Паворджишкѣтъ каазѣ, стр. 60) и Раковскаго (Асѣнь, стр. 51). Новыхъ источниковъ у автора не было; Робертомъ Клари онъ пользуется, какъ уже выше было замѣчено, по дурному загребскому изданію, а на русскія лѣтописи вовсе не обратилъ вниманія, хотя могъ изъ Гоцфа знать, что въ нихъ есть свѣдѣнія о Калоянѣ и Стрѣзѣ. Вообще мы не можемъ согласиться съ отзывомъ г. Дрипова (стр. 222): „Шд-пълю е описано царувањето на тѣнкій дипломатъ и храбръ войнѣ Кало-Иоаннѣ“. Отъ полноты очень далеко даже сравнительно съ трудами предшественниковъ, а характеристики Калояна вовсе нѣтъ, точно также какъ и другихъ Болгарскихъ царей. За то есть ошибки: 1) Великою Влахіей (ἡ μεγάλη Βλαχία, la grande Blaquie) называлась не Болгарія, какъ полагаютъ г. Иречекъ (стр. 244), а часть Тессалии (das thessalische Hochland, Норф, 165), имѣвшая своихъ удѣльныхъ князей, Болгарія же называлась Бѣлою Влахіей въ отличіе отъ Черной (Молдавіи); 2) императоръ Генрихъ былъ женатъ не на дочери, какъ говоритъ Клари, а на двоюродной сестрѣ Бориса (Marie, cousine de Boris: Норф, Chron. Gteso-Rom., p. 84); относитъ ихъ бракосочетаніе къ 1213 году нѣтъ достаточныхъ основаній: мы можемъ утверждать только, что не позже этого года оно совершилось, такъ какъ въ началѣ слѣдующаго она давала привилегіи, какъ правительница (Норф, Gesch. Griech., 246); если же принять въ соображеніе, что Борисъ былъ ослѣвленъ въ 1218 году (по Терновской надписи 1230 года), что Асѣнь II осаждалъ его въ Терновѣ цѣлыхъ семь лѣтъ, и что въ послѣдній разъ онъ воевалъ съ Латинами въ 1211 году, то прійдется отпести бракосочетаніе Генриха съ Маріей къ этому именно году. Оставляя въ сторонѣ нѣкоторые незначительные промахи, замѣтимъ только, что договоръ Балдуина II съ Іерусалимскимъ королемъ Іоанномъ де-Бріанъ 1228 года, былъ въ первый разъ изданъ нами (Болгарія въ концѣ XII и въ первой половинѣ XIII вѣка, стр. 58—59), и притомъ вѣрнѣе, чѣмъ Любичемъ (Monum. spect. hist. Slav. merid., III, 401—403), у котораго встрѣчаемъ пропуски, невѣрныя чтенія и неправильную разстановку знаковъ пресинанія ¹⁾; замѣтимъ также, что

¹⁾ Пользуемся этимъ случаемъ, чтобъ исправить важнѣйшія ошибки и дополнить пропуски въ изданіи Любича: на стр. 401, строка 3 см. послѣ *imperator* пропущено *et erit imperator*, стр. 402, строка 1 см. *tencentis* читай *tenntis*, 21 см.

недавно вышло сочиненіе извѣстнаго нѣмецкаго ученаго Лудвига Штрейта: *Venedig und die Wendung des vierten Kreuzzuges gegen Konstantinopel* (Anklam, 1877), въ которомъ авторъ, между прочимъ касается и отношеній Волгарь и Сербовъ къ крестоносцамъ.

Въ XVI-й главѣ описывается царствованіе Іоанна Асѣня II. „Съ особенною любовью г. Иречекъ распространился о царствованіи І. Асѣня II“, говоритъ г. Дриновъ (стр. 222). Замѣтимъ прежде всего, что на это г. Иречекъ употребилъ всего 14 страницъ, изъ коихъ 6 посвящено описанію столицы Болгаріи, Трнова; слѣдовательно, на исторію правленія Асѣня II остается только 8 страницъ,—сравнительно очень немного для такой эпохи, которую онъ называетъ не совсѣмъ впрочемъ вѣрно: „die grösste Blüthe des Bulgarenreiches“, *Největáí rozkvět tíše bulharské*“, что, по нашему мнѣнію, можно сказать только о времени царствованія Симеона. На этихъ 8 страницахъ едва ли найдется нѣсколько строкъ (о щедрости Асѣня II къ церквамъ и монастырямъ), принадлежащихъ собственно г. Иречку; содержаніе же всѣхъ этихъ страницъ заимствовано преимущественно изъ нашихъ лекцій (стр. 248=66, 249=55, 58, 250=54, 251=55 — 56, конецъ 257 и начало 258 = 55, 258 — 9 = 63, 61, 260=62), а дополненія сдѣланы по Гопфу, Рёслеру (на стр. 260), и вѣроятно, Энгелю, котораго, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ подъ руками. Что касается описанія Трнова (стр. 252—257), отъ котораго Болгаре могутъ приходиться въ восторгъ (см. у Дринова, стр. 223), то мѣсто ему не въ этой главѣ, а въ XXV-й, гдѣ описывается внутренняя исторія Волгаріи въ XII-мъ—XV-мъ вѣкахъ: иначе слѣдовало бы при описаніи cadaго царствованія, на сколько это возможно, сообщать свѣдѣнія не только о внѣшнихъ событіяхъ, по и о внутреннемъ состояніи Болгарскаго царства, чего авторъ не дѣлаетъ.

Съ XVII-й главы начинается описаніе упадка и паденія Болгарскаго царства. „Съ особеннымъ стараніемъ“, говоритъ г. Дриновъ (стр. 223),—„разсмотрѣна и разъяснена совсѣмъ темная до сихъ поръ исторія сыновей Іоанна Асѣня и ихъ пресемниковъ, при которыхъ началось и окончилось паденіе втораго Болгарскаго царства“. Посмотримъ, на сколько вѣренъ отзывъ г. харьковскаго профессора.

послѣ *omnes* пропущено *homines*, 17 *vm. tercia* читай *terra*, 6 *vm. istud conditiois interposito* читай *ista conditioe interposita*, стр. 403, стр. 1 послѣ *Sancta* пропущено *Evangelia*, 3 *vm. ecclesiarum* читай *aliorum*. Въ нашемъ изданіи, печатавшемся во время нашего отсутствія, есть опечатки и ошибки, которыя каждый легко самъ исправить.

Въ XVII-й главѣ изложено правленіе сыновей Асѣня II, Коломана I и Михаила Асѣня. Описанію правленія перваго изъ нихъ посвящено всего 12 строкъ: у Палаузова (Ростиславъ Михайловичъ, князь Мачвы, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1851, ч. LXXI, стр. 75) оно описано на цѣлой страницѣ. Свѣдѣнія, сообщаемыя г. Иречкомъ о Коломанѣ I, слѣдуетъ исправить и пополнить такимъ образомъ:

1) При сбывчивости лѣтосчисления у Византійцевъ нельзя принять ихъ показаніе, что Коломанъ вступилъ на престолъ на 9-мъ году отъ роду; гораздо правдоподобнѣе извѣстія западныхъ лѣтописцевъ, по которымъ ему былъ въ то время 14-й годъ (Палаузовъ, 1. с.). 2) Союзъ съ Ватаци возобновилъ верховный совѣтъ, а не опекуны Коломана (тамъ же). 3) Г. Иречекъ мимоходомъ только упоминаетъ о возвращеніи Татаръ въ Россію черезъ Болгарію, между тѣмъ какъ извѣстно, что Татары были въ Болгаріи два раза: первый разъ, въ 1241 году, они вторглись въ Угорское королевство черезъ Валахію, Трансильванію и Болгарію, какъ видно изъ письма Бела IV къ папѣ Иннокентію IV (Theiner, Monum. hist. Hung. t. I, p. 231); во второй разъ, послѣ пораженія на Гробничскомъ полѣ у рѣки (Fiinne) въ 1242 году, татарскій ханъ Кадигъ черезъ Босну и Сербію вторгся въ Болгарію, гдѣ соединился съ Батнею и вмѣстѣ съ нимъ папалъ на Балдуина II; разбивъ его, Татары опустошили всю страну, оставивъ въ покоѣ только укрѣпленные города (Кукучевиѣ, *Ворба Првата с Монголи і Татари*, стр. 10, 40, 42, 45). 4) Также мимоходомъ г. Иречекъ упоминаетъ о попыткѣ папы Иннокентія IV къ соединенію Болгаріи съ римско-католическою церковью. Объ этомъ у Палаузова читаемъ: „Въ 1244 году начались переговоры между болгарскимъ правительствомъ и Иннокентіемъ IV о соединеніи церковей. Папа 1245 г. особою грамотой приглашалъ Коломана къ созванію собора и въ этой грамотѣ именуетъ его царемъ Болгаріи. Но смерть послѣдняго прекратила сношенія съ Римомъ“. 5) Коломанъ былъ отравленъ братомъ своимъ, Михаиломъ (Horf, 259). О завоеваніи императоромъ Ватаци (1245 — 1246 гг.) болгарскихъ земель во Фракіи и Македоніи болѣе обстоятельныя свѣдѣнія сообщены Палаузовымъ (76—77). Срв. также у Гопфа.

Правленіе Михаила Асѣня изложено г. Иречкомъ на трехъ страницахъ, у Палаузова на 15 (76 — 93): если изъ этихъ трехъ страницъ исключить одну, на которой говорится объ отношеніяхъ Болгаръ къ Сербамъ и Уграмъ, о чемъ Палаузовъ не упоминаетъ, то

пропорція еще болѣе уменьшится (2 : 15). Съ этой страницы мы начнемъ разборъ повѣствованія г. Иречка.

Онъ не говоритъ о причинѣ столкновенія Дубровчанъ съ Сербскимъ кралемъ Степаномъ Урошемъ I, — столкновенія, вызвавшаго союзъ ихъ съ Михаиломъ Асѣнемъ; не говоритъ, потому что не нашелъ объ этомъ свѣдѣній у графа Медо Пуцича въ его *Poviestnica Dubrovnicā*, и въ этомъ виноватъ Пуцичъ, издавшій неудачное сокращеніе Исторіи Дубровника Джона Растича (*Chroniche di Ragusa*, *opera di Giugno Resti*, *Senatore di Ragusa*), къ сожалѣнію, до сихъ поръ не изданной. Пуцичъ говоритъ, что Сербскій король безъ всякой причины (*bez jednog uzoka*) сталъ воспрепятствовать Дубровчанамъ распространять укрѣпленія ихъ города, между тѣмъ какъ Растичъ прямо указываетъ на пограничныя ссоры и столкновенія, какъ на причину неудовольствія Степана Уроша I на Дубровчанъ. Дубровчане обратились къ Венеціи съ просьбой о посредничествѣ между ними и Сербскимъ кралемъ, и венеціанское правительство поручило Марсилію Джорджи (*Giorgi*), только что назначенному графомъ Дубровника, отправиться къ Урошу для личныхъ объясненій и увѣщаній; но Джорджи опасался предпринять путешествіе въ Сербію, и Дубровчане были вынуждены отправить отъ себя посольство къ Урошу. Ихъ посольство состояло изъ трехъ лицъ, Теодора Бодачи (*Teodoro Bodaza*), Петра Дюдата (*Pietro di Giugno di Bogdan Diodati*) и доминиканца Андреа: имъ было поручено, въ случаѣ неудачи переговоровъ, возмутить противъ Уроша наиболѣе вліятельныхъ владѣтелей и гражданъ. Это было въ 1252 году. Посольство не имѣло никакого успѣха. Въ слѣдующемъ году Урошъ послалъ въ Дубровникъ своего протонестіара, по вѣче не соглашалось ни на какія уступки, и тогда Сербскій король объявилъ, что отнынѣ онъ будетъ врагомъ Дубровника, и запретилъ дубровницкимъ купцамъ торговать въ его владѣніяхъ. Вслѣдъ затѣмъ началась война, продолжавшаяся цѣлый годъ. Тогда-то, не будучи болѣе въ состояніи продолжать войну, Дубровчане заключили наступательный и оборонительный союзъ съ Михаиломъ, царемъ Болгарскимъ, противъ Степана Уроша и брата его, Владислава (*percioché non potendo la Republica più soportare tanti incomodi di guerra, ne star in continuo all'armi, procurò con Michele Imperatore de Bulgari stabilir quell'amicizia, che era stata fra essa e Giovanni suo padre, et unirsi in confederazione con questo Principe contro Stefano Orossio e li suoi aderenti; pertanto fu conclusa una lega offensiva e difensiva Pistesso anno (1253) contro d'esso e Vladislavo suo fratello.*—*Chroniche*

di Ragusa, ркп. францисканск. библиот. въ Дубровникѣ № 243, стр. 113—116).

Условія договора Дубровчанъ съ Михаиломъ Асѣнемъ, обстоятельно изложенныя еще въ 1864 году г. Любичемъ (*Ogledalo poviesti Jugoslav.* 287—288), переданы г. Иречкомъ не точно и съ важными пропусками. Изъ текста, напечатаннаго Миклошичемъ (*Monumenta Serbica*, № XLI), видно, что Болгарскій царь замышлялъ испѣднѣти Уроша и съ сръпске земле и брата его Владислава и родъ ихъ, — что Дубровчане черезъ двѣ недѣли по выступленіи его въ походъ должны была напасть на сербскіе приморскіе города, и въ случаѣ ихъ завоеванія, отдать ихъ въ руки Болгаръ,—что какъ подданные Михаила Асѣня и зятя его севастократора Петра могли свободно и безпошлинно торговать въ Дубровникѣ и вывозить изъ него золото, серебро, свинецъ и златныя ноставѣ, и все, что имъ понадобится, кромѣ пшеницы, которую было нельзя вывозить безъ особаго разрѣшенія дубровницкаго правительства, такъ и Дубровчане могли пользоваться тѣми же самыми льготами во владѣніяхъ Михаила Асѣня и зятя его севастократора Петра и т. п.

Степанъ Урошъ былъ такъ напуганъ этимъ союзомъ Дубровчанъ съ Болгарскимъ царемъ, что немедленно отправилъ къ нимъ пословъ съ грамотою, подтверждающею прежнія ихъ торговыя льготы; но Дубровчане, не довѣряя искренности Сербскаго короля, заключили противъ него союзъ съ сосѣднимъ княземъ Холмскимъ Радославомъ и съ его властелями (1254 г.), въ числѣ которыхъ находился Болгарякъ Симоуъ (*Scimus Bulgar*). Тогда Урошъ далъ зпачь Дубровчанамъ, что онъ желалъ бы, чтобъ они прислали къ нему пословъ для разрѣшенія всѣхъ недоразумѣній, и они, видя что Болгаре не думаютъ о походѣ въ Сербію, отправили къ нему сначала фратровъ Андрея и Соломона, которымъ было поручено развѣдать, дѣйствительно ли король питаетъ къ нимъ дружественныя чувства, а потомъ прежнихъ пословъ—Бодачу и Діодати. Эти послы рѣшили покопчить всѣ распри станкомъ (*pervia di stanico*) ¹⁾, а король подтвердилъ всѣ

¹⁾ Объ установленіи этого станка (*stanicum, parlamentum*) для рѣшенія пограничныхъ споровъ между подданными Уроша и Дубровчанами въ 1254 году не знаетъ профессоръ Ягичъ (*Stanak — Stanicum nach dem Rechtsstatute der Republik Ragusa vom Jahre 1272*). Объ этомъ Растичъ выражается такъ: «*trovandosi li Ragusei aver coltivato alcun terreno dRe over occupato le sue giurisdizioni, e cio fosse giuridicamente provato, che quello fosse di Ragusei, si a loro dovendosi fare sopra ciò il stanico stia l'accomesso del Re a Ragusa*».

прежнія льготы Дубровчанъ, особенно же дарованныя имъ въ 1243 году (тамъ же, стр. 116—117).

О зятѣ Михаила Асѣня, севастократорѣ Петрѣ, упоминаемомъ въ договорѣ 1253 года, г. Иречекъ умалчиваетъ.

Описанію войны Михаила Асѣня съ Θεодоромъ II Ласкари (1256—1258 гг.) г. Иречекъ посвящаетъ только полстраницы, у Палаузова же она описана на 14 страницахъ (79—92), изъ коихъ 12 заняты точнымъ переводомъ современнаго сказанія Акрополиты съ необходимыми объясненіями. Изъ статьи этой мы узнаемъ много важныхъ подробностей, о которыхъ слѣдовало бы упомянуть въ Исторіи Болгаръ: такъ наприимѣръ, онъ говоритъ (стр. 79), что „до 1255 года Верховный Совѣтъ Терповскихъ бояръ тайно приготовлялъ волненіе въ отнятыхъ Ватаци у Болгаръ городахъ Θракии и Македоніи, заключавшихъ населеніе исключительно Болгарское“ и т. п.

Г. Иречекъ говоритъ, что весною 1257 года (слѣдовало бы сказать 1258) Сербскій король Степанъ Урошъ I, тестъ Болгарскаго царя, принялъ на себя посредничество въ примиреніи Михаила Асѣня съ Θεодоромъ II Ласкари. Какъ естественно ожидать отъ молодаго чешскаго ученаго, г. Иречекъ не только принимаетъ, но и защищаетъ мнѣніе своего знаменитаго земляка, Палацкаго, высказанное имъ еще въ 1841 году (O Ruském knížeti Rostislavovi a rodu jeho, перепечатано въ Radhost, díl II: подъ 'Рососъ' Уросъ у Акрополиты разумѣется Урошъ, а не Ростиславъ Михайловичъ, банъ Мачвы (въ нынѣшней Сербіи, съ столицею Вѣлградомъ), какъ полагали Феслеръ, Энгель и Палаузовъ. Неосновательность (die Grundlosigkeit) ихъ мнѣнія, по словамъ, г. Иречка доказали Палацкій и Голубинскій (стр. 219). Что касается сомнѣній Палацкаго, то онѣ устранены Палаузовымъ (стр. 78—79, 94); возраженія же Голубинскаго суть повтореніе словъ Палацкаго о невозможности по церковнымъ правиламъ перекрестныхъ браковъ: на это позволимъ себѣ замѣтить, что въ средніе вѣка едва ли обращали много вниманія на церковныя правила, когда дѣло шло о царскомъ вѣнцѣ. Мнѣнію Палацкаго и его сторонниковъ противорѣчитъ то, что въ чешскихъ лѣтописяхъ Ростиславъ Михайловичъ называется *dux Bulgarorum*: объясненіе Палацкаго (Radhost, II, 272), что подъ *Bulgari* слѣдуетъ разумѣть православныхъ, не вѣрно; Ростиславъ называется *dux Bulgarorum*, потому что онъ привелъ изъ Болгаріи отрядъ войска на помощь тестю своему Белъ IV противъ Чешскаго короля Премисла Оттокара II (Палаузовъ, стр. 94, прим. 48).

Признавъ Степана Уроша I тестемъ Михаила Асѣня, г. Иречекъ

долженъ былъ повторить свою ошибку въ разказѣ объ узурпаторѣ Коломанѣ II, насильственно обвинявшемся съ вдовой убитаго имъ Михаила: такъ какъ тестемъ Михаила Асѣня былъ не Урошъ, а Ростиславъ Михайловичъ, то на выручку своей дочери послѣдшій въ Трново съ отрядомъ войска не Сербскій краль, а банъ Мачвы (Палаузовъ, 93—94).

Свѣдѣнія о войнѣ Ватаци съ Эпирскимъ деспотомъ Михаиломъ II и о занятіи Византіяцами болгарскаго города при Черномъ морѣ, Мессомврія, заимствованы у Гонфа (стр. 259—260). Самостоятельный трудъ г. Иречка, и то не павѣрное, ограничивается во всей главѣ едва шестью строками—о нападеніяхъ Болгаръ на пограничныя Угорскія области при Белѣ IV (стр. 265).

Въ XVIII-й главѣ, на 16 страницахъ, излагается исторія Болгаріи съ 1258 по 1294 годъ. Слѣдуя современному византійскому лѣтописцу Георгію Акрополитѣ (гл. 73), г. Иречекъ говоритъ, что по смерти Коломана II бояре избрали царемъ Серба Константина, сына Тиха и внука Степана Нѣмани. Показанію Акрополиты противорѣчатъ извѣстія двухъ болѣе позднихъ Византійцевъ, Пахимера и Григоры. Первый изъ нихъ (*De Michaela Paleologo lib. V, cap. 5, p. 349, ed. Bonn.*) говоритъ, что Михаилу Асѣню наследовалъ Мича (*Μιχαήλ*), его зять (онъ былъ жепать на его дочери, (слѣдуетъ: сестрѣ), сестра которой была за Θεодоромъ Ласкари), но что онъ не умѣлъ расположить къ себѣ бояръ, которые возстали противъ него подъ предводительствомъ Константина, полу-Серба: не находясь въ родствѣ съ Асѣнемъ, онъ не имѣлъ правъ на престолъ, и для пріобрѣтенія таковыхъ; женился на Иригѣ, дочери Θεодора Ласкари и внучкѣ Асѣня II тѣмъ онъ пріобрѣлъ такія же права на престолонаслѣдіе, какія имѣлъ Мича, и тогда, имѣя въ своихъ рукахъ Трново, не задумался провозгласить себя царемъ. Другой Византіецъ, Григоръ (*Hist. Byzant., lib. III, cap. 2, pp. 60—1, ed. Bonn. vol. I*) разказываетъ еще обстоятельнѣе о государствепномъ переворотѣ, произведенномъ въ Болгаріи Константиномъ Тихомъ: по смерти Михаила Асѣня не осталось дѣтей, которые наследовали бъ его престолъ, а потому верховная власть по необходимости перешла къ Мичѣ, жепатому на его сестрѣ; но его изнѣженный и женственныи характеръ заслужилъ ему презрѣніе и ненависть въ народѣ, чѣмъ воспользовался знаменитый въ то время въ Болгаріи мужъ, по имени Константицъ, по прозвищу Тихъ (*Τίχος*), превосходившій другихъ умомъ и физическою силою: видя, что Болгарія дурно управляется, онъ открыто возсталъ, склонивъ на свою

сторону народъ и знатнѣйшихъ бояръ; съ общаго согласія онъ былъ превозглашенъ царемъ и занялъ Трново, откуда Мича съ семействомъ бѣжалъ въ Месемврію; но такъ какъ по рожденію онъ не имѣлъ никакихъ правъ на болгарскій престолъ, то отправилъ къ императору посольство съ просьбою выдать за него дочь его, внучку Асѣня: желаніе его было исполнено, и чрезъ этотъ бракъ онъ получилъ законныя права на престолъ. Изъ разказа обоихъ Византійцевъ ясно видно, что по смерти Коломана II болгарскій престолъ занялъ Мича, и что Константинъ Тихъ, воспользовавшись общимъ на него неудовольствіемъ, организовалъ возстаніе, изгналъ его изъ столицы и захватилъ верховную власть въ свои руки; а чтобы пріобрѣсти права на болгарскій престолъ, женился на Иринѣ, дочери Оеодора II Ласкари, внука Іоанна Асѣня II. Мы предпочитаемъ разказъ Пахимеры и Григоры показанію Акрополиты, умалчивающаго о Мичѣ, быть можетъ, вслѣдствіе неприятнаго приключенія съ нимъ по поводу пріѣзда въ Константинополь его отца ¹⁾ по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) Ростиславъ Михайловичъ, находившійся съ войскомъ подъ стѣнами Трнова, когда былъ убитъ Коломанъ II, не могъ позволить, чтобы на упразднившійся болгарскій престолъ былъ избранъ кто-либо другой, помимо его сына Михаила (Мича уменьшительное), законнаго наслѣдника. 2) Угорскій король Бела IV, тестъ Ростислава Михайловича въ 1262 или 1263 г. отправилъ въ Болгарію войско подъ начальствомъ сына своего, Стефана, *in subsidium Michaelis ducis*, и оно осаждало Трново: этотъ *dux Michael*, называющійся въ грамотахъ королевича Стефана *carissimus frater noster*, есть, конечно, не кто иной, какъ Михаилъ Ростиславичъ, изгнанный изъ Трнова Тихомъ (Палаузовъ, 97—98). 3) Нѣкоторыя выраженія въ разказѣ Пахимера (*lib. VI, cap. 4—5, pp. 436—439*) о стараніяхъ Византійскаго двора посадить на болгарскій престолъ (по смерти Тиха, въ правленіе Бръдоквеника, около 1280 года) Іоанна, сына Мичи, подтверждаютъ вышесприведенныя показанія какъ его самаго, такъ и Григоры: въ одномъ мѣстѣ (стр. 436) онъ говоритъ, что Болгаре должны помнить, что ему (Іоанну) принадлежитъ Болгарское царство по отцу (Мичѣ), а въ другомъ (стр. 439) называетъ его внукомъ Асѣня и Іоанномъ Асѣнемъ (стр. 441); слѣдовательно, отецъ его, Мича, дѣйствительно былъ Болгарскимъ ца-

¹⁾ По собственнымъ его словамъ (гл. 62), онъ былъ побитъ палками за то что увѣрялъ императора въ тожественности пріѣзжавшаго въ Константинополь болгарскаго посла съ Ростиславомъ Михайловичемъ.

ремъ и былъ женатъ на сестрѣ Михаила Асѣня, по которой Іоаннъ Михайловичъ приходился внукомъ Іоанну II Асѣню.

Это показаніе Пахимера, описывающаго, какъ современникъ и человекъ, близко знающій дѣло, услія Византійскаго двора утвердить на болгарскомъ престолѣ Іоанна Михайловича, имѣетъ для насъ первостепенную важность: еслибы не было другихъ показаній и соображеній, то его одного было бы достаточно, чтобъ убѣдиться въ ошибочности мнѣнія Палацкаго, Голубинскаго и Иречка и признать основательность мнѣнія Палаузова (стр. 94 и слѣд.). Поэтому г. Иречку слѣдуетъ передѣлать начало XVIII-й главы и изъ 3-го примѣчанія на стр. 270 выбросить слѣдующій несправедливый отзывъ о Палаузовѣ: „Palauzow in seinem „Rostislav Mačevski“ hat durch Verschmelzung aller drei Berichte (Акрополиты, Пахимера и Григоры) arge Verwirrung angerichtet“ (въ чешскомъ изданіи этого вѣтъ).

Что касается родства Константина Тиха съ Неманею, то г. Иречекъ, кажется, первый указалъ на него: въ грамотѣ, напечатанной Шафарикомъ (Památky dějvnoho písemnictví Jihoslovanský, Vyd. 2, Listiny, str. 23) дѣйствительно Константинъ называетъ свѣтаго Симеона Неманѣ— „дѣдомъ царьствами“, а въ написи въ Боянской церкви близъ Срѣдца (Софіи) Севастократоръ Калоянъ называется племянникомъ царя Константина Асѣня, внука Немани (Взъдвигесѣ и създа сѣ... храмъ св... Никола... трудомъ и любовиѣ... Калоянѣ севастократора братѣ члѣда царева, внѣкъ свѣтаго Стефана кралѣ Србскаго... при цари Констандинѣ Асѣни. Гласникѣ, VII, 180—190). О Болгоской написи упоминалъ уже Любичъ (Ogled. povistn. Jugoslav. str. 289), но онъ ошибочно относилъ слова: „внѣкъ св. Стефана“ къ севастократору Калояну, основываясь на грамматической формѣ (внѣкъ вм. внѣка); за то онъ поправилъ 1255 годъ (изданія Шафарика) на 1264, на основаніи индикта, и мы должны принять его поправку, такъ какъ въ 1255 году Болгарскимъ царемъ былъ не Константинъ, а Михаилъ.

О войнѣ Византійцевъ съ Эпирскимъ деспотомъ Михаиломъ II и объ изгнаніи Балдуина II изъ Константинополя г. Иречекъ разсказываетъ по Гоцфу (стр. 260 и слѣд., 280 и слѣд.).

Изъ разказа г. Иречка о походахъ угорскаго королевича Степана въ Болгарію и противъ Михаила Палеолога можно было бы заключать, что эти походы предпринимались съ цѣлью наказать Болгаръ за нарушеніе границъ Угорскаго королевства; но еслибы такова въ дѣйствительности была цѣль Степана, то едва ли онъ углублялся бы такъ далеко въ Болгарію и переходилъ даже ея границы съ Визан-

тѣй, мстя за что-то Михаилу Палеологу: ни уже выше замѣтили, что Степанъ приходилъ въ Болгарію на помощь Мичѣ; походъ же его противъ Михаила Палеолога можетъ быть объясненъ тѣмъ, что Византійскій императоръ, вмѣсто обѣщанной помощи, занялъ Месемврію и Анхіалъ и поселилъ Мичу въ Малой Азіи. Г. Иречекъ, устранивъ совершенно Мичу, лишилъ свой разказъ не только полноты, но и ясности: только близкими родственными отношеніями Степана къ Мичѣ можно, по нашему мнѣнію, объяснить угорскіе походы (1260—1268 г.) въ Болгарію и Византію, завоеваніе значительной части Болгаріи (Thugóczy с. 77, Катона 6,498) и принятіе Степаномъ титула Болгарскаго царя. Мало того, г. Иречекъ допустилъ даже очевидную для себя самую ошибку, говоря, что Византійцы отняли у Константина Тиха важныя гавани Месемврію и Анхіалъ, между тѣмъ какъ Пахимерь (I, 349—350), на котораго тутъ же онъ ссылается, разказываетъ, что оба эти города были добровольно сданы Мичею Михаилу Палеологу (1265 г.), обѣщавшему возвратить ему болгарскій престолъ.

Говоря о болгарскихъ завоеваніяхъ во Фракіи и Македоніи, г. Иречекъ ссылается на хрисовулъ Константина Тиха въ Вирпенскомъ монастырѣ; но въ этомъ хрисовулѣ нѣтъ никакихъ на это указаній.

О подчиненіи Албаніи Карлу I Анжуйскому сообщаются свѣдѣнія петочныя и не совсѣмъ вѣрныя, какъ видно изъ сравненія съ данными, заимствованными нами изъ анжуйскихъ регистровъ Неаполитанскаго архива (Истор. разыск. о Слав. въ Албаніи стр. 20—30); о сношеніяхъ же Карла съ Болгарами и Сербамъ авторъ говоритъ на основаніи нашихъ Неаполитанскаго отчета и Исслѣдованія о Славянахъ въ Албаніи въ средніе вѣка, которыми воспользовался, къ сожалѣнію, небрежно, при чемъ ошибочно замѣчаетъ, что съ Сербіей въ это время велись болѣе оживленные переговоры, чѣмъ съ Болгаріей: слѣдовало бы сказать, что сношенія съ послѣднею прервались годомъ раньше (1273).

О сношеніяхъ Константина Тиха съ Неаполитанскимъ королемъ имѣются четыре памятника въ анжуйскихъ регистрахъ. Въ первомъ изъ нихъ (1271 года) дѣлаются распоряженія о немедленной доставкѣ лошадей и провожатыхъ болгарскимъ, сербскимъ, албанскимъ и ахайскимъ посламъ въ случаѣ ихъ прибытія въ Неаполитанское королевство. Этотъ памятникъ былъ изданъ г. Дель-Джудиче въ 1863 году (Codice diplomatico del regno di Carlo I e II d'Angiò per Giuseppe del Giudice), но съ нѣкоторыми ошибками, а потому мы

пользуемся случаемъ, чтобы напечатать его въ поправленномъ видѣ: „Magistro parulano Apulie etc. Fidelitati tue etc. mandamus, quatenus si processum temporis aliquos ambassatores seu nuncios de partibus Achaye, Servie, Bulgarie, Albanie, aut de Imperio vel de Regno de Zagarach (Заропъе) deferentes aliquas litteras seu ambassarias a dominis ipsarum partium vel regnorum ad portus vel maritimas jurisdictionis tue declinare contingat eis nullum aliud super hoc mandatum nostrum expectans equitaturas et securum conductum pro ipsis et eorum familiis usque ad nostram presentiam sine difficultate qualibet exhibere procures. Recepturus etc. Datum Melfie XII Septembris, XV Indictionis anno domini 1271“.

Но ожидаемые болгарскіе послы прибыли только въ слѣдующемъ году, но всеї мѣрности, вespноу. Когда въ июнѣ они собирались возвратиться на родину, Карлъ отправилъ вмѣстѣ съ ними въ Болгарію своихъ пословъ, рыцарей Никотеру и Ивана Испанца. Объ этомъ говорится въ двухъ памятникахъ Неаполитанскаго архива, которыя сообщаемъ въ точныхъ спискахъ, сдѣланныхъ нами съ подлинниковъ: первый изъ нихъ былъ уже напечатанъ Дель-Джудиче (vol. I, pp. 220—221), но безъ обозначенія года, а второй еще не изданъ: „XXXVIII Junii (XV Indictionis a. d. 1272) Neapoli. Scriptum est Justitiario terre Bari. Karolus etc. Cum Giratium de Nicotera et Johannem dictum Yspanum, dilectos milites et fideles nostros una cum nunciis Magnifici Principis Imperatoris Bulgarorum pro quibusdam nostris negotiis ad ipsius Imperatoris presentiam destinemus, volumus et fidelitati tue precipiendo mandamus, quatenus statim receptis presentibus ad requisitionem ipsius Giracil et Johannis omni occasione, difficultate et excusatione remotis, vos unum sufficiens et competens, in quo tam nuncii nostri, quam Imperatoris predicti cum XXIV equitaturis usque Iadram vel Ragusium commode transfretare valcant, conducere studeas sine mora, ac provideas de necessariis victui ad transitum ipsum usque Ragusium vel Iadram pro personis et equis eorum de pecunia militie R. etc. et subventionis unius anni, vel de quacumque alia pecunia que est vel erit per manus tuas“. etc.

Изъ этого памятника видно, что послы болгарскіе и неаполитанскіе отправлялись изъ Бари въ Болгарію черезъ Дубровникъ или Задаръ, а такимъ образомъ ихъ путь лежалъ черезъ Сербскія земли. Пѣтъ сомнѣнія, что они по пути посѣтили дворъ Стенана Драгутина, такъ какъ вespноу слѣдующаго года его послы прибыли въ Неаполь вмѣстѣ съ послами Константина Тиха.

Изъ другаго памятника, не изданнаго, видно, что оба посольства находились въ Неаполѣ еще въ началѣ іюля, и что одинъ изъ неаполитанскихъ пословъ, Никотера, былъ заслуженный рыцарь: „3. Julii XV Indictionis. Neapoli. Scriptum est Justiciario terre Bari, quod Giratio de Nicotera et Joanni dicto Ispani, militibus, qui ad Imperatoris Bulgarorum destinantur, pro expensis eorum de pecunia pro militia R. etc. exhibeat uncias auri septuaginta duas, et pro dono militie ipsius Giratii, quem idem Rex decoravit cingulo militare, exhibeat uncias XII“.

Объ этихъ посольствахъ г. Иречекъ не упоминаетъ, хотя могъ бы прочесть о нихъ на стр. 31—32 Историческихъ разысканій о Славянахъ въ Албаніи.

Весною слѣдующаго, 1273 года находимъ при Неаполитанскомъ дворѣ новое болгарское посольство, и на этотъ разъ вмѣстѣ съ послами Константина Тиха прибыли въ Неаполь послы Степана Драгутина. Когда они возвращались на родину, Карлъ I отправилъ съ ними въ Болгарію и Сербію своего посла рыцари Николая де-Сент-Омеръ, владѣтеля Оинъ. По этому случаю, онъ приказывалъ „Magistro portulano Apulie“ дозволить Сент-Омеру „extrahere de quocunque portu Apulie voluerit pro se suaque familia et nunciis illustrium Imperatoris Vulgarorum et Regis Servie sexaginta equitaturas et triginta salmas ordei absque jure exiture aliquo“. Этотъ указъ былъ подписанъ въ Фоджѣ (Fogge) 12-го мая 1273 г. (напечатанъ въ сборникѣ Дель-Джудиче, I, 220). Изъ вышешриведенныхъ словъ слѣдуетъ, что Неаполитанскимъ королемъ было дозволено болгарскимъ и сербскимъ посламъ вмѣстѣ съ сопровождавшимъ ихъ, Николасмъ де Сент-Омеромъ, вывезти изъ Апуліи безошлипно 60 лошадей и 30 салмъ овса для ихъ прокормленія; г. Иречекъ же ошибочно утверждаетъ, что „въ 1273 году прибыли въ Неаполь на 60 коняхъ сербскіе и болгарскіе послы“.

О Лионскомъ соборѣ и стараніяхъ Михаила Палеолога лишить самостоятельности Болгарскую и Сербскую церкви, равно какъ о противодѣйствіи уніи въ Византіи и Болгаріи г. Иречекъ говоритъ на основаніи интересной статьи М. С. Дринова (Въпросъ за Българската и Сербската църкви предъ сѣдилиштето на Лионский съборъ въ 1274 г.), напечатанной въ Период. спис. кн., VII—VIII, стр. 25—42. Оттуда же взята ссылка на Канцелятро съ такимъ же неточнымъ обозначеніемъ мѣста изданія (Storia del Regno di Napoli di Francesco Carcerolatro Napolitano помѣщена въ Raccolta degli storici e cronisti Napolitani), какъ у г. Дринова.

Г. Иречекъ не говоритъ, съ какаго года жена Константина Тиха, Марія, стала управлять Болгаріей отъ имени малолѣтняго ихъ сына, Михаила: изъ приписки къ Четвероевангелію Михановича (Григоровичъ, Очеркъ путеш. по Европ. Турціи, стр. 183) видно, что это случилось не поздвѣе 1273 года (лѣта 6781 царствующу благовѣрному царю Константину и сыну его обладающу всѣми Българи). Тогда, если не раньше, Михаилъ былъ коронованъ на царство, какъ говоритъ Пахимеръ (*De Mich. Pal.*, lib. VI, c. 2, p. 429, ed. Bonn.), и съ тѣхъ поръ стали его величать Порфиророднымъ (Пражскіе листки Евангельскихъ Чтеній, описанные Гапкою въ *Časop. Česk. Mus.* 1851, вып. I, и болгарская рукопись Даничича въ *Starine*, I, 87: оба памятника 1277 года).

О Болгарскомъ деспотѣ Святославѣ и о продѣлкѣ съ нимъ Маріи говоритъ Палаузовъ въ изслѣдованіи „Юго-востокъ Европы въ XIV столѣтіи“ (*Журн. Мин. Нар. Просв.* 1857, №№ 4 и 10, по отд. отд. стр. 63, прим. 96) болѣе точно, чѣмъ г. Иречекъ.

Послѣ объясненій И. И. Срезневскаго (*Русск. Бес.* 1857, II, Критика, стр. 16) и Палаузова (стр. 53, прим. 76) странно читать у г. Иречка названіе узурпатора-свинопасца Бръдоквою (то-есть, брюквою) вмѣсто Бръдоквеникъ (брюквоѣдъ, λαχανῶς у Пахимера, 430). Напрасна радость г. Иречка, что онъ открылъ настоящее имя Бродоквеника въ припискѣ къ Сврлинскимъ отрывкамъ Евангелія 1279 года: подъ царемъ Ивайломъ въ этой припискѣ разумѣется не Бръдоквеникъ, а Іоаннъ Асѣнь III, сынъ Мичи (Михаила Ростиславича), какъ полагалъ уже покойный І. Шафарикъ (*Гласник Српског Ученог Друштва*, XX, 246, прим. 1). Что же касается возраженія г. Иречка „(Ивайло ни въ какомъ случаѣ не самъ царь Асѣнь III, такъ какъ его Греки никогда не осаждали“), то оно не состоятельно, потому что въ вышепомянутой припискѣ не говорится вовсе объ осадѣ Трнова Греками (юги стоахоу Гръци подъ градомъ Тръновомъ): приписка эта совершенно согласна съ исторіей, изъ которой мы знаемъ, что весною 1279 года Греки дѣйствительно стояли подъ Трновомъ, и что подъ ихъ покровительствомъ Іоаннъ Асѣнь III вмѣстѣ съ женою Ириною совершилъ торжественный въѣздъ въ столицу Болгаріи. Ивайломъ могъ называть народъ Іоанна III въ насмѣшку за его слабохарактерность. Напрасно также г. Иречекъ сомнѣвается въ происхожденіи Іоанна Асѣня III и въ его правахъ на болгарскій престолъ: объ этомъ говорятъ слишкомъ ясно современный византійскій лѣтописецъ Пахимеръ (стр. 435—436), какъ было уже выше упомянуто.

Онъ же обстоятельно излагаетъ исторію Бръковеника и Іоанна III (430—449). Г. Иречекъ, не признавая Мичу Болгарскимъ царемъ, запуталъ исторію Болгаріи этого времени, достаточно разъясненную Палаузовымъ (стр. 33—59).

Подробности объ умерщвленіи Бръдовеника Погаемъ и спасеніи Асѣня III Евфросиніей находятся уже у Палаузова (стр. 59, прим. 89), который сдѣлалъ однако ошибку, назвавъ ее сестрою Михаила Палеолога: по словамъ Пахимера (*De Mich. Pal.* VI, 46), жены Погаи и Асѣня были сестрами; слѣдовательно, Евфросинія была дочь Михаила VIII.

О дипломатическихъ сношеніяхъ Тертерія съ Карломъ I Анжуйскимъ г. Иречекъ говоритъ на основаніи нашего Неаполитанскаго отчета. Къ сожалѣнію, въ немъ сдѣланъ большой промахъ: не помѣченный годомъ памятникъ, въ которомъ говорится о посольствѣ въ Болгарію Никотеры и Ивана Испанца (о чемъ было уже выше сказано), относится, на основаніи индиктіона, не въ 1281, а 1272 году. Нашъ промахъ ввелъ въ заблужденіе г. Иречка. О сношеніяхъ Тертерія съ Карломъ I говорится въ трехъ памятникахъ Неаполитанскаго архива: изъ нихъ два на латинскомъ языкѣ изданы г. Дель-Джудиче (*Cod. diplom.*, I, 222), а третій на французскомъ еще не изданъ. Этотъ послѣдній читается такъ: „Challes etc. A Mestre Guillaume de Noir de Paris chapelainj, Ris de la Marre de Ballete et a Peir Boudin d'Angiers, thesoiries de la chambre dou chastel de Salvador a mer de Naples, ses amez familiers et feaus, sa grace et sa bona volente. Nos vos mandons et commandons expressement, que vos tantost recives et veries ces presentes lettres, a la requeste de noble home Loys de Monz Capitain ou Reame et tenent lou de mestre Jousticier nostre ame cher consillier et familier et feau, bailliez et assignez soufisant quantite de monoie de la pecune de nostre thesor, que vos gardez, par les dispens des Messagiers de l'empereur des Agorax (читай: de Zagora), qui sunt a Naples, les quex nos faisons venir a nostre presence, non abstante, et escrives a nos et es mestres roisonaus de nostre grant Cort toute la quantite de la monoie, que vos les aureiz baillée par les diz dispens, et icele menoie bailliez au dit Loys li quex la doit bailler et assigner es diz Messagiers par leur dispens, et recivez convenable apodisse par vostre cautele dou dit Loys de la quantite de pecune, que vos li aureiz baillée et assené par les dispenz des Messagiers de sus diz. Donne a Urbe Vetere ou disieme jour de joignet de la non. Indi". (10-го іюня IX индикт. 1281).

Изъ этого памятника видно, что когда болгарскіе послы прибыли въ Неаполь, Карлъ I находился въ Витербо; отсюда онъ писалъ своимъ казначеямъ, имѣвшимъ пребываніе въ замкѣ San Salvator a mare въ Неаполѣ, чтобъ они выдали сумму необходимую на путевыя издержки болгарскихъ пословъ, вызываемыхъ имъ въ Витербо. Попеченіе о безопасномъ ихъ путешествіи было возложено королемъ на Лудовика де-Монте, начальника войскъ въ Неаполитанскомъ королевствѣ, которому онъ приказывалъ дать имъ лошадей и проводниковъ. Указъ Карла I Лудовику де-Монте напечатанъ г. Дель-Джудиче съ большими ошибками и пропускомъ, а потому считаемъ не лишнимъ сообщить здѣсь точный списокъ этого памятника: „Scriptum est Lodoypo de Montibus, Capitaneo a Faro citra etc. Quia nuncios Imperatoris Aragoras (читай: Zagorae) statim in Curia nostra volumus habere presentes, fidelitati tue firmiter et expresse precipimus, quatenus statim receptis presentibus provideas de pecunia necessaria pro expensis nunciorum ipsorum usque Urbem Veterem et roncinis pro equitatu eorum, et pecuniam ipsam a thesaurariis Camere nostre castri Salvatoris ad mare de Neapoli ac roncinos a Cordellario Custode equorum nostrorum morantium Capue de illis videlicet roncinis, qui sunt minoris valoris, pro parto Curie nostre requiras et recipias. Quibus de assignandis eis tibi juxta tui requisitionis nostras litteras destinamus, et hujusmodi pecuniam et equos nunciis ipsis assignes, quos deinde incontinenti ad presenciam nostram mittas cum litteris tuis ad passagerios de securo transitu eorundem et aliquo equite, qui eos usque ad Curiam nostram conducat eo, quod inscii sunt viarum. Date apud Urbem Veterem IX Julii“ (IX Ind. 1281).

Правленія Тертерія и Смильца изложены г. Иречкомъ обстоятельно, чѣмъ Палаузовымъ (стр. 57—61): онъ пополнилъ извѣстія Византійцевъ сербскими источниками (житіями Данила и одною грамотою Милутина) и нѣкоторыми пособіями (Рачкай, Голубинскій, Гонфъ, Захаріевъ).

Въ XIX-й главѣ излагается исторія Болгаріи съ 1295 по 1330 годъ. Правленію Святослава г. Иречекъ посвятилъ всего 4 страницы, изъ коихъ двѣ заняты разказомъ о двухъ Болгарахъ, отличившихся на службѣ Византіи, и ненужными подробностями объ экспедиціи Каталонцевъ (по Гонфу): Палаузовъ говоритъ объ этомъ времени подробно и точно (стр. 62—68). Мы нашли у г. Иречка только одно любопытное извѣстіе — о столкновеніяхъ Болгаръ съ Генуэзцами. Точно также обстоятельно изложено Палаузовымъ одполѣтнее правленіе

Георгія Тертерія II (стр. 68—69, у г. Иречка только 6 строкъ) и семилѣтнее Михаила (у Иречка 6 стран., у Палаузова 11: 69—79). Эту главу г. Иречекъ долженъ переработать и пополнить по византійскимъ извѣстіямъ, въ которыхъ нѣтъ недостатка: о Бдынскомъ деспотѣ Михаилѣ говоритъ Пахимерь (II, 406—409), о Тертеріѣ II и Михаилѣ Григорѣ и Кантакузинѣ.

Въ XX-й главѣ излагается правленіе царя Александра до 1355 года. Воцареніе Александра и судьба Шишмана, сына Михаила, и его матери Неды (Анны), разказаны въ нѣсколькихъ строкахъ и съ слишкомъ большою самоувѣренностію — при тѣхъ противорѣчивыхъ извѣстіяхъ, которыя дошли до насъ отъ современныхъ и позднѣйшихъ писателей — византійскихъ (Григорѣ, Кантакузинѣ), сербскаго (архіепископа Даниила) и дубровницкихъ (Мавро Орбинича, Луккарича, Рестича и Чревича), и при сравненіи ихъ съ не подлежащими сомнѣнію памятниками Неаполитанскаго архива. Вопреки Кантакузину (t. I, p. 459, ed. Pop.), смѣемъ утверждать, что Александръ овладѣлъ престоломъ посредствомъ государственнаго переворота, какъ говоритъ объ этомъ Григорѣ (lib. IX, c. 13, p. 448), и какъ это видно изъ сравненія современныхъ сказаній, изъ показанія византійскаго лѣтописца XV вѣка Халкондила (ed. Paris, p. 18), и соображенія политическихъ обстоятельствъ, при которыхъ совершился этотъ переворотъ. Припущенная бѣжать изъ Волгаріи, Неда (Анна) со вторымъ сыномъ Іоанномъ, по словамъ того же византійскаго писателя, (t. II, 19) укрывалась при дворѣ брата своего, Степана Дечапскаго, а Шишманъ отправился въ изгнаніе къ Скивамъ (Татарамъ, по Любичу и Иречку), но вскорѣ послѣ того, по смерти императора (Андроника III), добровольно пришелъ искать убѣжища въ Византіи. Это сказаніе современнаго византійскаго лѣтописца-императора повторилъ г. Иречекъ безъ всякой критики; а между тѣмъ оно противорѣчитъ самому себѣ и другимъ достовѣрнымъ извѣстіямъ. По словамъ Кантакузина, Шишманъ вскорѣ, а именно послѣ смерти Андроника III, бѣжалъ отъ Скивовъ въ Византію: это „вскорѣ“ заключаетъ въ себѣ десятилѣтній періодъ времени, такъ какъ Александръ овладѣлъ Болгарскимъ престоломъ въ 1331 году, а Андроникъ III умеръ въ 1341. Гдѣ находился все это время Шишманъ, видно изъ другихъ источниковъ. Что касается первоначальнаго убѣжища Шишмана и его матери, то и въ этомъ отношеніи показаніе Кантакузина весьма сомнительно: 1) выраженіе Скивомъ очень властично (такъ называетъ Кантакузинъ и Татаръ, и Турокъ, которые уже въ это время стали

появляться въ Европѣ), и 2) трудно допустить, чтобы Неда отправилась въ Сербію, которою правилъ тогда Степанъ Душанъ, убійца ея брата, другъ и вскорѣ родственникъ Александра. Поэтому мы должны отвергнуть сказаніе Кантакузина и поискать иное, болѣе правдоподобное. Такимъ намъ сдается дубровницкое сказаніе, записанное Юпіемъ Рестичемъ (*Chroniche di Ragusa, opera di Giugno Resti*, по ркл. франциск. библ. въ Дубр. № 243, 164—165), писателемъ критическимъ, пользовавшимся съ большою точностію архивными источниками. Онъ разказываетъ слѣдующее:

Въ Дубровникѣ искала убѣжища жена Болгарскаго царя Михаила съ сыномъ Запиномъ, изгнанная изъ Болгаріи царемъ Александромъ. Два года она прожила тамъ спокойно. По прошествіи этого времени, царь Александръ обратился къ краю Степану съ просьбою, чтобъ онъ предалъ въ его руки вдову и сына царя Михаила, которыхъ ему не трудно будетъ вытребовать изъ Дубровника. За такую услугу Александръ обѣщалъ признать себя вассаломъ Сербскаго краля¹⁾. Степанъ Душанъ отправилъ пословъ въ Дубровникъ съ требованіемъ выдачи ему Неда съ сыномъ. Такое требованіе сильно смутило Дубровчанъ и, послѣ долгаго совѣщанія, они отвѣтили краю, что они такъ дорожатъ своими законами, договорами и клятвенными обязательствами, что скорѣе претерпятъ всякое несчастье, чѣмъ осрамить себя предъ свѣтомъ нарушеніемъ ихъ. Давъ такой отвѣтъ, они тотчасъ же посадили царицу съ сыномъ на корабль и отправили ихъ въ полной безопасности въ Константинополь. Степанъ же Душанъ, раздраженный ихъ отказомъ, опустошилъ Дубровницкую область (1334 г.), конфисковалъ имущество дубровницкихъ купцовъ, находившихся въ его владѣніяхъ, и изгналъ ихъ изъ Сербіи. Къ счастью для Дубровчанъ, нападеніе на Сербскія земли Угровъ отвлекло его вниманіе въ другую сторону, и при посредствѣ знатнѣйшихъ сербскихъ владѣтелей Дубровникъ примирился съ Степаномъ Душаномъ (1335 г.).

По этому разказу, Неда съ Шишманомъ, прозваннымъ Николаемъ Запиною, какъ увидимъ ниже, бѣжала въ Дубровникъ изъ Болгаріи

¹⁾ Срв. *Luccari* (*Annali di Ragusa*, ed. 1790, p. 88): «Il quale (Dusan) conferi la corona ad Alessandro, obbligandolo che per conto del vassalaggio fosse tenuto mandar ogn'anno una dozzina de' cani da caccia, ed altra di falconi con tutta la loro provizione al Re di Servia supremmo e legittimo Re di Bulgaria, e quando gli fosse commandato andar alla guerra, fosse tenuto levar in ajuto de' Serviani dodici milla cavalli pagati a spese proprie».

въ 1331 г.; тамъ спокойно прожила два года, но на третій должна была искать болѣе безопаснаго убѣжища въ Константинополѣ.

Изъ другаго дубровницкаго историка, Якова Лукарича (*Corioso ristretto degli annali di Ragusa, Venetia 1605*; мы пользовались 2-мъ дубровницкимъ изданіемъ 1790 года), сообщающаго много вѣрныхъ и важныхъ фактовъ, но не всегда критическаго, узнаемъ, что Шишманъ отправился не въ Константинополь, а въ Неаполь, а мать его осталась въ Дубровникѣ. Изъ его запутаннаго разказа можемъ извлечь только слѣдующія данныя:

По смерти Михаила, Степанъ Дечанскій отдалъ болгарскій престолъ сыну его Шишману подъ опекою его матери и дяди Александра; но вскорѣ опеку захватилъ въ свои руки верховную власть и принудилъ Неда съ сыномъ бѣжать изъ Болгаріи. Она отправилась въ Скопье, а оттуда (узнавъ, вѣроятно, о смерти своего брата) въ Дубровникъ. Царь Александръ требовалъ отъ Дубровчанъ выдачи царя и царицы (*il Rd e la Regina*) и, получивъ отказъ, обратился къ посредничеству Душана. Посольство сербскаго краля не имѣло никакого успѣха. Чтобы его задобрить, Дубровчане отправили къ нему своихъ пословъ и въ то же время разыграли такую комедію: Неда устроила торжественныя похороны сыну одного дубровницкаго купца и похоронила его въ бенедиктинскомъ монастырѣ на островѣ Кромъ (*Lagosta*), какъ бы собственнаго сына, а Шишманъ, подъ именемъ Дубровчанина Николая Запины (*Sarina*) былъ отправленъ въ Неаполь. Здѣсь онъ женился на незаконной дочери короля Роберта и былъ имъ назначенъ комиссаромъ для преслѣдованія бандитовъ, разбойничавшихъ въ Лаворо (*terra di Lavoro*), Калабріи, Базиликатѣ и Апуліи. По смерти Роберта (1343 г.), онъ возвратился въ Дубровникъ, откуда отправился въ Албанію къ Карлу, герцогу драцскому (*duca di Durazzo*); когда же умеръ царь Александръ (1365 г.), онъ появился въ Болгарію, привлекъ на свою сторону массы народа и призвалъ на помощь Турокъ: онъ опустошилъ окрестности Разграда и снегъ Златицу. Тогда Иванъ Шишманъ, сынъ Александра, подкупилъ его паложницу, болгарку Дувану, и она его отравила въ 1372 г. (стр. 86—90).

Нѣсколько иначе разказываетъ о романтическихъ приключеніяхъ Шишмана третій дубровницкій писатель, также не отличающійся критикою, Мавро Орбиницъ (*Il Regno degli Slavi, Pesaro 1601*). Подобно Лукаричу, онъ вѣритъ, что Запина былъ самозванецъ, выдававшій себя за Шишмана, сына болгарскаго царя Михаила. По его

словамъ, Запина величалъ себя при дворѣ короля Роберта и Лудовика Тарентинскаго Болгарскимъ царемъ (*impegadore di Bulgaria*), женился на побочной сестрѣ Лудовика, вдовѣ Топиѣ, отличался военными подвигами на службѣ неаполитанской въ Албаніи, потомъ былъ посланъ съ какимъ-то порученіемъ на островъ Сицилію; по смерти Лудовика, онъ отправился въ Драчъ съ намѣреніемъ овладѣть Албаніей и Зетой и изгнать оттуда Бальшу, но, потерпѣвъ неудачу, сталъ скитаться по свѣту и наконецъ прибылъ въ Болгарію, объявилъ себя царемъ Шишмапомъ и съ помощью Турокъ началъ войну съ сыномъ Александра; этотъ послѣдній, чтобъ отдѣлаться отъ него, подкупилъ Дунаву, и она его отравила (1373 г.).

Наконцѣ четвертый дубровницкій историкъ, доминиканецъ Серафимъ Чревичъ († 1759 г.), привелъ дословно сказанія двухъ предыдущихъ, отдавая при этомъ предпочтеніе Лукаричу, какъ болѣе критическому (*Fratris Serafini M. Cervac Ordinis Praedicatorum Vitae illustrium Ragusinorum*, рп. франциск. библ. въ Дубр. № 228, pp. 1990—1996).

Посмотримъ, на сколько достовѣрны эти дубровницкія сказанія.

Разказъ Рестица о пребываніи Неда и Шишмана въ Дубровникѣ (1331—1334 г.) признаемъ достовѣрнымъ и отвергаемъ варианты, предложенные Лукаричемъ; но согласно съ этимъ послѣднимъ и Орбяничемъ полагаемъ, что Неда осталась въ Дубровникѣ, а Шишманъ отправился не въ Константинополь, а въ Неаполь къ родственнику свосму по матери, королю Роберту.

О пребываніи Шишмана, подъ именемъ Лудовика, при дворѣ Роберта, сохранился въ неаполитанскомъ архивѣ одинъ весьма любопытный памятникъ. Изъ него мы узнаемъ, что Неаполитанскій король Робертъ, оставляя при своемъ дворѣ Лудовика, сына Болгарскаго царя, назначилъ ему ежемѣсячное содержаніе въ 10 унцій золота (60 дукатовъ), и что такое содержаніе должны были отпускать ему изъ королевской казны въ началѣ каждого мѣсяца, начиная съ 18-го декабря 1338 года. Въ подлинникѣ этотъ памятникъ гласитъ такъ:

„Pro domino Lodoyco filio domini Imperatoris Bulgarie.

„Robertus etc. Riccario de Stella Magne nostre Curie Magistro Rationali, Angelo de Malfia et Iohanne de Bernardo de Ravello thesaurariis, consiliariis et familiaribus nostris etc. Fidelitati vestre preclpimus, quatenus spectabili Lodovico filio Incliti Imperatoris Bulgarie, nepoti nostro carissimo, ad nos pridem venienti, quem in comitiva nostra providimus moraturum, uncias auri decem ponderis generalis mense

quolibet a die 18 proxime preteriti mensis Decembris hujus VI-e Ind. in antea de mense in mensem in principio mensis cujuslibet, quas ei pro expensis suis et familie sue dicto mense quolibet usque ad nostrum beneplacitum per vestram fidelitatem providimus exhibere de quacunque fiscali pecunia existenti vel futura, per manus Vestras in Camera nostra solvere et exhibere curetis et recipiatis ab eo exinde singulis vicibus apodixam. D. Neapoli a. d. 1339 die 12 mensis Januarii VI Ind.^a.

Изъ этого памятника можно было бы заключить, что Шипманъ прибылъ въ Неаполитанское королевство только въ декабрь 1338 года; но такое заключеніе, по нашему мнѣнію, будетъ ошибочно, какъ основанное на случайно уцѣлѣвшемъ памятникѣ: известно, что болѣе сотни томовъ Анжуйскихъ регистровъ пропало и что кража заключающихся въ нихъ памятниковъ продолжается; поэтому можно предполагать, что были и другіе памятники, кромѣ уцѣлѣвшаго, въ которыхъ говорилось о пребываніи Шипмана при неаполитанскомъ дворѣ. Возможно также, что онъ пріѣзжалъ и уѣзжалъ, что нѣкоторое время жилъ при дворѣ Лудовика Тарентинскаго, и что, наконецъ, онъ проводилъ время не праздно, а отличался энергическою дѣятельностію на службѣ короля Роберта, и исполняя его порученія, объѣзжалъ одну область за другою.

Пребываніе Неды (Анны) въ Дубровникѣ также засвидѣтельствовано неаполитанскими памятниками; но она проживала тамъ не безвыѣздно, а, напротивъ того, предпринимала оттуда путешествія. Такъ изъ двухъ памятниковъ (одинъ въ Регистрахъ, а другой въ Аркахъ) видно, что въ 1337 году она находилась въ Болгаріи, откуда отправила посла къ королю Роберту. 1-го ноября этого года онъ приказывалъ „Magistris portulani Apulie“ дозволить послу Болгарской царицы Анны вывезти безошлинно въ Болгарію 50 неаполитанскихъ мѣръ зерноваго хлѣба, ей пожалованныхъ: „Quia donavimus noviter Excellenti principisse domine Anne Imperatrici Bulgarorum, consobrine nostre carissime, de frumento Massariarum nostrarum Apulie frumenti salmas quinquaginta.... fidelitati vestre precipimus, quatenus nuncium prefate Imperatricis... extrahere predictas frumenti salmas quinquaginta.... ferendas.... ad partes Bulgarie.... libere a jure quolibet exiture.... permittatis etc. D. Neapoli a. d. 1337 primo Novembris VI-e Ind. (Reg. Roberti CCCXII, 177. Повторено въ Arca 3165, v. 39“). Но въ слѣдующемъ году она была въ Дубровникѣ, гдѣ намѣревалась прожить нѣкоторое время. Туда Робертъ посылалъ ей 500 мѣръ зер-

новаго хлѣба, какъ видно изъ его приказа „Magistris partulanis Aru-
lie“ отъ 5-го іюля 1338 года: „Quia donavimus noviter Excellenti
principisse domine Agne Imperatrici Bulgarorum etc. frumenti salmas
quingentas... quas ad terram Ragusii de partibus Sclavonie, ubi habet
aliquo tempore cum sua familia commorari etc.“

По всей вѣроятности, Неда прожила въ Дубровникѣ до 1346 года,
получая постоянную поддержку сначала отъ короля Роберта, а по-
томъ отъ королевы Иоанны I. Къ правленію этой послѣдней отно-
сится 6 памятниковъ 1345—1346 г., въ которыхъ говорится объ от-
правкѣ разнаго количества хлѣба къ Болгарской царицѣ: въ октябрѣ
1345 г. было отправлено къ ней сто мѣръ хлѣба, а въ іюнѣ и іюлѣ
1346 г. 250, изъ коихъ 50 были пожалованы ей герцогомъ драчскимъ
(dux Dracii). Въ маѣ и іюнѣ 1346 года находился въ Неаполѣ ея
посоль, Николай Болгаринъ (Nicolaus de Bulgaria, pincius et familia-
ris Imperatricis Bulgarie).

По смерти Андроника III (15-го іюня 1341 г.) Шишманъ отпра-
вился въ Константинополь, гдѣ нашелъ себѣ покровителя въ Іоаннѣ
Кантакузинѣ, великомъ доместикѣ и вскорѣ императорѣ. Узнавъ о
пробываніи Шишмана въ Константинополь, царь Александръ отпра-
вилъ посольство къ императрицѣ Аннѣ, опекувшѣ малолѣтняго ея
сына Іоанна V Палеолога, съ требованіемъ его выдачи, угрожая въ
противномъ случаѣ войною. Былъ созванъ государственный совѣтъ
подъ предсѣдательствомъ императрицы и патриарха. Голоса совѣтни-
ковъ раздѣлились: одни соглашались на выдачу Шишмана; во избѣ-
жаніе войны, другіе же, особенно императрица, патриархъ и великій
доместикъ, защищали Шишмана, не совершившаго никакого преступ-
ленія и имѣвшаго полное право на безопасное убѣжище въ Царь-
градѣ. На другой день были призваны во дворецъ послы Александра,
и на ихъ заносчивыя требованія отвѣчалъ великій доместикъ, по
приказанію императрицы, что не въ обычаѣ Византіи выдавать вра-
гамъ лицъ, ищущихъ у нея убѣжища, что византійское правительство
вовсе не боится войны съ Болгаріей, и что если Александръ рѣшится
на непріязненные противъ него дѣйствія, оно проучитъ его, какъ
слѣдуетъ: „Мы отправимъ Шишмана на корабляхъ по Дунаю въ
Бдынъ“, сказалъ онъ въ заключеніе, — „и подыместъ его приверженцевъ
противъ Александра; если же этого будетъ недостаточно, то я самъ
пойду противъ васъ наказывать васъ за вѣроломство“. Наконецъ онъ
пригрозилъ имъ союзомъ съ Турками и потребовалъ рѣшительнаго
отвѣта въ двадцатидневный срокъ. Получивъ такой энергическій от-

казъ на свое требованіе, Александръ послѣшилъ возобновить дружественный договоръ съ Византією. Такъ разказываетъ самъ Кантакузинъ (*Historiarum lib. III, ss. 2, 7, 10, pp. 19 — 25, 52—58, 69, ed. Bonn. vol. II*).

Пребываніе Шишмана въ Константинополѣ не могло быть продолжительно: въ 1342 году его покровитель Кантакузинъ самъ долженъ былъ искать убѣжища въ Сербіи, а потому Шишману пришлось вернуться въ Неаполь, гдѣ онъ находился до смерти короля Роберта (1343 г.), если вѣрить Лукаричу. Можно, пожалуй, съ нимъ согласиться, что Шишманъ въ это время ѣздилъ въ Дубровникъ, гдѣ находилась его мать; возможно также допустить, что изъ Дубровника онъ отправился въ Албанію на службу къ родственнику своему Карлу, герцогу Драчскому, помогавшему его матери и возмущавшему Албанцевъ противъ Сербовъ; оттуда, согласно съ Мавро Орбиничемъ, онъ могъ возвратиться въ Неаполь къ королевѣ Іоаннѣ I, поддерживавшей сношенія съ его матерью, и пользоваться расположеніемъ втораго ея супруга Лудовика Тарентинскаго; но слѣдуетъ отвергнуть сообщаемое Орбиничемъ извѣстіе, что Шишманъ по смерти Лудовика Тарентинскаго (въ іюнѣ 1362 г.) отправился въ Албанію и задумалъ овладѣть ею, потому что въ слѣдующемъ году онъ принималъ участіе въ сіанскихъ безпорядкахъ и былъ взятъ въ плѣнъ (въ *Annales Siensenses* онъ не названъ по имени, но подъ упоминаемымъ ими болгарскимъ императоромъ никого, кромѣ его, подразумѣвать нельзя: „A. D. 1363... Captus fuit imperator de Bulgaria et episcopus de Bulgaria. Pertz, Monum. XIX, 233). Что касается его попытки возвратити собѣ престолъ по смерти царя Александра (1365 г.), то повѣствованіе объ этомъ Лукарича такъ обстоятельно (о смерти Шишмана онъ приводитъ даже два извѣстія, изъ которыхъ второе почерпнуто изъ неизвѣстнаго намъ Эмануила), что невольно хочется ему вѣрить. Притомъ же въ существенномъ оно сходно съ разказомъ Орбинича, и что еще важнѣе, напоминаетъ отвѣтъ Кантакузина посламъ царя Александра.

Вообще дубровницкими сказаніями о Шишманѣ Михайловичѣ пренебрегать не слѣдуетъ; но необходима ихъ провѣрка по источникамъ, преимущественно италіанскимъ. Шишманъ представляется намъ такою романтическою личностію, какихъ весьма мало въ славянской исторіи; поэтому была бы весьма желательна историческая монографія о немъ, на основаніи которой славянской поэтъ могъ бы написать замѣчательную поэму или трагедію.

Исторію правленія царя Александра г. Иречекъ такъ запуталъ неуѣстными эпизодами, что личность Волгарскаго царя совершенно ступшевыается: изъ десяти страницъ съ трудомъ наберутся двѣ (по нѣскольку строкъ на разныхъ страницахъ), на которыхъ говорится объ Александрѣ, то-есть, столько же, сколько посвящено разказу о сербскомъ пародиномъ героѣ Момчиль; о Душанѣ же говорится на двухъ съ половиною страницахъ (281—282, 286—287, по русск. перев.); полъ страницы (283) занято разказомъ о другомъ сербскомъ юнакѣ Рель; остальные страницы наполнены извѣстіями о Византіи (287—288) и Туркахъ (289—296), почерпнутыми преимущественно изъ книгъ Гопфа и Цинкейзена. Душану, сравнительно съ Александромъ, удѣлено слишкомъ много мѣста. Вслѣдствіе такой эпизодичности разказа г. Иречка дѣятельность Александра и его отношенія къ Сербіи, Византіи и Туркамъ затемняются: гораздо яснѣе и обстоятельнѣе изложеніе Палаузова (стр. 13 — 24), хотя у него и нѣтъ нѣкоторыхъ подробностей, имѣющихся у г. Иречка.

Замѣчательно, что авторъ „Исторіи Волгарь“ ограничивается только упоминаніемъ въ примѣчаніи, что „въ 1352 году Александръ заключилъ торговый договоръ съ Венеціей“: имѣя подъ руками два венеціанскіе памятника, изданные Любичемъ (*Monum. Spect. hist. Slav. merid.*, vol. III, № CCCLXIV—V), г. Иречекъ могъ бы сказать нѣсколько словъ пообстоятельнѣе о сношеніяхъ Александра съ Венеціей. Изъ письма его къ дожу Андрю Дандоло видно, что дѣло шло не только о торговыхъ интересахъ, но и о политическихъ: иначе не зачѣмъ было бы отправлять къ нему венеціанское посольство, такъ какъ торговые интересы были улажены Маркомъ Леонардо, венеціанскимъ консуломъ въ Варнѣ. Чтобы понять, съ какою цѣлью замыслили Венеціанцы отправить въ Болгарію посольство, о которомъ писалъ Александру Марино Фальеро, въ то время венеціанскій посоль при дворѣ Угорскаго короля, слѣдуетъ припомнить, что съ 1351 года возобновилась война между Венеціей и Генуей, что въ слѣдующемъ году подъ стѣнами самаго Константинополя союзный венеціанско-византійско-аррагонскій флотъ былъ разбитъ генуэзскимъ адмираломъ Доріей и что послѣ этого пораженія Іоаннъ Кантакузинъ своимъ двуличнымъ поведеніемъ возбудилъ недовѣріе къ себѣ Венеціанцевъ; слѣдуетъ также припомнить, что Генуэзцы въ это время владѣли не только предмѣстьемъ Константинополя, Перою, но также нѣкоторыми островами Архипелага, и что ихъ торговля факторіи паходились въ приморскихъ городахъ Волгаріи. Припимая это во вниманіе, можемъ

предполагать, что Венеціанцы домогались отъ Болгарскаго царя репрессалій противъ генуэвскихъ купцовъ, если не военной помощи противъ Генуэзцевъ; на востокъ, что также возможно при тогдашнихъ политическихъ замѣшательствахъ. Но оставляя даже въ сторонѣ политическіе интересы, мы не можемъ не остановиться на торговомъ договорѣ Александра съ Венеціей, какъ единственномъ памятникѣ въ своемъ родѣ. Изъ этого договора, между прочимъ, видно, что торговыми сношеніями Венеціи съ Болгаріей были въ то время уже прочно установившимися, и что Венеція имѣла своего консула въ Варшѣ. Объ этихъ сношеніяхъ въ XIV вѣкѣ мы имѣемъ два венеціанскія свидѣтельства: въ *Liber Factorum* (Любичъ, I, № CCLXXXIII) венеціанскаго архива въ числѣ юго-славянскихъ государей, съ которыми Венеція находилась въ дружественныхъ сношеніяхъ, упоминаются *Michael dispoti Bulgarie, dominus de Vigdino* (Михаилъ Страшимировичъ, бѣдинскій деспотъ) и *Veclaus imperator Bulgarie* (Святославъ); а въ *Исторіи Морен Марина Сануда Торселло* (*Istoria del regno di Romania*, въ изд. Гонфа *Chroniques Greco-Romanes*, p. 142) седьмымъ православленнымъ государемъ въ Европѣ называется Болгарскій царь: „*Viè aceo l'imperator de Zagora* (Михаилъ Страшимировичъ, какъ полагаетъ Гонфъ), *che confina con l'Imperator di Costantinopoli, e si stende il suo Regno sino el fiume Danubio...* e questo è il settimo Gran Signor, che tien il ritto de Greci“. Можно предполагать, что сношенія Венеціи съ Болгаріей начались гораздо раньше, именно не позже первыхъ лѣтъ XIII столѣтія, когда владѣнія Болгарскаго царя Іоанна I доходили почти до стѣнъ Константинополя, занятого дожемъ Генрихомъ Дандоломъ. Но какъ бы то ни было, договоръ интересенъ самъ по себѣ; онъ даетъ намъ понятіе о правахъ и льготахъ, которыми пользовались въ Болгаріи иностранные купцы. Условія договора не многосложны: 1) венеціанскіе купцы обязуются платить за право торговли по всей Болгаріи 3% съ товаровъ и кораблей платитъ, кромѣ того, установленную въ договорѣ пошлину; за транзитъ ничего не платятъ; 2) въ случаѣ кораблекрушенія, экипажъ и имущество спасаются; 3) сынъ за отца и отецъ за сына не подвергаются судебному преслѣдованію; 4) безъ суда и расправы не можетъ быть конфисковано имущество Венеціанца; 5) въ случаѣ смерти Венеціанца его имущество возвращается Венеціанцамъ же; 6) они могутъ покупать и строить церкви и биржи, гдѣ пожелаютъ, во всей Болгаріи. Условія 4 и 5 встрѣчаются также въ договорѣ Михаила Асѣна съ Дубровчанами (у Миклошича, *Monum. Serb.*, pp. 36—38); но какъ по этому

договору, такъ и по предшествовавшему Асѣня II (а не I, какъ полагаетъ Миклошичъ), Дубровчане торговали въ Болгаріи безошлинно. Изъ сравненія этихъ трехъ договоровъ оказывается, что они пользовались большими привилегіями въ Болгаріи, чѣмъ ихъ соперники Венеціанцы. Есть еще четвертый торговый договоръ Болгаръ съ Генуэзцами; по о немъ скажемъ ниже.

Въ XXI-й главѣ придано слишкомъ большое значеніе религиознымъ замѣшательствамъ въ Болгаріи въ XIV столѣтіи. Г. Иречекъ принимаетъ два собора противъ еретиковъ при царѣ Александрѣ, г. Голубинскій (стр. 84) только одинъ, что правдоподобнѣе. Что касается свѣдѣній о литературной дѣятельности при Александрѣ, то имъ мѣсто не въ XXI-й, а въ XXVI-й главѣ, гдѣ говорится о древне-болгарской литературѣ.

Главу XXII-ю, озаглавленную „Первыя столкновенія южныхъ Славянъ съ Турками“ (не совсѣмъ точный переводъ съ нѣмецкаго: Die ersten Kämpfe der Südslaven mit den Türken, по чешски: První boje Jihoslovánův s Turku), г. Иречекъ начинаетъ слѣдующими словами: „Мы приступаемъ теперь къ описанію самаго труднаго періода южнославянской исторіи—завоеванію Балканскаго полуострова Турками. Пѣсни и сказанія, въ которыхъ прославляются герои этихъ войнъ, исполнительскіе образы въ родѣ Марка Краевича, Милоша Обилича, князя Лазаря и другихъ, которымъ должны были уступить въ памяти народа богатыри древнихъ временъ, встрѣчаются во множествѣ (im Überflusse, въ излишествѣ) у Сербскаго и Болгарскаго народа; истинная же исторія этихъ кровавыхъ временъ на столько темна, что о роковыхъ событіяхъ, какъ на примѣръ, о Косовской битвѣ, о покореніи Болгаріи, мы имѣемъ менѣе точныя извѣстія, чѣмъ о какомъ-нибудь не важномъ происшествіи прежнихъ временъ. Современныхъ свидѣтельствъ очень мало, а то, что потомъ (später, позже) говорится о послѣднихъ годинахъ южнославянскихъ государствъ, почерпнуто большею частію (theilweise, отчасти) изъ сказочнаго мира (aus Sagen). Греческія, славянскія, румынскія и турецкія лѣтописи полны противорѣчій, а хронологія ихъ представляетъ иногда хаотическій беспорядокъ. Только не многіе изъ сохранившихся старинныхъ документовъ того времени можно считать достовѣрными источниками свѣдѣній“ (bilden feste Anhaltspunkte, составляютъ прочныя точки опоры. Рус. перев. стр. 298—9). Съ этими словами автора „Исторіи Болгаръ“ мы не можемъ согласиться по слѣдующимъ причинамъ: 1) известно, что въ болгарскихъ юнацкихъ пѣсняхъ воспѣваются препму-

часть сxcvi, отд. 2. 6;

щественно гайдуки съ XVI вѣка по наше время, и что изъ героевъ эпохи турецкаго завоеванія сохранилось значительное число пѣсенъ только о Марѣ Краевичѣ, о другихъ же герояхъ (Момчило, Релья Дойчинъ, Богданъ, Константинъ, Шишманъ, Секула, Янкула, Радулъ, Мирче, Скандербегъ, Матвѣй Корвинъ) дошло до насъ весьма мало пѣсенъ; 2) на недостатокъ современныхъ сказаній жаловаться нельзя: кромѣ краткой лѣтописи, изданной О. Мюллеромъ въ *Byzantinisch Analekten*, мы имѣемъ сказанія Византійцевъ Францы, Дуки и Халкондилы, двѣ эфирскія лѣтописи иноковъ Комнина и Прокла и десюта Музакя, старыя турецкія лѣтописи въ обработкѣ Сеадедина († 1597), и кромѣ того, Нешри (при Сулимѣ I), Бидласи (при Баязетѣ II), и *Annales Sultanorum Heunclavii*, угорскія—Туроча и Бонфини, польскія—Каллимаха и Длугоша, итальянскія—Марино Санудо (*Uide de' Duchi di Venezia*, *Cronaca Veneta Mss.*), Малипiero, Эиея Сильвія и *Annales Forolivienses*, дубровницкія, кромѣ анонимныхъ лѣтописей,—Туберона и позднѣйшія—Орбинича, Лукарича и Рестича, сербскія—Житія, лѣтописи и похвалы и записки Липчара, болгарскія—Цамблака похвала патриарху Евѣимію и извѣстія въ Никоновской лѣтописи, и наконецъ, румынскія (въ приложеніи къ рѣчи Григоровича о Сербіи); кромѣ того, есть свѣдѣнія о Болгаріи въ концѣ XIV и въ началѣ XV вѣка у Баварца Шильтбергера (*Reise in den Orient*, 1396—1427) и у Французовъ Бусикд (Bouciqaunt), Фруасара (Froissart) и анонимнаго біографа Карла VI (*Histoire de Charles*); 3) лѣтописныя сказанія этого времени внутренними достоинствами не уступаютъ предшествовавшимъ, и упреки, которые г. Ирекчекъ дѣлаетъ всѣмъ имъ вообще, справедливы, и то отчасти, только относительно нѣкоторыхъ; 4) изъ позднѣйшихъ сказаній легендарнымъ характеромъ, и то не всегда, отличаются только сербскія, дубровницкія и Музакя; и наконецъ 5) недостатокъ обстоятельныхъ свѣдѣній о важныхъ событіяхъ эпохи турецкаго завоеванія въ однихъ лѣтописяхъ, вознаграждается полнотою и точностью въ другихъ; такъ напримѣръ, о Косовской битвѣ говорятъ кратко византійскія (Дука и Халкондила) и сербскія (Тропошская лѣтопись, родословіе Сербскихъ царей, Константинъ Философъ и нѣк. др.) лѣтописи, по за то подробно — турецкія (Нешри и Сеадединъ), о покореніи же Болгаріи мы должны предпочесть менѣе обстоятельныя свѣдѣнія Сеадедина, лѣтописей Леунклавія и Францы легендарному разказу Цамблака. Такимъ образомъ мы не находимъ въ лѣтописныхъ сказаніяхъ тѣхъ ужасныхъ недостатковъ, которые чудятся г. Ирекчу только по-

тому, что онъ большею частію не изучалъ ихъ, а справлялся съ ними по указаніямъ своихъ предшественниковъ, и преимущественно Гоффа и Цинкейзена, писавшихъ исторію Византіи и Турціи, а не Болгаріи.

Если обратимъ вниманіе на степень самостоятельности XXII-й главы, то увидимъ, что она написана по Цинкейзену и Гоффу съ дополненіями изъ пѣкоторыхъ другихъ сочиненій; самостоятельный же трудъ г. Иречка ограничился тѣмъ, что онъ воспользовался славянскими источниками, имѣющими впрочемъ весьма мало значенія. Познакомимся поближе съ содержаніемъ этой главы.

О военной организаціи Турокъ и объ отношеніяхъ ихъ къ покореннымъ христіанамъ г. Иречекъ говоритъ на основаніи Цинкейзена (*Gesch. des Osman. Reiches*, I, 125—132, 264—268), извращая иногда его разказъ и опускаая весьма важныя свѣдѣнія, имъ сообщаемныя. Такъ г. Иречекъ говоритъ, что янычары (ени-чери значить по турецки новое войско) „состояли изъ христіанскихъ дѣтей, похищенныхъ у родителей и воспитанныхъ въ исламѣ“ (стр. 299). О похищеніи христіанскихъ дѣтей Цинкейзенъ ничего не говоритъ и не можетъ говорить, потому что въ янычары не похищались, а набирались каждые пять лѣтъ христіанскіе мальчики въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$ народонаселенія: это былъ своего рода рекрутскій наборъ. Что насилія въ этомъ случаѣ со стороны Турокъ никакого не было, и что напротивъ того съ христіанскими дѣтьми обращались отлично, видно изъ свидѣтельства Сеадедина (*Cronica dell' origine e progressi della casa Ottomana*, перев. Дубровчанина Братутти, Вѣна 1649, т. I, стр. 42), по словамъ котораго сами родители просили и домогались, чтобы ихъ дѣтей помѣщали въ Янычары: „Gl'altri poi figlioli degl' Infedeli vedendo, che questi erano spontati agl' ufficii grandi et a padhe grosse, desideravano d' esser ammessi al servitiò e li padri loro procuravano d' impiegargli“. Эти слова Сеадедина приведены Цинкейзеномъ съ нѣмецкимъ переводомъ на стр. 129, и очень жаль, что г. Иречекъ не обратилъ на нихъ вниманія. Кромѣ службы въ янычарахъ, христіане составляли отряды войнаковъ, служившихъ при турецкомъ обозѣ: за эту службу они освобождались отъ всѣхъ податей (*Zinkcisen* 266). Наконецъ, въ турецкомъ войскѣ были христіанскіе наемники, и число ихъ бывало иногда весьма значительно: такъ, по словамъ Дуки (*Hist. Byzant. cap. 13*), въ 1395 году въ одномъ сраженіи противъ Угорскаго короля Сигизмунда и его союзниковъ участвовало болѣе 10,000 христіанскихъ наемниковъ, которые, выскочивъ

изъ засады, окружили Французовъ и Угровъ и обратили ихъ въ бѣгство. Христіанскіе наемники получали отъ султана хорошее жалованье, были въ почетѣ и пользовались большими льготами (см. наши лекціи о Болгаріи подѣ турецк. владыч. въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 163, отд. 2, стр. 306). Что касается отношеній Турокъ къ христіанамъ въ концѣ XIV вѣка, то онѣ были основаны на справедливости и великодушій, какъ видно изъ свидѣтельствъ Сеадеддина (стр. 77) и Халкондилы (I, 28).

Вслѣдъ за этимъ г. Иречекъ говоритъ довольно подробно (стр. 299—301) о распаденіи Душапова царства, что по нашему мнѣнію, не умѣстно въ исторіи Болгаръ. Если жъ онъ счелъ нужнымъ коснуться этого вопроса, то ему слѣдовало не ограничиваться перечнемъ сербскихъ и албанскихъ владѣтелей, а постараться уяснить отношенія ихъ къ болгарскому народонаселенію, конечно, на сколько это возможно при скудости источниковъ; такъ наприимѣръ, памъ извѣстно изъ лѣтописи Комнина и Прокла, что сербскіе правители Эпира преслѣдовали Болгаръ: было ли то же самое и въ другихъ областяхъ съ населеніемъ болгарскимъ? — вопросъ, рѣшенія котораго ждемъ отъ г. Иречка.

На основаніи византійской лѣтописи, издавнной О. Мюллеромъ, г. Иречекъ полагаетъ, что султанъ Урханъ умеръ въ 1362 году. При этомъ въ примѣчаніи онъ говоритъ: „Въ турецкихъ источникахъ (Zinkeisen, I, 215) указанъ 1359 годъ; но послѣдніе вообще весьма сильно расходятся съ другими, болѣе современными и достовѣрными источниками свѣдѣній“ (стр. 303, прим. 2). На это мы замѣтимъ: 1) Цинкейзонъ принимаетъ показаніе Сеадеддина (стр. 70), за достовѣрность котораго ручается такой знатокъ турецкой историографіи, какъ Гаммеръ (Tadschet—tewarich d. i. Krone der Geschichten, von Seadeddin, das berühmteste Geschichtswerk der Osmanen... enthält die Geschichte der neun ersten Sultane, von Osman bis Ende der Regierung Selim's I. Ein vortreffliches Werk, das, trotz seines rhetorischen Wortprunkes, eine der besten u. verlässlichsten Quellen älterer osmanischer Geschichte... Gesch. d. Osman. Я. IX, 189 Cnf. I, XXXVII). 2) Показаніе Сеадеддина мы должны предпочесть показанію анонимнаго Византійца, потому что оно ближе къ другимъ показаніямъ—турецкой лѣтописи Леунклавія (при парижск. изд. Халкондилы стр. 315) и Византійца — Дуки (ed. Bonn. cap. III, p. 14): оба эти источника относятъ смерть Урхана къ 1357 году. Принявъ 1362 годъ за годъ смерти Урхана, г. Иречекъ долженъ былъ

сдѣлать ошибку на два года въ опредѣленіи времени турецкихъ завоеваній во Фракіи и Болгаріи: по Сеадедину (стр. 81 — 89), Мурадъ I завоевалъ въ 1361 году Чорли, Бургасъ, Дидимотику, Исалу и Адрианополь, а въ слѣдующемъ году Эски-Загру и Филиппополь, что согласно и съ показаніемъ лѣтописей Леунклавія (стр. 315). Византійцы Франца (Lib. I, с. XI, р. 46, с. XXV, р. 80 — 81) и Дуга (сар. III, р. 14) говорятъ объ этихъ завоеваніяхъ глухо, а Халкондила (р. 16) ошибочно относитъ завосваніе Адрианополя и Филиппополя ко временамъ Солимапа, сына Урханова, умершаго будто бы въ 1350 году.

Напрасно г. Иречекъ придастъ такое важное значеніе народнымъ преданіямъ, записаннымъ Захаріевымъ (Описаніе Татаръ-Базарджинскѣхъ клазѣ), о покореніи болгарскихъ укрѣпленій въ окрестностяхъ Филиппополя Гази-Даудъ-Папшею: имъ мѣсто въ народной словесности, а не въ исторіи; притомъ же имя Даудъ-Паши въ турецкихъ походахъ во Фракію и Болгарію того времени не упоминается: Турками предводительствовали Хаджи-Ильбеки, Лалашахинъ и Эвреносъ; кромѣ того, учрежденіе войнаковъ относится къ болѣе позднему времени, именно послѣ 1375 года (Zinkeisen I, 266).

Точно также заслуживаетъ мало вѣры софійское преданіе о двѣнадцатилѣтней борьбѣ съ Турками какого-то Асѣня, котораго г. Иречекъ отождествляетъ съ Асѣнемъ Александровичемъ поздней румынской лѣтописи (XVII вѣка), не отличающейся достовѣрностью.

Посольство императора Іоанна V Палеолога къ Елисаветѣ, вдовѣ Душана и войну его съ Александромъ, царемъ Болгарскимъ, г. Иречекъ относитъ къ одному и тому же 1364 году; между тѣмъ какъ, по свидѣльству современнаго византійскаго лѣтописца, Кантакузина (III, 360 — 362), патриархъ Калликсъ былъ отправленъ посломъ къ вдовствующей царицѣ Сербской въ 1356 году, а война происходила въ 1362.

Годъ смерти Александра не извѣстенъ. Что касается имени его сына и преемника, Шишмана, то нѣтъ сомнѣнія, что это югославянская форма нѣмецкаго Сигизмундъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что Гундуличъ въ своемъ Османѣ не иначе называетъ Польскаго короля Сигизмунда III, какъ Шишманомъ:

S liepom družbom on se odpravi
S otmanskoga Carigrada
Put državah, kiem' u slavi
А'валъ Поляѣкѣ Шишман влада (пѣсня III, строфа 4).
O *Šišmane*, vedra krvi,

Ki od Leha i od Kraka
Tretji imenom, slavom prvi,
 U kraljevstvu si od Poljaka. (Тамъ же, стр. 28).

Такъ Гундуличъ называетъ и иныхъ Сигизмундовъ:

Na veliku u njih glasu
Šiřman Bator jošte stoji,
 Da otmanske vojske rasu,
 Kieh nebrojni biehu broji.
 U njih svakđas rastu u slavi
 Svi poljački kralji izbrani:
 Jageloni, Vladislavi,
 Kazimiri i *Šiřmani* (Тамъ же, стр. 26—27).

Походъ Амедея VI Савойскаго въ Болгарію (1366 г.) описанъ со словъ Гопфа (LXXXVI, 7 — 8), а покореніе Турками Оракин и части Болгарин (1365 г.) разказано по Цинкшейзену (I, 226 — 228); по г. Пречекъ ошибочно относятъ къ этому времени начало вассальныхъ отношеній Шишмана къ султану: это случилось десятью годами позже (1375 г.), какъ видно изъ Сеадеддина (стр. 113) и Халкондиль (стр. 18) и какъ припимаетъ Цинкшейзенъ (I, 232) и Гопфъ (въ началѣ 1376 года, LXXXVI, 22). Жаль, что и на этотъ разъ г. Пречекъ не обратилъ вниманія на приводимыя Цинкшейзеномъ (стр. 229, прим. 2) Слова Сеадеддина, изъ которыхъ видно, что гуманное обращеніе Турокъ съ христианами побуждало послѣднихъ добровольно покоряться султану: „Accarezzando quei Paesani, lasciò ogn' uno nel suo luogo; poi con tanta facilità e piacevolezza s'accommodò con quei popoli, che dove prima erano lontani et alieni di sottometersi e di render ubbidienza, da poi essi medesimi desideravano di sogettarsi e farsi servi e vassalli del Rè“. За то г. Пречекъ удачно исправилъ ошибку Халкондиль (стр. 18) при помощи болгарскаго поменника: за Мурада Шишманъ выдалъ не дочь свою, а сестру. На такую поправку могло навести уже то, что Халкондиль называетъ ее дочерью Жидовки (Феодоры, второй жены царя Александра). Цинкшейзенъ, не обративъ на это вниманія, повторилъ ошибку Халкондиль.

О завоеванія Угорскимъ королемъ Лудовикомъ Бдына (1365 г.) и о насильственномъ обращеніи въ католицизмъ мѣстныхъ Болгаръ г. Пречекъ говоритъ преимущественно по Дринову (Истор. прегл. на Българска та църква, стр. 101—104). О причинѣ нападенія Лудовика на Бдынъ онъ не упоминаетъ. Мадыарскій историкъ Хорватъ (Gesch. d. Ungarn, I Bd., S. 211—213), на основаніи угорскихъ источниковъ, увѣряетъ, что Лудовикъ, вслѣдствіе убѣжденій папъ, предпринялъ походъ съ цѣлью изгнанія Турокъ изъ Европы и для

этого заключилъ союзъ съ Иоанномъ V Палеологомъ, обѣщавшимъ принять католицизмъ; но съ мнѣніемъ Хорвата трудно согласиться, потому что онъ основывается на позднѣйшихъ источникахъ, а современный угорскій лѣтописецъ, Турочъ (*Johannis Thuroczii Chronicum Hungarorum* ap. Schwandtner, Pars III, cap. XXXIV, p. 191), объ этомъ ничего не говоритъ: по его словамъ, Лудовикъ началъ на Болгарское царство, *sacrae caronae Hungariae subjectum*, съ большимъ войскомъ, и взявъ Бдынъ (*Bodon*), увелъ въ плѣнъ Болгарскаго царя Страшимира (*imperator Strachmerus*), но впоследствии отпустилъ его въ Бдынъ для управленія Болгарскимъ царствомъ отъ его имени. Изъ разказа Туроча можно было бы заключать, что Лудовикъ, опираясь на такъ-называемыя историческія права и пользуясь благоприятными политическими обстоятельствами, задумалъ присоединить Дунайскую Болгарію къ своему королевству.

Дѣла валашскія изложены по Реслеру (стр. 298—303) и Галубинскому (стр. 349—352), а византійскія и сербскія по Гопфу, Цинкейзену и Григоровичу (рѣчь о Сербіи).

Въ разказѣ о битвѣ при Марицѣ г. Иречекъ слѣдуетъ сербскимъ лѣтописямъ, вообще сходнымъ съ турецкими: главная разница между ними состоитъ въ годѣ сраженія и въ числѣ войскъ съ обѣихъ сторонъ. Г. Иречекъ принимаетъ 26-е сентября 1371 года за день этой битвы: такое показаніе находимъ въ Сеченичской лѣтописи (Шафлярика, *Ramátka*, стр. 72), но другія относятъ эту битву то къ 1361 (Рацкая, Давидовичева и Верхобръзницкая лѣтописи), то къ 1373 году (лѣтопись Юрія Бранковича, *Arkiv*, III, 15). Турецкія лѣтописи Нешри, Видлиси и Сеадеддина (у Брлича, Извори српске оовјестнице из Турскијех споменика) относятъ эту битву къ 766 году геджры=136⁴/₅, а *Annales Sultanorum* къ 1366 (стр. 316). Халкопдила (стр. 15), не обозначаетъ года этой битвы, но согласно съ сербскими лѣтописями, говоритъ, что въ ней погибли Вукашинъ и Угleshа. Изъ этихъ разнорѣчивыхъ показаній мы должны принять показаніе сербскихъ лѣтописей по слѣдующему очень простому соображенію: до 1367 года правилъ Сербіей Урошъ V и только съ этого времени овладѣлъ сербскимъ престоломъ Вукашинъ, его убійца; смерть Вукашина относится къ 1371 году, а слѣдовательно, въ этомъ году произошла и битва при Марицѣ. Труднѣе опредѣлить число войска съ обѣихъ сторонъ: по словамъ сербскихъ лѣтописей, Турокъ было 4,000—4,500, а Сербовъ 60,000; по показанію же Нешри, Видлиси и Сеадеддина, подъ начальствомъ Лалашахина въ этой битвѣ

находилось 10,000 человекъ, а у Сербовъ было болѣе, чѣмъ вдвое. Наконецъ, по лѣтописямъ Леунклавія у Сербовъ было 50,000. Намъ кажется, что сербскія лѣтописи уменьшили число турецкаго и преувеличили число своего войска, чтобы разительнѣе показать силу наказанія Вождя, постигшаго Вукашина за убіеніе Уроша; а турецкимъ лѣтописцамъ по было никакого интереса преувеличивать число своихъ войскъ и уменьшать число непріятельскихъ. Притомъ же невѣроятно, чтобы Вукашинъ могъ собрать войско въ 60,000. Поэтому правдоподобнѣе принять силы Турокъ въ 10, а Сербовъ въ 25,000, то-есть, въ 2½ раза больше. Въ пользу достовѣрности турецкихъ сказаній о Марицкой битвѣ говоритъ то, что подробности, находящіяся у Нешри, Видлиси и Сеадедина, повторяются у патриарха Писія въ житіи Уроша V (Гласникъ, XXII).

Дальнѣйшіе успѣхи Турокъ во Фракіи и Македоніи (1373 г. описаны по Цинкейзену (I, 229). О знаменитомъ героѣ юнацкихъ лѣсенъ, Маркѣ Кралевичѣ, г. Иречекъ говоритъ на 3 страницахъ (312—314), но нисколько не выясняетъ его историческую личность: о его отношеніяхъ къ Туркамъ нѣтъ ни слова. При этомъ онъ пользуется дурнымъ сербскимъ изданіемъ эфирской лѣтописи (Гласникъ XIV), не зная критическаго изданія проф. Г. С. Дестуняса (Историческое сказаніе инока Комнина и инока Прокла о разныхъ деспотахъ эфирскихъ и т. д. С.-Пб. 1858). Онъ не подозреваетъ также, что „Historia della casa Musachia“ эфирскаго деспота Ивана Музачи издана К. Гопфомъ (въ его Chroniques Gréco-Romaines, 270 — 340) О другомъ народномъ юнакѣ, Константинѣ, есть свѣдѣнія у Сеадедина (стр. 105, 106), не приводимыя г. Иречкомъ: по его словамъ, въ 1371 г. явился въ Кестендилъ къ Лалашахину независимый Болгарскій князь Константинъ съ подарками и ключами этой крѣпости и добровольно изъявилъ готовность покориться султану; обязавшись платить ему опредѣленную дань, онъ остался спокойнымъ обладателемъ своихъ земель, въ качествѣ вассала султана. Въ болгарскихъ лѣсеняхъ (сб. Миладиновыхъ, № 90, стр. 130—136) Костадинъ представляется простымъ гайдукомъ. О братѣ его, Драгашѣ, говоритъ Халкондила (19, 25): онъ вѣстѣ съ Богданомъ, владѣтелемъ прибалканскихъ странъ, также покорился султану и обязался платить дань и помогать ему войскомъ (1374 г.). Свѣдѣнія о потомкѣ Мичи, Алексѣѣ Асепѣ, заимствованы г. Иречкомъ у Гопфа (LXXXVI, 21), о византійскихъ дѣлахъ (Юаннѣ V и Андроникѣ IV) у Цинксайзена (I, 237) и Гопфа (LXXXVI, 27 — 28) и на-

конецъ о деспотѣ Добротичѣ (стр. 301, 316—317) также у Гопфа (28). О Добротичѣ упоминаеть и г. Дриновъ (Истор. прегл. на Вълг.-та църква, стр. 101); и какъ оказывается, у него заимствовалъ г. Иречекъ производство мѣстнаго названія Добруджа: „Споменува се и четвърти самовластенъ правитель въ България, Добричъ, отъ кого то казватъ и сегашна-та Добруча да е получила названіе то си“. У него же (Нови паметници за историята на България въ (кн. Период. Спис.) если не у Гопфа (стр. 28), заимствовано указаніе на торговый договоръ Иванка, сына Добротича, съ Генуэзцами 1387 года, а г. Дриновъ, въ свою очередь, узналъ объ этомъ договорѣ отъ насъ въ бытность въ Неаполѣ въ 1870 году. Жаль, что г. Иречекъ не сообщилъ содержанія этого договора, тѣмъ болѣе что изданіе Сильвестра де Саси (*Pièces diplomatiques tirées des Archives de la Rép. de Gènes*, въ *Mém. de l'Acad. d. inscript.*, VII, и *Notices et extraits*, XI) доступно весьма немногимъ.

И въ этой главѣ есть много лишняго, не относящагося къ исторіи Болгаріи, какъ можно видѣть изъ вышеназложеннаго.

Этою главой оканчивается исторія втораго Болгарскаго царства. Читатель, терпѣливо и внимательно слѣдившій за нашимъ разборомъ, вѣроятно и на этотъ разъ признаеть приговоръ г. Дринова о г. Иречкѣ поверхностнымъ и пристрастнымъ.

Въ началѣ XXIII-й главы г. Иречекъ говоритъ со словъ Рачкаго (*Pokret na slavenskom judu koncem XIV i početkom XV stoljca* въ *Zagrebskomъ Радѣ*, II—IV) о юго-славянскомъ союзѣ противъ Угровъ и Турокъ, во главѣ котораго стоялъ Воснійскій краль Тврдко; потомъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о раздорахъ братьевъ Страшиміра и Шишмана и о войнѣ послѣдняго съ Волохами; затѣмъ переходитъ къ разказу о завоеваніи Турками Софіи (1382 г.) на основаніи турецкихъ извѣстій, напечатанныхъ въ *Mémoires de l'Acad. des Inscriptions* VII, 1) не обративъ вниманія на Сеадедина (стр. 120) по словамъ котораго занятію Софіи предшествовало завоеваніе румелийскимъ беглербегомъ, Тимурташемъ, Прилѣва и Монастыря (1381 г.), а Софія была взята военною хитростью послѣ двухлѣтней осады. Далѣе г. Иречекъ заимствуетъ у Гопфа (LXXXVI. 43) и Гана (*Reise durch die Gebiete des Drin und Wardar* 316—317) свѣдѣнія объ албанскихъ дѣлахъ и у Ципкейзена (I, 230—231, 250—251), о сербскихъ: слѣдуя разказу Ципкейзена о взятіи Ниша Турками, г. Иречекъ принимаетъ показаніе сербскихъ лѣтописей о годѣ этого событія (1386) и отвергаетъ показаніе Сеадедина (1375); что же ка-

сается битвы при Плочниѣ у р. Топлицы, то какъ сербскія, такъ и турецкія лѣтописи относятъ ее къ 1387 году. Точность и добросовѣстность Сеадеддина въ разказѣ о пораженіи Турокъ у Топлицы (стр. 134—135) и обстоятельность въ сказаніи о взятіи Ниша (стр. 111—113) ручаются за его достовѣрность, а въ такомъ случаѣ слѣдуетъ 1375 г. предпочесть 1386 году, тѣмъ болѣе, что показаніе турецкаго лѣтописца согласно съ показаніемъ Византіяда Халкондилы (стр. 18) о времени, когда Шишманъ признавалъ себя вассаломъ султана: по его словамъ, Шишманъ покорился Туркамъ одновременно съ Драгашемъ и Вогданомъ, то-есть, въ 1374 году (стр. 19, 25), а по свидѣтельству Сеадеддина (стр. 113), это случилось послѣ взятія Ниша (1375 г.). Такъ какъ опредѣленіе года, когда былъ взятъ Турками Нишъ, весьма важно и для болгарской исторіи, то мы нѣсколько остановимся на этомъ вопросѣ. Прежде всего приведемъ разказъ Сеадеддина.

Послѣ завоеванія Турками Самокова съ горнымъ проходомъ черезъ Балканы (1366 г.) Сербы безпрестанно ихъ тревожили, желая вытѣснить ихъ изъ столь важнаго стратегическаго пункта. Чтобы положить этому копецъ, султанъ Мурадъ рѣшился предпринять походъ въ Сербію. При приближеніи его войскъ, Лазарь бѣжалъ во внутрь своего королевства, унося съ собою свои сокровища, опустошая страну и принуждая жителей искать спасенія въ крѣпостяхъ и горахъ. Многочисленное турецкое войско, вступивъ въ совершенно опустошенную страну, терпѣло страшный недостатокъ въ сѣвѣстныхъ припасахъ. Къ тому же приближалась зима. Для спасенія своего войска Мурадъ рѣшился овладѣть сильно укрѣпленнымъ Нишемъ, въ которомъ находились часть войскъ Лазаря, его сокровища и огромные запасы провіанта. Тотчасъ началась осада. Сербы въ отчаяніи защищались какъ львы. Множество воиновъ пало съ обѣихъ сторонъ; но наконецъ сила Турокъ взяла верхъ, и послѣ 25-ти дневной осады Нишъ былъ въ ихъ рукахъ. Тогда Лазарь пришелъ въ отчаяніе и отправилъ къ султану посольство съ богатыми дарами и съ просьбой о мирѣ, на что Мурадъ легко согласился подъ слѣдующими условіями: 1) Лазарь признаетъ надъ собою верховенство султана, 2) платитъ ему ежегодную дань въ 1,000 фунтовъ серебра и 3) поставляетъ ему въ помощь тысячу всадниковъ. Лазарь заплатилъ дань за три года впередъ. Нишъ остался въ рукахъ Турокъ, былъ вновь укрѣпленъ и получилъ сильный гарнизонъ. Смущенный такимъ исходомъ сербско-турецкой войны, Болгарскій король Шиш-

манъ, опасаясь вторженія Мурада въ Болгарію, добровольно покорился ему. Онъ обязался помогать Султану войскомъ и подъ этимъ условіемъ остался спокойнымъ обладателемъ своихъ земель; для скрѣпленія же взаимной дружбы онъ отдалъ сестру свою въ жены Мураду (Zinkeisen, I, 230—232).

Такимъ образомъ легко объясняется поводъ, по которому Шишманъ призналъ себя турецкимъ вассаломъ: послѣ пораженія Сербовъ при Марицѣ (1371 г.) и взятія Ниша (1375.) Шишману ничего другаго не оставалось, какъ послѣдовать примѣру Лазаря. Въ это время Турки стали сосѣдями Болгаръ не только съ юга, но и съ запада: имъ принадлежали Самоковъ, Ихтиманъ (подъ Софіей, съ 1366 г.) и Нишъ. Подобнаго повода не было въ 1365 году, къ которому, неизвѣстно на какихъ основаніяхъ г. Иречекъ относитъ начало вассальныхъ отношеній Шишмана къ Туркамъ.

Что до 1375 года, считаемъ не основательнымъ возраженіе г. Иречка: „Годъ 1375, находящійся въ турецкихъ источникахъ, уже по причинамъ топографическимъ подозрителенъ, такъ какъ Турки врядъ ли могли удержать за собою Нишъ, не имѣя Софіи“ (стр. 321, прим. 2). Г. Иречекъ не принимаетъ во вниманіе, что Турки владѣли Самоковомъ, отъ котораго идетъ прямой путь къ Нишу помимо Софіи, что подъ Софією въ ихъ рукахъ былъ Ихтиманъ, гарнизонъ котораго могъ во всякое время противодѣйствовать опаснымъ для Турокъ движеніямъ изъ Софіи, и что наконецъ взятіе Ниша было дѣломъ случая или необходимости, а не заранѣе предначертаннаго плана похода: Турки, беззаконные въ Самоковѣ Сербамъ, погнались за обратившимся въ бѣгство Лазаремъ по тому самому пути, по которому онъ ушелъ съ своимъ войскомъ, а недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ въ странѣ, разоренной самими Сербамъ, привелъ ихъ подъ стѣны Ниша, въ которомъ находились большіе запасы продовольствія и кромѣ того богатая добыча. На возвратномъ пути Мурадъ могъ подумать и о занятіи Софіи для большаго обезпеченія гарнизона въ Нишѣ, и что онъ дѣйствительно объ этомъ подумалъ, видно изъ того, что Турки, какъ говоритъ самъ г. Иречекъ, „въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ старались пріобрѣсти городъ Софію“ (320).

Противъ 1386 года говоритъ слѣдующее соображеніе: Нѣтъ никакого вѣроятія, чтобы перетрусившій въ этомъ году Лазаръ и уплатившій султану дань за три года впередъ, нашелъ въ себѣ столько мужества, столько средствъ въ своемъ государствѣ и столько времени въ своемъ распоряженіи, чтобы въ слѣдующемъ году въ союзѣ

съ Тврдкомъ выставить противъ Турокъ 30,000 войска и разбить ихъ на голову. Такія предпріятія не такъ-то скоро совершаются. А между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что битва на берегахъ Топлицы происходила въ 1387 году, что Турки потерпѣли страшное поражение и что изъ ихъ двадцатитысячнаго войска спаслось бѣгствомъ едва 5,000, по сознанію самаго Сеадедина.

И такъ, придется сдѣлать въ хронологическомъ порядкѣ у г. Иречка слѣдующую перемену: въ 1375 году Турки взяли Нишъ, послѣ чего Лазарь и Шишманъ признали себя вассалами султана; въ 1382 году была завоевана ими Софія, а въ 1387 они были разбиты у Топлицы.

Завоеваніе Болгаринъ Али-пашею (1388 г.) г. Иречекъ изложилъ по Цинкейзену (I, 251—255), повторивъ даже его сожалѣніе, въ измѣненномъ, конечно, по-своему видѣ, объ односторонности турецкихъ извѣстій и объ отсутствіи другихъ источниковъ.

Знаменитая Косовская битва (1389 г.) описана г. Иречкомъ безтолково и невѣрно, между тѣмъ какъ мы имѣемъ подробное ея описаніе въ турецкихъ лѣтописяхъ (Нешри у Врчича, стр. 31—89, Сеадединъ по перев. Братутти, стр. 142—156 и по пересказу Цинкейзена I, 255—264, кратко въ *Annales Sultanorum Leunclavii* стр. 317) и любопытныя извѣстія о ней у Византійцевъ—Дуки (сар. III, р. 11 sqq., срв. итал. перев., стр. 352—355) и Халкондилы (*lib. II, р. 27, lib. III, р. 31, ed. Paris*). Салтая неумѣстнымъ распространяться здѣсь объ этой битвѣ, какъ не принадлежащей къ болгарской исторіи, пожелаемъ, чтобы кто-нибудь изъ молодыхъ славистовъ занялся критическимъ изслѣдованіемъ этого важнаго вопроса и отдѣлилъ въ немъ разъ навсегда сказочный элементъ отъ историческаго. Не будемъ исправлять неточностей въ разказѣ о Степанѣ Лазаревичѣ и Вукѣ Бранковичѣ (стр. 324—325) по той же самой причинѣ, и замѣтимъ только, что изъ характеристики Баязета, представленной Цинкейзеномъ (I, 380—386), г. Иречекъ выбралъ только одну дурную черту—его сладострастіе, повторивъ слова Дуки (сар. XV, р. 30), писателя не отличающагося безпристрастіемъ и достовѣрностью. Далѣе (стр. 325—326) г. Иречекъ говоритъ о войнѣ Турокъ съ Уграми и Волохами по Цинкейзену (I, 272, 284), Рёслеру (306—308) и Рачкому (*Rud. III, 108, 125*), а о завоеваніи Турками Трнова (1393 г.) передаетъ легендарный разказъ извѣстнаго Григорія Цамблака (*Гласникъ XXXI, 280—286*), дополняя его извѣстіями изъ сербскихъ и русской (Никоновской) лѣтописей и болгарскими народными преда-

ніями, записанными братьями Миладиновыми, Захаріевымъ, Гитовымъ, Даскаловымъ и Пансіемъ (стр. 327—332). Основанный на такихъ источникахъ, патетическій разказъ г. Иречка имѣетъ весьма мало историческаго значенія, и намъ приходится довольствоваться прежними скудными свѣдѣніями объ окончательномъ покореніи Болгаріи Турками и о судьбѣ Шишмана и его семейства (Zinkeisen, I, 284—5). О неудачномъ посольствѣ Сигизмунда къ Баязету и о походѣ его въ Болгарію (стр. 333—5) мы не будемъ распространяться и замѣтимъ только, что г. Иречекъ пользовался при описаніи этихъ событій подробнымъ разказомъ Цинкейзена (I, 286—309) и краткимъ Рачкаго (Rad, IV, 10—12), оставляя въ сторонѣ многочисленные источники (изъ Византійцевъ—Франца, lib. I, с. XIV, pp. 58—60, XXVI, 81—83, Дюка, с. XIII, pp. 46—53, и Халкондила, pp. 36—40; изъ угорскихъ лѣтописцевъ—Турочъ, Pars IV, сс. VI, VIII, pp. 219, 221—222 и Бонфини, Decad. III, lib. 2, изъ турецкихъ—Сеадеддинъ 181—186 и Annales sultanorum, 318, изъ Французовъ—Bouciquaut, Фруасаръ и анонимный биографъ Карла VI, изъ Нѣмцевъ—Шялтбергеръ). Что касается мѣста пораженія Сигизмунда, то уже Рачкій указалъ на Великій Никополь, а не на Малый, хотя г. Иречекъ и говоритъ, что „до сихъ поръ ошибочно искали мѣсто сраженія у Малаго Никополя на Дунаѣ“ (стр. 335).

И такъ оказывается, что эта глава изложена преимущественно по Цинкейзесу съ нѣкоторыми дополненіями изъ Гофа, Рёслера, Гана и Рачкаго. Самостоятельнаго труда г. Иречка мало: о завоеваніи Софіи (стр. 320), о покореніи Трнова и судьбѣ Шишмана (327—332) и нѣсколько мелкихъ извѣстій и замѣчаній; всего страницъ 6 или 7 изъ 18, составляющихъ XXIII-ю главу, а изъ этихъ 6—7 страницъ 5 — о Трнонѣ и Шишманѣ не имѣютъ научнаго значенія. Исключивъ эти 5 страницъ изъ 18, получимъ въ остаткѣ 13, изъ коихъ на 8 разказывается о событіяхъ, не относящихся къ болгарской исторіи, на которую такимъ образомъ приходится страницъ 5. Сравнивая изложеніе г. Иречка съ трудами его предшественниковъ, изъ которыхъ онъ черпалъ свѣдѣнія, увидимъ, что послѣдніе гораздо полнѣе и обстоятельнѣе, и что г. Иречекъ очень далеко отъ мастерской ясности и полноты.

Заглавіе XXIV-й главы — „Болгарія въ XV столѣтіи“ — не соотвѣтствуетъ содержанію: въ ней о Болгаріи найдется только нѣсколько строкъ, за исключеніемъ неумѣстно подробнаго разказа о перенесеніи мощей св. Іоанна Рыльскаго изъ Трнова въ Рыльскій монастырь

(1469 г., стр. 349—351), все же остальное относится къ исторіи Турціи, Угріи, Сербіи и Валахіи. Источниковъ для описываемыхъ въ этой главѣ событій много (изъ Византійцевъ Дука, Франца и Халкондила, изъ Угровъ — Турочъ и Вонфини, изъ польскихъ лѣтописцевъ Каллимахъ и Длугошъ, изъ турецкихъ—Сеадеддинъ и Appales Sultanogum и т. д.), по кромѣ сербскихъ и отчасти румынскихъ, г. Иречекъ ими не пользуется и разказъ свой основываетъ почти исключительно на Цинкейзенѣ. Извѣстія, сообщаемыя имъ о Болгаріи, ограничиваются тѣмъ, что сыновья Шишмана принимали участіе въ междоусобицѣхъ Турокъ и волновали бояръ и мѣщанъ въ Болгаріи, хотя совершенно безуспѣшно. Судя по заглавію, мы ожидали, что авторъ представитъ намъ состояніе Болгаріи въ первый вѣкъ турецкаго владычества, что онъ намъ покажетъ, какія перемены произошли въ ней вслѣдствіе турецкаго завоеванія, а онъ занимаетъ насъ или пустяками, или же неподходящими дѣлами. Въ лекціяхъ нашихъ, напечатанныхъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1872 г., ч. CLXIII, мы старались, на сколько было намъ возможно, уяснить этотъ вопросъ на основаніи преимущественно неизданныхъ италіанскихъ памятниковъ; но г. Иречекъ не воспользовался сообщенными нами свѣдѣніями, не подлежащими никакому сомнѣнію, потому что они не подходятъ подъ его кругозоръ: какъ воспитанникъ западно-славянской школы, проповѣдующей, что виновниками всѣхъ бѣдствій Славянъ были ихъ сосѣди, онъ не можетъ освоиться съ мыслию, что Болгарамъ подъ турецкимъ владычествомъ въ первые два вѣка (XV и XVI) было гораздо лучше, чѣмъ подъ властью послѣднихъ своихъ царей, съ чѣмъ вполне соглашается съ нами просвѣщенный болгарскій патриотъ М. С. Дриновъ, котораго такъ высоко ставитъ г. Иречекъ, не знающій, къ сожалѣнію, какая разница между Турками XV и XIX вѣка. Ему недостаетъ столь необходимыхъ для историка объективности и безпристрастія, противъ которыхъ онъ грѣшитъ всякій разъ, какъ зайдетъ рѣчь о Туркахъ.

XXV-я глава озаглавлена: „Древнеболгарская государственная и культурная жизнь въ XII—XV столѣтіяхъ“ (слѣдовало бы: въ XII—XIV, 1186—1398 г.). Это, по нашему мнѣнію, самая любопытная и наиболѣе самостоятельная глава во всей книгѣ г. Иречка; но мы не раздѣляемъ увлеченія г. Дринова, который говоритъ, что еслибы г. Иречекъ написалъ хоть эту только главу, онъ и тогда принесъ бы большой вкладъ въ славянскую науку (стр. 224). Въ этой главѣ, на 46 страницахъ, онъ излагаетъ внутреннюю исторію втораго Болгар-

скаго, или какъ онъ выражается, Трновскаго царства: у предшественниковъ г. Иречка встрѣчаются только нѣкоторыя отрывочныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, онъ же изложилъ систематически цѣлый рядъ вопросовъ, относящихся къ устройству государства и церкви въ Болгаріи въ XII—XIV вѣкахъ. За такой трудъ нельзя не поблагодарить г. Иречка, хотя и въ немъ встрѣчаются ошибки, промахи и недомолвки; такъ на примѣръ Болгаре никогда не знали (а не съ XIII—XIV вѣка) жупъ и жупановъ, равно какъ и бановъ; притворное бѣгство, какъ родъ военной тактики, напрасно г. Иречекъ приписываетъ Куманамъ (Половцамъ): свидѣтельство Маврикія не допускаетъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія, о военномъ искусствѣ и торговлѣ Болгаръ, особенно съ Дубровчанами, можно сообщить болѣе обстоятельныя свѣдѣнія; путевыя наблюденія Никифора Григоры (lib. VIII, с. 14), отправленнаго Андроникомъ Старшимъ къ Степану Дечанскому въ качествѣ посла (1326 г.), стоило бы сообщить въ дословномъ переводѣ и т. д.

Въ XXVI-й главѣ излагается вкратцѣ исторія староболгарской письменности (стр. 399—423). И къ этой главѣ г. Дриновъ отнесся слишкомъ благосклонно: „Кратко, но ясно и съ запіемъ дѣла сказано все, что до сихъ поръ извѣстно по этому предмету, изложена также исторія вопросовъ о происхожденіи церковно-славянскаго языка, глаголицы и кириллицы... При изложеніи апокрифической и повѣствовательной литературы сдѣлано нѣсколько важныхъ замѣчаній, за которыя будутъ ему благодарны специалисты по этой части“ (стр. 222). Посмотримъ, на сколько справедливъ такой отзывъ.

Какъ поклонникъ западно-славянскихъ ученыхъ авторитетовъ, г. Иречекъ принимаетъ послѣднее мнѣніе Шафарика и Миклошича, которыхъ называетъ лучшими знатоками славянскихъ нарѣчій, о родинѣ церковно-славянскаго языка, то-есть, что на немъ говорили Паннонскіе Славяне. Мы не можемъ считать Шафарика и Миклошича лучшими знатоками славянскихъ нарѣчій, потому что они не изучили ихъ на мѣстѣ, какъ на примѣръ, И. И. Срезневскій, а черпали свои свѣдѣнія изъ книгъ. Доказательствомъ ихъ малаго знакомства съ живымъ болгарскимъ нарѣчіемъ служитъ изобрѣтенный ими паннонскій языкъ, отличительную черту котораго составляетъ правильное употребленіе носовыхъ, которые будто бы издревлѣ произносились глухо (какъ ѣ) на Балканскомъ полуостровѣ. На это замѣтимъ, что носовое произношеніе юсовъ до сихъ поръ сохранилось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Македоніи, на примѣръ, въ Корчѣ и Ва-

боштицѣ на югъ отъ Витоля и Охридскаго озера (мъндръ, бѣдешъ,— Григоровича, Оч. путеш. по Европейской Турціи), и въ Костурскомъ округѣ (М. С. Дриновъ въ Період. Спис. XI—XII, 163—4, приводитъ слѣдующіе примѣры—для љ: *седи си мъндро, зѣмбите ме боли, гѣмби*,—для љ: *много рендове, йензико ме боли, гренда, сто и пендесе*); что правильное различеніе носовыхъ не составляетъ исключительной особенности нѣкоторыхъ македонскихъ говоровъ: оно существовало въ седмиградскомъ говорѣ болгарскаго нарѣчія еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, какъ очень хорошо извѣстно Миклошичу, назвавшему этотъ говоръ *Altbulgarisch* (*Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen von Fr. Miklosich* въ *Denkschriften der K. Akad. Wissensch. Wien* 1856, VII Bd.), существовало въ старину на всемъ пространствѣ, на которомъ говорили по болгарски, какъ видно изъ собственныхъ именъ, личныхъ и мѣстныхъ, встречающихся у Византийцевъ, передававшихъ љ черезъ *ov*, а љ черезъ *ev*, и притомъ существовало въ народѣ гораздо дольше (есть примѣры конца XIII вѣка), чѣмъ въ письменныхъ памятникахъ, въ которыхъ всы смѣшиваются уже съ XI вѣка, хотя такое смѣшеніе можно считать скорѣе признакомъ правописанія, чѣмъ языка. Другой паннонизмъ, по Шафарику, смягченіе *t* въ *шт*, *d* въ *жд* есть отличный признакъ болгарскаго нарѣчія. Что же касается приводимыхъ имъ яко бы паннонскихъ словъ (*Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus*, S. 32—43), то нѣкоторыя изъ нихъ употребляются и въ памятникахъ болгарскаго письма, другія составляютъ провинціализмы (смотря по мѣсту написанія глагольскихъ памятниковъ, въ Хорватіи, у Хорутанскихъ Словенцевъ и т. д.) и наконецъ третья заимствованы изъ иностранныхъ языковъ. Такимъ образомъ оказывается, что измышленный Шафарикомъ и Миклошичемъ паннонскій языкъ есть древнее болгарское нарѣчіе. Достоинно замѣчанія, что изобрѣтеніе паннонизма совпадаетъ съ новою теоріей Шафарика о происхожденіи глаголицы и кириллицы, теоріи, произведшей расколъ въ славянскомъ мірѣ въ то время, когда всѣ Славяне готовились соединиться въ празднованіи памяти своихъ первоучителей. Поэтому пѣтъ ничего удивительнаго, что обѣ теоріи нашли себѣ поддержку въ членѣ австрійскаго рейхсрата Миклошичѣ, въ каноникѣ Рачкомѣ, орудіи извѣстнаго бискупа Штросмайера, и нѣкоторыхъ другихъ западно-славянскихъ ученыхъ.

Слѣдуя Шафарику, г. Иречекъ утверждаетъ, что „Константинъ и Меодій переводили св. Писаніе въ Панноніи“ (стр. 403), между

тѣмъ какъ по ясному свидѣтельству паннонскихъ житій, часть перевода была сдѣлана до отправленія ихъ въ Моравію. Что касается сотрудничества въ этомъ дѣлѣ Паннонцевъ, то оно ограничивалось перепискою перевода Меодія, какъ доказывается чистотою того языка и свидѣтельствомъ Житія: „отъ ученикъ своихъ посажъ два попы скорописца зѣло, преложи въ бързѣ вся книги испълнь, развѣ Макавѣи, отъ греческа языка въ словѣнскѣ шестію мѣсяцъ“. Приводя эти слова, Д. И. Иловайскій (Ровнск. о нач. Руси, стр. 143), весьма остроумно замѣчаетъ: „Уже самое указаніе на время, то-есть, на шесть мѣсяцевъ, и на скоронисъ исключаетъ всякое вѣроятіе, чтобы тутъ шла рѣчь собственно о переводѣ почти всего священнаго Писанія“.

Принятая г. Иречкомъ теорія Шафарика о происхожденіи кириллицы и глаголицы, по которой св. Кирилль (Константинъ) былъ изобрѣтателемъ глаголицы, а св. Климентъ, ученикъ Меодія († 916), изобрѣлъ кириллицу, была въ свое время подробно и основательно разобрана г. Викторовымъ (въ Лѣтопис. Русск. литер., II—III) и Гильфердингомъ (о Кириллѣ и Меодіѣ сначала въ Днѣ 1862 г. и потомъ въ Полн. собр. сочин., т. I, стр. 315 — 329), а потому было бы излишне останавливаться на ней. По нашему мнѣнію, лучшимъ опроверженіемъ теоріи Шафарика служатъ слѣдующія лингвистическія данныя, указанныя уже Гильфердингомъ: діалектическія особенности древнихъ кирилльскихъ памятниковъ встрѣчаются въ Македоніи, глагольскихъ—у Хорватовъ и Хорутанскихъ Словенцевъ, у которыхъ Кирилль никогда не былъ. Кромѣ того, въ глаголицѣ есть одна лишняя буква дервь, обозначающая особое смягченіе звука *d*, которое составляетъ одну изъ особенностей сербско-хорватскаго нарѣчія, и наоборотъ, въ кириллицѣ *s* указываетъ на отличное отъ *z* произношеніе этого звука, а такое произношеніе (*dž*) существуетъ до сихъ поръ въ македонскомъ говорѣ болгарскаго нарѣчія; такъ, въ пѣсняхъ, напечатанныхъ съ точнымъ соблюденіемъ мѣстнаго говора въ Период. Спис., XI—XII, читаемъ: си се найде на юпачк нодзи (стр. 162), сѣс дзвезди го редеше (стр. 173), я додай ми ключи отковчедзи (стр. 174). Слѣдовательно, глаголица не могла быть изобрѣтена Кирилломъ или кѣмъ-либо изъ Болгаръ, и наоборотъ, кириллица могла быть изобрѣтена только для Болгаръ. Что кириллица была изобрѣтена Кирилломъ, и что св. Климентъ никакой азбуки не изобрѣталъ, поставлено Гильфердингомъ внѣ всякаго сомнѣнія. Что касается года ея изобрѣтенія, то и въ этомъ случаѣ мы согласны съ Гильфердин-

гомъ (855 г.), находя доказательства Бодянского (О времени происхожденія славянскихъ письменъ) въ пользу 862 года слишкомъ натянутыми. Изъ разнообразныхъ мнѣній о происхожденіи глаголицы (кроме западно-славянскихъ, указанныхъ г. Иречкомъ, Прейса въ Журн. Мин. Нар. Проѣсв. 1843, № 3, Григоровича—тамъ же 1847, № 7, 1852, № 3, Срезневскаго тамъ же 1848, № 7, въ Извѣст. II Отд. Ак. Н. т. I, стр. 353 и слѣд. и въ предисловіи къ Глагольск. памятнику.) считаемъ самымъ правдоподобнымъ мнѣніе Прейса, которое можно формулировать такъ: для поддержанія славянскаго богослуженія, осужденнаго и запрещеннаго въ Хорватіи помѣстнымъ соборомъ 925 года, была придумана новая азбука—глагольская, не похожая на греческую и представлявшая родъ тайнописи, доступной немногимъ и потому разрѣшенной папою.

Г. Иречекъ, игнорируя изслѣдованія русскихъ ученыхъ и безусловно подчиняясь теоріи Шафарика и Миклошича, оказалъ плохую услугу славянскому міру.

Здѣсь встаетъ припомнить, что въ нашей ученой литературѣ въ послѣднее время появилось новое мнѣніе о происхожденіи славянской азбуки. И. И. Срезневскій на первомъ археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ 1869 году указывалъ, что письмо древнѣйшихъ славянскихъ рукописей (уставъ) соответствуетъ греческому письму VI—VII вѣковъ, а не IX—X, когда господствовала у Грековъ скоропись съ надстрочными знаками и знаками препинанія, которыхъ въ славянскихъ рукописяхъ нѣтъ; при этомъ онъ замѣтилъ, что, говоря объ изобрѣтеніи славянской азбуки, не слѣдуетъ упускать изъ виду сказанія Панпонскаго житія о русскихъ письменахъ, найденныхъ Кирилломъ въ Корсуни (Труды археол. съѣзда т. I, стр. СХV). Отсюда г. Иловайскій (Разыск. о нач. Руси, стр. 142—155) заключилъ, что славянскія письмена существовали въ Корсуни задолго до Кирилла, и что, слѣдовательно, ложно приписывается ему ихъ изобрѣтеніе. Въ своихъ умозаключеніяхъ онъ пошелъ еще дальше: онъ допустилъ одновременное существованіе двухъ азбукъ у Славянъ—кириллицы у восточныхъ и глаголицы у западныхъ (стр. 147). „Мы можемъ предположить“, говоритъ нашъ почтенный историкъ,—„что Дунайскіе Волгаре нашли его (глагольскій алфавитъ) у Иллирійскихъ и Мизійскихъ Славянъ, которыхъ они отчасти покорили въ VI—VII вѣкахъ. Между этими послѣдними уже распространилось христіанство, и очень вѣроятно, что у нихъ уже существовали начатки переводовъ Св. Писанія на славянскій языкъ, написанныхъ именно глагольскими знаками.

Но впоследствии глаголица у Волгарь была вытѣснена такъ называемою кириллицей. Откуда же взялась послѣдняя? Полагаемъ, что это былъ восточно-славянскій алфавитъ, именно тотъ, которымъ были написаны русскія книги, найденныя въ Корсуни" (стр. 148). Все это только предположенія, которыя будутъ имѣть научное значеніе тогда, когда будутъ основаны на чемъ-либо болѣе прочномъ, чѣмъ личныя соображенія, находящіяся въ противорѣчьи съ положительно извѣстными намъ фактами: такъ изъ Византійцевъ мы знаемъ, что Славяне, крещенные греческими миссіонерами, употребляли греческую азбуку, а крещенные римскими миссіонерами, — латинскую, а слѣдовательно, не имѣли своей азбуки. Христіанство въ Корсунь могло проникнуть только изъ Византіи, и потому тамъ была въ употребленіи греческая азбука, которую мы понимаемъ подъ роушьскими письмецы, какъ нѣкогда понималъ и И. И. Срезневскій (въ изслѣдованіи о славянскихъ письменахъ): обращая вниманіе на необычную форму роушскій или роушьскій, предпологаемъ незначительную и весьма возможную при переписываніи ошибку (швм. м) и читаемъ роумьскій, а у восточныхъ народовъ Византіи называлась Румъ (Roma); слѣдовательно, роумьскій то же, что византійскій, греческій (такое названіе отъ Хазаръ могло перейти къ нимъ подданнымъ Славянамъ, которые называли наместовавшими изъ Византіи, и можетъ быть, уже значительно измѣненныя, письмена роумьскими). Что касается палеографическихъ признаковъ, указанныхъ заслуженнымъ нашимъ славистомъ, то мы будемъ ждать дальнѣйшихъ разъясненій и ограничимся пока двумя только замѣчаніями: 1) Гильфердингъ говорить, что письмо древнихъ кирилльскихъ памятниковъ не отличается отъ греческаго письма первыхъ трехъ четвертей IX вѣка, и 2) начертанія отдѣльныхъ буквъ кириллицы сходны съ начертаніями греческихъ въ написаніяхъ конца IX вѣка, какъ видно изъ Палеографическихъ наблюденій по памятникамъ греческаго письма И. И. Срезневскаго, I—II, стр. 46—52.

На слѣдующихъ четырехъ страницахъ (стр. 406—410) сообщаются общезвѣстныя свѣдѣнія о трудахъ Кирилла и Меодія, святыхъ семичисленниковъ и писателей вѣка Симсона. Эти страницы написаны довольно небрежно, какъ можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: св. Кириллу приписано „Слово“ епископа Копстантіана; труды этого послѣдняго обозначены неточно; упоминаемый въ переводѣ словъ Аванасія Александрійскаго Тудоръ черноризецъ Доксовъ смѣшанъ съ Дуксомъ черноризцемъ (Борисомъ) у Иоанна экзарха Болгарскаго, изъ трудовъ котораго упомянуты только Богословіе Дамас-

кина и Шестодневъ, и то не точно; библиографическая часть не полна (нѣтъ, напримѣръ, указаній на извѣстный трудъ Филарета о Кириллѣ и Меѳодіѣ, на изслѣдованіе Палаузова о вѣкѣ Болгарскаго царя Симеона) и т. п.

На стр. 410—411 говорится о распространеніи старославянскаго языка. Здѣсь русскій читатель найдетъ курьезъ: „до прошлаго столѣтія „словенскій языкъ“ былъ церковнымъ и государственнымъ языкомъ у Сербовъ, Русскихъ, Болгаръ и даже у Румуновъ. На старославянскомъ языкѣ не только отправлялась церковная служба ¹⁾, но писались грамоты, законы и лѣтописи“. При такомъ знаніи дѣла (такъ переводимъ выраженіе г. Дринова „вѣщо“) г. Иречекъ можетъ, по примѣру Поляковъ, считать Слово о Полю Игоревѣ произведеніемъ польской, а не русской литературы.

Другой курьезъ въ русскомъ переводѣ параграфа о православной литературѣ 925—1186 г. (стр. 411): „Немного позже Космы жилъ Афанъ Іерусалимскій“... а въ примѣч. 3: „Афанъ писалъ также „О громовой стрѣлѣ“ (понимай: „Слово о наузѣхъ и о стрѣлцѣ громнѣй“). По сличеніи съ нѣмецкимъ подлинникомъ, этотъ никому невѣдомый Афанъ оказывается Аѳанасіемъ, монахомъ Іерусалимскимъ (der Mönch Athanas von Jerusalem), о трудахъ котораго говоритъ г. Голубинскій на стр. 709.

Обширная и чрезвычайно любопытная богомилская письменность изложена на 4 страницахъ (412—415). Этотъ параграфъ не лучше предыдущихъ. Г. Иречекъ отрицаетъ народный болгарскій элементъ въ богомилской письменности и увѣряетъ, что всѣ апокрифы были занесены въ Болгарію исключительно изъ Византіи вскорѣ послѣ принятія христіанства; далѣе онъ говоритъ, что „Богомилъ составилъ сборникъ апокрифовъ въ шести книгахъ, переведенныхъ цѣликомъ съ греческаго“; въ легендѣ о Провѣ, переведенной съ латинскаго, онъ находитъ намекъ на святость южнославянскаго побратимства и т. п. И въ этомъ параграфѣ встрѣчаемъ невѣрный переводъ: „Сочиненіе это (хожденіе Богородицы по мукамъ) важно по тѣмъ заключеніямъ, которыя можно изъ него сдѣлать относительно языческихъ Славянъ“ (Wichtig sind die Interpolationen z. B. über die heidnischen Slawen).

Также поверхностно изложена обширная литература средневѣковыхъ повѣстей и сказокъ (на 2 стран.). Забыты Житіе Девге-

¹⁾ Въ русскомъ переводѣ пропущено: *«und geistliche Bücher geschrieben»*.

ніево Акриты и Сказаніе объ Индіи богатой; не указаны слѣды народныхъ болгарскихъ повѣстей; не извѣстны автору русскія изданія этихъ повѣстей и замѣчательное изслѣдованіе профессора Веселовскаго, (Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ) и т. д. Важныхъ замѣчаній, за которыя, по словамъ г. Дринова, будутъ благодарны г. Иречку специалисты, мы не нашли ни въ этомъ, ни въ предыдущемъ параграфѣ.

Въ 11 параграфѣ подъ заглавіемъ „Литература Трновскаго царства (1186—1398)“ говорится преимущественно объ исторической литературѣ. Къ сожалѣнію, г. Иречекъ едва упоминаетъ о житіяхъ, а между тѣмъ въ нихъ встрѣчаются любопытныя историческія свѣдѣнія; такъ, напримѣръ, въ Житіи св. Петки (Гласникъ VIII) говорится объ Іоаннѣ Асѣнѣ II (стр. 134. 140) и о занятіи Константинополя Латинами (стр. 140), въ Житіи преподобнаго Иларіона, епископа Могленскаго. (Starine, I)—объ Іоаннѣ I или Калоянѣ (стр. 83) и о сильномъ распространеніи богомилства на Балканскомъ полуостровѣ (стр. 69, 75 и 81) и т. д. Изъ Житій свѣтскихъ людей имѣется Житіе князя Стрегана (Гласникъ, VIII, 144—6) или Стрѣза, называемаго Никитою Хонскимъ *Χρονος*. Указанія на существованіе болгарскихъ лѣтописей заимствованы изъ изслѣдованія В. Качановскаго о сербскихъ житіяхъ и лѣтописяхъ (Слав. Сборн., т. III, стр. 216, прим. 2), хотя г. Иречекъ объ этомъ умалчиваетъ. Къ двумъ указаніямъ г. Качановскаго, изъ которыхъ одно заимствовано у Григоровича, а другое изъ нашихъ лекцій, присоединимъ еще иныя, и вообще остановимся на этомъ еще новомъ въ наукѣ вопросѣ.

Слѣды болгарскихъ лѣтописей находятся въ русскихъ (Новгородской и Никоновской), въ которыхъ сообщаются такія свѣдѣнія о второмъ Болгарскомъ царствѣ, какихъ нѣтъ у Византійцевъ. Букарештскій номоканонъ (у Григоровича, о Сербіи, прибавл., стр. 2) и о. Паисій, авторъ „Славяно-Болгарской исторіи“, о которой скажемъ ниже, ссылаются на болгарскую лѣтопись. Когда же началось и какъ долго продолжалось лѣтописаніе въ Болгаріи?

На первый вопросъ находимъ довольно обстоятельный отвѣтъ въ черниискѣ царя Іоанна I съ папой Иннокентіемъ III (Theiner, Monumenta Slavorum Meridionalium t. I). Въ 1202 г. Болгарскій царь писалъ папѣ: „In primis petimus ab ecclesia Romana... coronam et honorem... secundum quod imperatores nostri veteres habuerunt. Unus fuit Petrus, alius fuit Samuel et alii, qui eos imperio precesserunt

sicut in libris nostris invenimus esse scriptum (№ XXVI). „На это пана отръчалъ ему: Petisti... ut coronam tibi ecclesia Romana concederet sicut illustri memorie Petro, Samuели et aliis progenitoribus tuis in libris tuis legitur concessisse. Nos ergo... regesta nostra perlegi fecimus diligenter, ex quibus evidenter comperimus, quod in terra tibi subjecta multi Reges fuerant coronati. Mandavimus quoque ipsi (legato nostro), ut de corona progenitoribus tuis ab ecclesia Romana collata tam per libros veteres quam alia documenta inquirat diligentius veritatem... (№ XXVII)“. Двумя годами позже Иоаннъ I писалъ Иннокентію III: „inquisiavi antiquorum nostrorum scripturas et libros et beate memorie imperatorum nostrorum predecessorum leges, unde ipsi sumpserunt regnum Bulgarorum et firmamentum imperiale, coronam super caput eorum et patriarchalem benedictionem, et diligenter persecutantes in eorum invenimus scripturis, quod beate memorie illi imperatores Bulgarorum et Blachorum Symeon, Petrus et Samuel et nostri predecessores coronam imperii eorum et patriarchalem benedictionem acceperunt a... Romana ecclesia“ (XIII). Срв. № XLVI: „secundum consuetudinem predecessorum meorum Imperatorum Bulgarorum et Blachorum Symeonis, Petri et Samuelis progenitorum meorum et ceterorum omnium Imperatorum Bulgarorum“. Показанія этой переписки чрезвычайно важны. Обратимъ вниманіе сначала на терминологию: libri отличаются отъ leges и составляютъ вмѣстѣ съ ними documenta и scripturae; они сопоставляются съ папскими regesta; leges (писанныя узаконенія) противопоставляются consuetudini (обычному праву). Изъ этой терминологіи видно, что documenta и scripturae было общее названіе для письменныхъ памятниковъ, имѣвшихъ въ данномъ случаѣ государственное значеніе; изъ нихъ выдѣляются libri и leges: что leges обозначало законодательные памятники, понятно всякому; но что разумѣлось подъ выраженіемъ libri? противоположеніе ихъ законодательнымъ памятникамъ и сопоставленіе съ римскими regesta (первоначально res gestae) указываетъ, по нашему мнѣнію, на то, что подъ этимъ выраженіемъ понимались лѣтописи. При словѣ libri встрѣчаемъ эпитеты veteres, antiquorum nostrorum: изъ нихъ видно, что въ самомъ началѣ XIII вѣка лѣтописи считались древними книгами, относившимися ко времени древнихъ Болгарскихъ царей. Такими не могли считаться лѣтописи времени Иоанна Асѣня I, предшественника Иоанна I (въ выраженіи Букарештскаго Номоканона: „каждо рече якоже рече Иоаннъ Асѣнь царь, иже въ лѣтописци написано“ мы разумѣемъ Старога Асѣня); время же Ви-

зантійскаго ига (1019—1186 г.) не могло благоприятствовать лѣтописанію, а потому начало мы должны отнести ко времени перваго Болгарскаго царства. Слѣдующія историческія соображенія помогутъ намъ точнѣе опредѣлить начало лѣтописанія въ Болгаріи: при узурпаторѣ Самуилѣ оно не могло начаться, потому что политическія обстоятельства (войны съ Византіей, распаденіе Болгаріи на двѣ половины) и самое происхожденіе Самуила препятствовали этому; оно не могло начаться и при Борисѣ, низложенномъ Цимисхіемъ въ 972 году, ни даже при отцѣ его Петрѣ (†968), покровительствовавшемъ Византіяцамъ въ ущербъ Болгарамъ и тѣмъ приготовившемъ паденіе своего царства; оно могло начаться только при его предшественникѣ „Книголюбцѣ“ Симеонѣ († 927). Если же обратимъ вниманіе на выраженія, употребляемыя царемъ Иоанномъ I въ письмахъ къ папѣ (особенно въ № XLIII: *antiquorum nostrorum scripturae et libri et imperatorum nostrorum predecessorum leges.. in eorum invenimus scripturis...* а далѣе указанія на Симеона, Петра и Самуила), то кажется, безошибочно можемъ принять, что лѣтописаніе, начавшееся при Симеонѣ, было продолжаемо при его преемникѣ Петрѣ и при узурпаторѣ Западной Болгаріи Самуилѣ. По всей вѣроятности, прерванное во время византійскаго ига, оно возобновилось при Асѣнѣ I и продолжалось при его преемникахъ до окончательнаго завоеванія Болгаріи Турками: это—та Трновская лѣтопись, на которую ссылался въ половинѣ прошлаго вѣка о. Паясій. Время двухъ послѣднихъ Болгарскихъ царей, Александра и Шишмана, особенно благоприятствовало лѣтописанію. Слѣды этой Трновской лѣтописи находятся въ Русскихъ: изъ нея, полагаемъ мы, заимствованъ разказъ первой Новгородской лѣтописи о взятіи Царьграда Латинами (Полн. собр. русск. лѣт., III, 26—29) разказъ отличный отъ византійскихъ и западныхъ сказаній; изъ нея же заимствованы въ Никоновской лѣтописи и хронографахъ извѣстія о второмъ Болгарскомъ царствѣ.

О нѣкоторыхъ другихъ историческихъ трудахъ Волгаръ г. Иречекъ говоритъ весьма кратко. Послѣдній параграфъ этой главы посвященъ краткому обзору трудовъ патріарха Евѣмїя и его школы.

Глава XXVII-я невѣрно озаглавлена въ русскомъ переводѣ: „Турецкое господство въ Болгаріи въ XVI—XVII столѣтіяхъ“ (*Die Türkenherrschaft in Bulgarien im XVI—XVIII Jahrhundert*); въ ней излагается исторія Болгаръ подъ турецкимъ владычествомъ до конца XVIII вѣка. Это одна изъ самыхъ любопытныхъ главъ въ книгѣ г. Иречка. Само собою разумѣется, что, за неимѣніемъ новыхъ ис-

точниковъ, авторъ долженъ былъ ограничиться тѣмъ, что уже извѣстно въ печати. Къ сожалѣнію, онъ пользовался трудами своихъ предшественниковъ не всегда критически и постоянно пристрастно, и оттого XXVII-я глава болѣе похожа на іереміаду, чѣмъ на историческій очеркъ. Не смотря на явные свидѣтельства современниковъ, онъ не дѣлаетъ различія между положеніемъ Христіанъ вообще и Болгаръ въ особенности до конца XVI вѣка и позднѣйшимъ, а подбираетъ только такія данныя, которыя изображаютъ плачевное состояніе христіанскаго населенія, и преимущественно Болгаръ, подъ турецкимъ владычествомъ. Вслѣдствіе такой тенденціозности онъ впадаетъ въ противорѣчія: такъ на стр. 425 онъ говоритъ о страшныхъ притѣсненіяхъ христіанъ Турками вообще, а на слѣдующей страницѣ читаемъ: „Въ XVI столѣтіи.... въ Турціи можно было найдти точно опредѣленныя преимущества и права, дѣятельную торговлю, богатые города, цвѣтущую промышленность, хорошія дороги и великолѣпныя постройки, господствующее Турецкое племя не было тогда, конечно, такъ безжизненно и вырождено, какъ теперь; завоеватели никогда не касались общиннаго и церковнаго самоуправленія христіанъ“. Еслибы г. Иречекъ сдѣлалъ разграниченіе въ исторіи турецкаго владычества въ Европѣ до и послѣ конца XVI вѣка, то такихъ противорѣчій не было бы: оказалось бы, что въ первый періодъ состояніе христіанъ было самое счастливое, какъ выражаются современники и позднѣйшіе писатели, хорошо знакомые съ дѣломъ, и что только съ конца XVI вѣка ихъ положеніе становится все болѣе и болѣе тяжелымъ. Слѣдовало бы обратить вниманіе также на причины, которыя произвели переворотъ въ судьбѣ христіанскихъ подданныхъ султана.

„Извѣстія объ этомъ роковомъ времени (XV—XVIII стол.)“, говоритъ г. Иречекъ, — „когда происходило столько важныхъ и коренныхъ измѣненій, въ высшей степени скудны“. Слѣдовало бы прибавить: извѣстныя въ печати. Въ италіанскихъ архивахъ и бібліотекахъ, преимущественно Венеціи и Милана, хранится множество реляцій, дневниковъ, мемуаровъ и т. п. матеріала по исторіи Турціи XVI—XVIII вѣковъ; особенно важны донесенія испанскихъ пословъ въ Константинополь и дубровницкихъ агентовъ въ Турціи; послѣднія разбѣсны по всей Италіи. Кое-что указано нами въ лекціяхъ о Болгаріи подъ турецкимъ владычествомъ въ XV и XVI вѣкахъ и въ статьѣ о Восточномъ вопросѣ (Слав. Сборн., т. III); изъ собраннаго же нами матеріала можно бы составить большой сборникъ. Кромѣ того, при нашемъ посредствѣ, было доставлено М. С. Дри-

нову изъ Флорентинскаго архива весьма значительное число памятниковъ, касающихся возстанія въ Болгаріи въ концѣ XVI вѣка.

Содержаніе XXVII-й главы отличается большимъ разнообразіемъ: за общимъ очеркомъ состоянія христіанъ подъ турецкимъ владычествомъ слѣдуетъ подробное описаніе болгарскихъ военныхъ поселеній, валашскихъ торговыхъ городовъ и дубровницкихъ факторій, затѣмъ свѣдѣнія о католикахъ въ Турціи, объ охридской церкви, о фанариотахъ, объ австрійскихъ походахъ въ Турцію, о болгарскихъ гайдукахъ и, наконецъ, о распространеніи на Балканскомъ полуостровѣ Албанцевъ, Цыганъ, Турокъ и Татаръ. При такомъ разнообразіи содержанія были неизбѣжны, съ одной стороны, излишнія подробности (о войникахъ, валашскихъ торговыхъ городахъ), а съ другой стороны—недомолвки и пропуски (объ иностранныхъ купцахъ въ Турціи, о католикахъ, объ австрійскихъ походахъ). Это же разнообразіе и эпизодичность изложенія имѣютъ своимъ результатомъ, что читатель мало узнастъ о судьбѣ Болгаръ и это малое забываетъ подъ давленіемъ все новыхъ и новыхъ свѣдѣній о самыхъ разнообразныхъ предметахъ.

Въ XXVIII-й главѣ говорится о Пасваноглу и Кирджалияхъ—по Цивкейзену, Энгелю, Пуквилю, Раковскому, П. Гитову, Караджичу и нѣкоторымъ другимъ. Есть свѣдѣнія любопытныя, особенно заимствованныя изъ записокъ епископа Софронія и гайдука Панаѳота Гитова; но вообще это предметъ довольно извѣстный и не заслуживавшій такого подробнаго изложенія: о Пасваноглу и Кирджалияхъ г. Иречекъ распространяется на 25 страницахъ, то-есть, въ 2¹/₂ раза болѣе, чѣмъ о Симеонѣ (всего 10 страницъ), и въ 1²/₃ раза болѣе, чѣмъ объ Асѣнѣ II (15 стр.). Казалось бы, что знаменитѣйшіе болгарскіе цари; Симеонъ и Асѣнъ II, заслуживали во всѣхъ отношеніяхъ болѣе вниманія, чѣмъ Пасваноглу съ гайдуками.

Въ слѣдующей XXIX-й главѣ онъ сообщаетъ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ фанариотскаго духовенства въ Болгаріи. И здѣсь есть любопытныя извѣстія, заимствованныя изъ малораспространенныхъ болгарскихъ періодическихъ изданій; но объ этомъ вопросѣ очень много писали и у насъ, и за границею.

Въ этихъ трехъ главахъ (XXVII-й—XXIX-й) изложена исторія Болгаръ подъ турецкимъ владычествомъ съ XVI в. по первую четверть XIX столѣтія. „Причины, увеличивавшія бѣдствія Болгаръ“, говоритъ объ этихъ главахъ г. Дриповъ, — „изложены въ вѣдѣ г. Иречка довольно ясно и довольно подробно. Припомните, что кромѣ извѣстной статьи

г. Макушева, въ которой говорится только о XV и XVI вѣкѣ, до сихъ поръ не было ничего писано объ этомъ времени, и вы поймете, каковаго большаго и тяжелаго труда стоило составленіе этихъ 82 страницъ (вѣрнѣе 67 стр., такъ какъ г. Дриновъ ошибочно насчитываетъ четыре главы вмѣсто трехъ). Отзывъ этотъ, и то только отчасти, справедливъ относительно XXVII-й главы; что же касается остальныхъ двухъ, то въ нихъ очень мало новаго и неизвѣстнаго въ литературѣ: такъ, о Пасваноглу и Кирджалияхъ есть свѣдѣнія у Л. Ранке (Исторія сербскаго возстанія по разказамъ Караджича), у Saint-René Taillandier (La Serbie. Kara-Georges et Milosch.), у Каница (Die Donau-Bulgarien) и другихъ; а о фанаріотахъ у насъ имѣется цѣлая литература.

Въ XXX-й главѣ говорится вкратцѣ о двухъ первыхъ виновникахъ народнаго возрожденія Болгаръ, аеонскомъ монахѣ Пансіѣ изъ Самокова, написавшемъ въ 1762 году славяно-болгарскую исторію, и Софроніѣ, епископѣ Врацы (1739—1815 г.), отъ котораго, между прочимъ, остались любопытныя записки. Вся эта глава написана по двумъ статьямъ, напечатаннымъ въ Периодич. Спис. на Вѣдларскаго книжовно дружество)—г. Дринова о Пансіѣ (кн. IV, 1871) и неизвѣстнаго—о Софроніи (кн. V—VI, 1872). Г. Дриновъ въ своей рецензіи говоритъ, что онъ только изъ исторіи Иречка узналъ, что Софроній былъ ученикъ Пансіа. По еще въ 6 книжкѣ Период. Спис. зу 1872, на стр. 4 читается: „Отецъ Пансіа е ималъ много ученици и послѣдователи... Единъ отъ найзнаменитѣхъ по животѣхъ и народоплезнитѣхъ си трудове неговъ ученикъ и послѣдователь, а сѣшто и сѣвременникъ е билъ безъ противорѣчїе — Стойко Владиславовъ, когото относѣхъ, като стана владика (епископъ), нарекохъ Софроній“...

О русскихъ походахъ въ Турцію въ первой четверти нынѣшняго столѣтія и о греческой революціи, о которыхъ говоритъ г. Иречекъ въ XXXI-й главѣ, хорошо извѣстно изъ изданныхъ у насъ, особенно въ послѣднее время, книгъ и статей. Г. Иречекъ пользуется почти исключительно Цинкейзеномъ; но есть у него любопытныя свѣдѣнія, заимствованныя изъ болгарскихъ источниковъ, объ участіи гайдуковъ въ нашихъ походахъ и въ замыслахъ гетеристовъ.

Въ XXXII-й главѣ, озаглавленной „Новоболгарское движеніе“, говорится вкратцѣ о литературномъ возрожденіи Болгаръ и объ учрежденіи народныхъ школъ въ Болгаріи: это—предметъ довольно у насъ извѣстный; свѣдѣнія о немъ имѣются и въ нашей (статьи Венелина, Палаузова, П. П. Срезневскаго и др.), и въ болгарской (Априлова),

и въ нѣмецкой литературѣ (особенно послѣдній трудъ Капица о Болгаріи).

О болгарскомъ церковномъ вопросѣ, составляющемъ содержаніе XXXIII-й главы, писано такъ много у насъ и за границею, что мы считаемъ излишнимъ останавливаться на краткомъ изложеніи г. Иречка. Общій сводъ написаннаго по этому вопросу у насъ можно найти въ книгѣ г. Голубинскаго, а нѣкоторыя новія подробности— у Капица.

Наконецъ, въ послѣдней XXXIV-й главѣ представленъ краткій очеркъ новоболгарской литературы. Жаль, что г. Иречекъ, ограничился тутъ только библиографическимъ очеркомъ и оставилъ въ сторонѣ вопросъ о литературномъ и научномъ значеніи новоболгарскихъ книгъ и періодическихъ изданій. Стоило также сообщить обстоятельныя свѣдѣнія о дѣятельности Браиловскаго литературнаго общества.

Русскій переводчикъ опустилъ прибавленіе къ „Исторіи Болгаръ“, въ которомъ говорится о народахъ, обитающихъ въ Болгаріи, и сообщаются статистическія свѣдѣнія о Болгарахъ, общее число которыхъ авторъ принимаетъ въ 5,500,000. Опущены также предисловіе и указатель, облегчающій справку. Особенно жаль, что переводчикъ опустилъ предисловіе, въ которомъ авторъ высказалъ свой взглядъ на положеніе Болгаръ въ Турціи и на научную разработку болгарской исторіи. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ въ изданіи г. Яковлева, представляемъ точный переводъ этого предисловія, отиѣчая разницу между нѣмецкимъ и чешскимъ текстомъ.

„Между народами Европейской Турціи Болгаре занимаютъ первое мѣсто по числу и пространству земель, на которомъ звучитъ ихъ рѣчь. Ихъ жилища, за исключеніемъ пемпогихъ колоній и породцевъ и Приморья, обнимаютъ древнія земли Мизіи, Оракіи и Македоніи, территорію почти въ 4000 квадр. миль. Въ средніе вѣка, образуя сильное государство, они нерѣдко имѣли рѣшительное вліяніе на судьбу Балканскаго полуострова ¹⁾. Въ повѣйшее время вниманіе Европы обращено на ихъ промышленную и торговую дѣятельность.

¹⁾ Въ чешскомъ изданіи читаемъ: „Въ средніе вѣка Болгаре, народъ славный и сильный, подъ управленіемъ своихъ царей въ Прѣславѣ, Охридѣ и Трновѣ не разъ рѣшали судьбу всего Балканскаго полуострова. Державы Симеона, Самуила и Іоанна Асѣна II соприкасались съ тремя морями—Чернымъ, Эгейскимъ и Адриатическимъ, и угрожали самому Цареграду. Когда Турки начали покорять полуостровъ, Болгаре должны были имъ подчиниться и мало по малу при-

„Географія болгарскихъ земель стала въ наше время предметомъ непрестанныхъ изслѣдованій. Д-ръ Ами Буэ, почтенный Цесторъ изслѣдователемъ Балканскаго полуострова, нашелъ многочисленныхъ и замѣчательныхъ преемниковъ. Гривебахъ, Викенель, Лежанъ, Ганъ, Бартъ, Гоштеттеръ, Кипертъ и неутомимый Каницъ продолжали съ усиліемъ начатія ихъ работы. Благодаря ихъ ревностнымъ изслѣдованіямъ, мракъ, покрывавшій эти земли еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, болшею частію разсѣялся ¹⁾).

„Иное дѣло — исторія Болгаръ. Первый опытъ систематическаго ея изложенія представилъ сербъ Раичъ въ своей Югославинской исторіи (1794 г.). Преемникъ Раича, Энгель, въ своей „Geschichte der Bulgarei“ (1797 г.) предложилъ первый критическій обзоръ всей исторіи Болгаръ. Шафарикъ своими „Славянскими Древностями“ (1837 г.) и многочисленными позднѣйшими изслѣдованіями оказалъ незабвенныя услуги въ разработкѣ древнаго періода. Несравненно меньшую научную цѣну имѣютъ сочиненія Венелина. Въ послѣднее время русскіе историки Гильфердингъ, Григоровичъ, Голубинскій, Макушевъ, Хорватъ Рачкій и Болгаринъ Дриповъ, лучшій знатокъ исторіи своего народа, приобрѣли большія заслуги основательною разработкой отдѣльныхъ частей (болгарской исторіи) ²⁾. Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ не имѣется общаго обзора исторіи Болгаръ, соответствующаго требованіямъ исторической критики и основаннаго на источникахъ, въ послѣднее время обнародованныхъ.

„Желаніе пополнить этотъ пробѣлъ, особенно чувствительный въ настоящее время, руководило авторомъ предлагаемой книги. Для древняго періода сочиненія вышепоименованныхъ писателей служили ему прочнымъ основаніемъ ³⁾; но со времени возстанія Асѣня и Петра (1186 г.) до нашихъ дней онъ былъ болшею частію обреченъ на собственныя изслѣдованія ⁴⁾, въ особенности же при описаніи государ-

шли въ полное забвеніе. Только съ начала нынѣшняго столѣтія ихъ народная жизнь съ удивительною быстротою обновляется“.

¹⁾ Объ этомъ въ чешскомъ изданіи говорится въ концѣ предисловія, и то не съ такими похвалами.

²⁾ Въ этомъ перечнѣ забыты труды Геггарда и Палаузова.

³⁾ Въ чешскомъ изданіи слѣдуетъ замѣчаніе, что новѣйшее изслѣдованіе Дрипова (Византія и южныя славяне въ X вѣкѣ) показало необходимость проработки и переработки прежнихъ историческихъ трудовъ относительно и этого періода.

⁴⁾ Заявленіе совершенно ложное, какъ мы старались показать въ настоящемъ сборѣ исторіи г. Пречка.

ственной и культурной жизни древнихъ Болгаръ. Само собою разумѣется, что при наилучшихъ стремленіяхъ остались нѣкоторые пробѣлы. Большое затрудненіе при этомъ составляло то обстоятельство, что источники не только писаны на самыхъ разнообразныхъ языкахъ, но также разсѣяны въ половинѣ Европы и иногда недоступны, хотя и напечатаны“.

Далѣе авторъ изъявляетъ благодарность лицамъ, помогавшимъ ему въ его изслѣдованіяхъ, и наконецъ, замѣчаетъ, что въ нѣмецкой обработкѣ своего труда онъ воспользовался нѣкоторыми новыми источниками и опустил кое-какія неважныя подробности.

Мы не считали нужнымъ подробно останавливаться на послѣднихъ главахъ книги г. Иречка, потому что предметы, составляющіе ихъ содержаніе, достаточно извѣстны, и большая половина ихъ относится къ исторіи литературы, а не народа. Очевидно, г. Иречекъ хотѣлъ сдѣлать свою книгу справочною по всѣмъ вопросамъ, касающимся прошлаго и настоящаго Болгаръ: исполненіе такой обширной программы было трудно и требовало иногда самостоятельныхъ изслѣдованій. Отчасти этимъ, отчасти молодостью и неопытностью автора, отчасти вліяніемъ общества, въ которомъ онъ живетъ, объясняются его ошибки, промахи и недомолвки. Судь нашъ можетъ показаться слишкомъ строгимъ; но мы полагаемъ, что для молодаго писателя гораздо полезнѣе суровая критика, чѣмъ преувеличенныя похвалы. Притомъ же, не зная лично г. Иречка, мы руководились не личными соображеніями, а единственно пользою науки и русскаго общества: подъ вліяніемъ похвальнаго отзыва г. Дринова, русскіе читатели могутъ слишкомъ довѣриться повѣствованію г. Иречка и принять за положенія науки нѣкоторые невѣрные домыслы и заблужденія западно-славянскихъ ученыхъ, противъ которыхъ мы сочли нужнымъ вооружиться.

Викентій Макушевъ.